

ISSN 0131-7652 (Print)
E-ISSN 2686-7605

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 1 2021 г.

**АРКТИКА:
драйверы изменений**

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

1 (559) 2021

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

1 (559) 2021

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Двойственная реальность

Тема номера: АРКТИКА:

ДРАЙВЕРЫ ИЗМЕНЕНИЙ

- 8 КРЮКОВ В.А.,
МЕДЖИДОВА Д.Д.
Арктические активы –
от масштаба к трансформности
- 40 ПИЛЯСОВ А.Н.,
БОГОДУХОВ А.О.
Арктическая корпорация:
подступы к формированию
новой теории (часть 1)
- 67 ЗАМЯТИНА Н.Ю.
Развилки судьбы фронтального
города: уроки Игарки

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 93 ДАНИЛОВ Ю.А.,
ПИВОВАРОВ Д.А.
Влияние социокультурных факторов
на финансовое развитие
- 112 КОМАРОВ В.М.,
ВОЛОШИНСКАЯ А.А.
Национальные стратегии
устойчивого развития:
сравнительный анализ

ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

- 130 ДУГАРОВА Г.Б.
Анализ и оценка последствий
наводнения в г.Тулуне
(Иркутская область)

ВЕРШИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 151 ВОРОНОВ Ю.П.
Аукционы – сердце
рыночной экономики.
Нобелевская премия
по экономике 2020 г.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 170 ФОМИН Д.А.
Экономический журнал,
экономическая наука
и экономическая жизнь.
(Размышления по случаю
50-летия журнала «ЭКО»)
- 184 «ЭКО»-информ

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Dual Reality

Cover story: THE ARCTIC: DRIVERS OF CHANGE

- 8 KRYUKOV, V.A.,
MEDZHIDOVA, D.D.
Arctic Assets – from Economies
of Scale to Transformity?
- 40 PILYASOV, A.N.,
BOGODUKHOV, A.O.
Arctic Corporation: Choosing
Approaches to Create New Theory
- 67 ZAMYATINA, N.Yu.
Bifurcations of the Fate of
a Frontier City: Igarka Lessons

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 93 DANILOV, Yu.A.,
PIVOVAROV, D.A.
The Influence of Sociocultural Factors
on Financial Development
- 112 KOMAROV, V.M.,
VOLOSHINSKAYA, A.A.
National Strategies of Sustainable
Development: Comparative Analysis

ECOLOGY AND ECONOMY

- 130 DUGAROVA, G.B.
Analysis and Estimation of Flood
Consequences in Tulun (Irkutsk
Region)

PINNACLES OF ECONOMIC SCIENCE

- 151 VORONOV, Yu.P.
Auctions – the Heart
of a Market Economy.
Nobel Prize
on Economics 2020

DEBATES

- 170 FOMIN, D.A.
Economic Journal,
Economic Science
and Economic Life.
(Reflections on the Occasion
of the 50th Anniversary of 'ECO')

184 "ECO"-inform

Двойственная реальность

Понятие двойственности – одно из ключевых в социально-экономической науке. Всем, кто изучал основы классической экономической теории «по Марксу», хорошо знакомо понятие двойственности товара. А именно возможность того или иного продукта, с одной стороны, удовлетворять те или иные потребности человека, а с другой – содержать в себе определенную стоимость (ценность), которая может служить основой прироста активов «хозяйствующего субъекта» (непосредственного производителя или фактического собственника).

Разрешение имманентного конфликта между этими двумя свойствами товара, согласно постулатам марксистской теории, является сложнейшей теоретической и практической проблемой. От ее удовлетворительного решения зависит, будет ли на земле, в конечном счете, построен мир гармонии и всеобщей справедливости.

Увы, как показала практика, такая постановка ключевой проблемы социально-экономического развития и утопична, и очень схематична. Тем не менее она дает пищу для анализа многих проблем и ситуаций в различных сферах человеческой деятельности. Например, при размышлении о судьбах развития Севера и Арктики.

Этот уникальный регион тоже имеет двойственный характер. С одной стороны, Арктика – достояние всего человечества (особенно, с точки зрения влияния на климатические процессы), с другой – реальную возможность использовать ее уникальные природные ресурсы для решения собственных проблем и задач могут только приарктические страны, берега которых омывает Северный Ледовитый океан и моря его бассейна.

Двойственность всех хозяйственных процессов в Арктике обусловлена такими обстоятельствами, как а) стремление к освоению и использованию в хозяйственной деятельности ее уникальных природных ресурсов (чаще всего это связано с их вывозом на внешние рынки, расположенные далеко за пределами данной территории); б) применение при решении хозяйственных и социально-экономических проблем подходов и практик, успешно себя зарекомендовавших в других регионах или районах.

В практическом смысле отмеченная выше двойственность проявляется как безусловное доминирование глобального начала над локальным, то есть «внешние» по отношению к Арктике практики, присущие современной цивилизации, преобладают над теми, что сформировались на ее территории в течение длительного времени.

На взгляд автора, только сейчас в какой-то мере можно говорить о начале сближения (поиска точек соприкосновения) двух отмеченных выше сторон хозяйственной деятельности в Арктике. Именно этому и посвящена нынешняя тематическая подборка журнала «ЭКО». Ее авторы анализируют особенности активностей арктической экономики – как с позиции глобальной экономики (стремления к достижению «экономии на масштабе»), так и локальной/традиционной (обладающей таким качеством, как «трансформность») (статья В. А. Крюкова и Д. Д. Меджидовой).

Чрезвычайно поучителен и показателен пример «фронтирного» города на примере Игарки (статья Н. Ю. Замятиной). Основные причины его угасания – в узкоиндустриальном подходе к развитию градообразующей хозяйственной деятельности и отсутствии (скорее, даже невозможности) комплексного подхода, учитывающего не только глобальные, но и локальные его особенности в рамках избранного направления «глобально-ориентированного» развития. «“Золотой век” массового производства и обострения узкой специализации (заложенный еще в предвоенные годы после репрессий в системе Севморпути и многократно усиленный погоней за валовыми показателями в последние десятилетия советской власти) обернулся слабостью городской системы перед лицом пришедших экономических трудностей 1990-х».

Представляет интерес взгляд на данные процессы «свидетелей» событий бурного освоения Арктики в начале прошлого века. Так, норвежский и российский предприниматель Йонас Лид (который в 1912 г. основал «Сибирское общество пароходства, промышленности и торговли», был одним из инициаторов организации лесопильного производства на Ангаре, а также сооружения ряда портов по трассе Карского морского пути) заметил следующее (в книге, первоначально изданной в Лондоне в 1960 г.)¹:

«...Игарка была построена исключительно для обслуживания экспортной торговли. Она имела двойное назначение – обеспечение экспорта леса на Запад и удовлетворение предполагаемых потребностей Сибири в древесине. На мой взгляд, намного лучше было бы построить лесопильный завод рядом с Красноярском, например, в Маклаково. Игарка возникла для того, чтобы за первый пятилетний план увеличить объем экспорта леса по Карскому морскому пути и тем самым приукрасить статистику производительности.

¹ Лид Йонас. Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». Красноярск: Издательство «Растр», 2019. 320 с. [С. 238]. URL: <https://gnkk.ru/books/yonas-lid-sibirskaya-arktika-issledov/>

Для тех дней подобная ситуация была в порядке вещей. И, конечно же, вся древесина сплавлялась вниз по реке. Свободный водный путь позволял океанским кораблям без помех заходить в устье реки. При этом не было смысла отправлять продукцию из Игарки вверх, против течения, в Центральную Сибирь на расстояние свыше 1000 миль. В 1933 году произошли значительные изменения в характере торговли, и перед Игаркой встала дилемма: либо умереть, либо продолжать экспорт леса на Запад».

Изначально не принимались во внимание не только вопросы будущего развития северного города, именно как города (а не места проживания работников лесоперевалочного хаба), но также и вопросы его связи с развитием экономики более южных регионов Сибири. По сути, это был изолированный производственный проект «глобального» характера.

Не менее убедительны впечатления американской журналистки Рут Грубер², опубликованные в далеком 1939 г.³: «Дом Советов, Горсовет – встреча с Валентиной Остроумовой – секретарем Горкома КПСС, а также партторгом Администрации Севморпути в Игарке:

Валентина Остроумова: *“Наши важнейшие задачи – делать жизнь комфортной и здоровой для всех работающих. Нам необходимо построить более теплые и удобные дома. Мы должны увеличить наши теплицы, чтобы наши рабочие имели свежие овощи. Нам надо обеспечить всех наших колхозников скотом – коровами и свиньями, создать на этой основе местную продовольственную базу. Нам необходимо построить водонапорную башню для обеспечения населения чистой питьевой водой. Мы должны увеличить мощность нашей энергостанции с 1300 кВт до 3600 кВт”*.

Рут Грубер: *“Я видела пароходы в гавани. Как работает Карский морской путь?”*

Валентина Остроумова: *“Очень просто”*. Ответила она, немного подумав. *“Каждое лето иностранные и советские пароходы приплывают из портов Европы в Карское море в Советскую Арктику. Их встречает советский ледокол, который помогает каравану судов пройти через Карское море, которое путешественники называют “ледяным сундуком Арктики”*. Также в составе

² Парасюк И. Три жизни американской журналистки Рут Грубер. URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2019/3/235/9476/tri-zhizni-amerikanskoj-zhurnalistki-rut-gruber?lang=ru>

³ Ruth I Gruber. Went to the Soviet Arctic. New York: Simon and Shuster, 1939. 333 p. [Pp. 85–88].

каравана суда приходят по Енисею в Игарку. Они привозят машины, различные виды продовольствия, а также все то, что мы заказываем. В свою очередь, они забирают наш лес”.

Рут Грубер: “Пытаясь подвести итог сказанному и подчеркнуть значимость города, я постаралась суммировать услышанное: *“Тогда можно определенно сказать, что реальная роль Игарки быть Арктическим морским портом, воротами, через которые Сибирские богатства могут поставляться на мировые рынки?”.*”

Она (В. Остроумова) утвердительно кивнула».

Успешность поиска и реализации различных моделей сочетания глобальных и локальных черт и особенностей экономических процессов в Арктике зависит от многих участников – государства, сообществ коренных народов, хозяйствующих субъектов и, прежде всего, от крупных, глобальных по своей сути и направленности деятельности ресурсных корпораций, обосновавшихся здесь. Последние имеют ряд как исходных отличительных черт, так и новых особенностей, обусловленных в том числе современными технологическими и информационными процессами (статья А. Н. Пилясова и А. О. Богодухова), позволяющих выделить их в особый класс арктических ТНК. Однако слабый учет ими локальной специфики ведет к тому, что «реалии платформенного освоения Арктики порождают, с одной стороны, недостижимый ранее уровень эффективности интеллектуальных производственных процессов; с другой – многочисленные социальные издержки для территории добычи от новых технологических решений».

Процесс решения непростой проблемы преодоления двойственности арктической экономики и формируемой ею реальности находится, пожалуй, в самой начальной стадии. Скорее всего, это решение не может быть универсальным, приемлемым для всех случаев и во всех местах. И не менее очевидно, что поиск его не будет успешным без стремления всех сторон к диалогу и умения идти на взаимоприемлемые компромиссы. Надеемся, что материалы сегодняшней подборки подскажут, как и в каком направлении можно и нужно вести обсуждение этих проблем.

Арктические активы – от масштаба к трансформности?

В.А. КРЮКОВ, академик РАН. E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru,
ORCID: 0000-0003-1063-3162

директор Института экономики и организации промышленного производства
СО РАН, Новосибирск, НИУ-Высшая школа экономики, Москва

Д.Д. МЕДЖИДОВА. ORCID: 0000-0002-7315-6044
НИУ-Высшая школа экономики, ИМЭМО РАН, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения и изменения состава активов, обеспечивающих достижение экономических и общественно-полезных целей развития Арктической зоны РФ. Авторы используют подход, сочетающий в себе особенности двух разных концепций. Первая применялась для оценки экономических активов (используемых преимущественно для освоения природных ресурсов), вторая же – для оценки хозяйственных (связанных с деятельностью и образом жизни коренных народов Севера и Арктики). К числу отличительных черт экономических активов АЗ РФ традиционно относили уникальные свойства природных ресурсов и характеристики объектов, их содержащих (эффект масштаба). В свою очередь одной из имманентных характеристик хозяйственных активов народов Севера и Арктики считалась так называемая «трансформность» – пространственная рассредоточенность активов, гибкость и адаптивность применяемых знаний и практик, обеспечивающих гармоничные взаимоотношения с окружающей средой и уникальными природными объектами. Предложенный авторами подход предполагает отказ от применения «эффекта масштаба» в его чистом виде в пользу формирования экономических активов, сочетающих лучшие современные высокотехнологичные решения и качества трансформности, присущие традиционной хозяйственной деятельности народов Севера и Арктики.

Ключевые слова: активы; Арктика; экономическая деятельность; эффект масштаба; специфичность активов; пространственные и климатические особенности; формы взаимодействия экономических агентов; трансформность активов

Введение

Проблемы и перспективы Арктики, без сомнения, входят в целый комплекс жизненно-важных вопросов развития России. Их важность обусловлена, главным образом, исторической динамикой и географическим положением нашей северной страны. Многие особенности истории, экономики и политики РФ формировались (и продолжают формироваться) под воздействием данного обстоятельства.

Следует также обратить внимание на геополитический и геостратегический факторы (в качестве зримых «метрик» можно отметить «вес» градуса по широте Земли в Южном и Северном полушарии). Из Арктики многие места и маршруты выглядят совсем по-другому – гораздо ближе и доступней.

Нельзя не принимать во внимание и уникальные природные и естественно-географические ресурсы и потенциальные возможности, которыми так богата эта единственная в своем роде территория. Заметим, что с течением времени роль природных ресурсов меняется – в зависимости не только от экономических потребностей человечества, но и от понимания целостности экосистем нашей планеты. Особенно явственно эти изменения прослеживаются на протяжении последних 10–15 лет – от «нефтегазовой» эйфории по поводу колоссального ресурсно-энергетического потенциала Арктики¹ акцент постепенно сместился к обсуждению проблем утраты паковых льдов, таяния вечной мерзлоты и критического влияния на климат и условия жизни на Земле.

В современных условиях нарастающих экологических проблем и резкого роста потребления все большую важность приобретают уникальные знания, умения и практики жизни и деятельности в Арктике. Это обусловлено не только пугающими прогнозами стремительной деградации окружающей среды, но и пониманием сложности и неоднозначности процессов социально-экономического развития.

Очередным толчком к осознанию данных проблем стала авария топливозаправочной станции Норильской ТЭЦ-3 в мае 2020 г., когда в грунт и реки Амбарная и Далдыкан попало около 21 тыс. т дизтоплива. Экологическая катастрофа стала причиной введения ЧС федерального масштаба². Авария высветила не только пренебрежение к вопросам инженерного и, в целом, научно-технического обеспечения функционирования производственных и социальных объектов в высоких широтах, неразвитость системы реагирования и ликвидации последствий подобных катастроф, но также и неадекватность существующих подходов

¹ Она во многом опиралась на оценки геологической службы США – USGS.

² Подробнее см.: ЧС с разливом дизеля в Норильске. Что важно знать. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/06/2020/5ed7b3a19a79470f8a58995b> (дата обращения: 24.11.2020).

к решению вопросов экономического и, тем более, социального и экологического «присутствия» на Севере и в Арктике [Hassink, 2020].

Косвенным свидетельством, подтверждающим последний тезис, является целый ряд документов и решений стратегического характера, затрагивающих Арктическую зону (АЗ) РФ³. Как нам представляется, именно рассогласованность данных документов и невысокая степень реализации сформулированных задач и целей стали причинами принятия Указа Президента РФ от 5 марта 2020 года № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», а также его поручение Минвостокразвития разработать новую редакцию госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ».

Вместе с тем для обоих пакетов документов (2013–2017 гг. и 2020 г.) характерен пересмотр роли государства в развитии Арктической зоны. Речь идет о переходе от преимущественного участия государства в качестве хозяйствующего субъекта к роли законодателя и гаранта неизменности подходов и процедур реализации проектов. Последнее относится как к бизнесу, так и к другим общественным и экономическим агентам, включая объединения и ассоциации коренных народов Севера. В документах 2020 г. особенно очевидной является приоритетность мер экономического стимулирования социально-экономического развития территорий Арктики.

Данная проблематика – место и роль стимулирующих правил и процедур ведения хозяйственной деятельности в этом регионе – очень широка и многомерна (см., например [Young, 1992]). На взгляд авторов, чрезвычайно важны анализ и понимание тех целей и задач, что ставят перед собой акторы социальных и хозяйственных процессов в Арктике: государство, бизнес и сообщества коренных народов. Анализ причин, которыми

³ В их числе – «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена 8 февраля 2013 г.), Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы “Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года”», Постановление Правительства РФ от 8 июня 2015 года № 3529п-П19 «О комплексном проекте развития Северного морского пути», Постановление Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366».

они руководствуются, позволяет понять, какие факторы (материальные и нематериальные) помогают им достигать поставленных целей.

Активы – результаты

Анализ динамики экономических и хозяйственных процессов в тех или иных условиях, как правило, основывается на изучении активов, которые являются инструментами для достижения целевых результатов.

«Наполнение» данного понятия в значительной степени зависит от того, что является целью – обеспечение жизнедеятельности человека (что характерно, например, для коренных народов Севера и Арктики) или же получение дополнительного дохода в той или иной форме.

Именно для последнего случая активы определяются как «не-что реально существующее, обладающее рыночной или меновой стоимостью и образующие часть богатства (wealth) или собственности его владельца». В экономической теории существует разделение на активы реальные, представляющие собой материальные ресурсы, участвующие в производстве, либо служащие своему непосредственному владельцу в виде предприятий, зданий, продукции сельского хозяйства, и финансовые, включающие деньги, облигации и акции, представляющие собой требования или право на получение дохода либо ценностей от других лиц»⁴.

Активы целесообразно определять с учетом институциональных рамок, навыков, норм и правил, а также отдельных особенностей зданий и сооружений, природных ресурсов, знаний и квалификации (умений) работников (участников). Например, в настоящее время как страны, так и экономические субъекты сталкиваются с нарастающими трансформационными вызовами, причина которых – воздействие цифровых технологий [Isaksen et al., 2020].

Активы – взаимодействия

Анализ состава, структуры и свойств активов необходим не только в том аспекте, что именно связано с хозяйственной или

⁴ Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Дэвида У. Пирса. Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1997. 608 с. [С. 29].

экономической деятельностью, но и, как показывают исследования сторонников новой институциональной экономики (НИЭТ), с точки зрения того, как и каким образом их собственники (пользователи) взаимодействуют с «окружением».

С позиции НИЭТ одной из важнейших характеристик активов является их специфичность. О. Уильямсон связывает специфичность актива с возможностью его альтернативного использования другими экономическими агентами без потери эффективности [Williamson, 1991. P. 79]. В определенном смысле специфичность является своего рода связующим звеном, позволяющим объединить анализ уровня транзакционных издержек с длительностью контрактов, а также «совместить» неопределенность и ограниченную рациональность участников экономических взаимодействий. С этой точки зрения, например, построение иерархии (в частности, формирование вертикально интегрированной компании) при наличии активов с высоким уровнем специфичности является «наименьшим злом» [Там же. С. 83].

О. Уильямсон выделяет три типа транзакций между экономическими субъектами: неспецифические, специфические и идиосинкратические (высокоспецифические). Господствующий тип транзакций предопределяет тип контракта, заключаемого сторонами: классический (управление посредством механизма цен), неоклассический (трехсторонняя структура управления) и отношенческий (двух- и односторонняя структура управления). Высокий уровень специфичности в данном контексте будет свойствен активам, требующим значительных дополнительных затрат (как в форме инвестиций, так и текущих издержек координации взаимодействий с другими участниками). В том случае, когда активы являются высокоспецифичными (идиосинкратическими), а частота сделок – регулярной, наиболее приемлемым способом координации представляется вертикальная интеграция.

Специфичность активов обуславливает двустороннюю зависимость сторон и тем самым создает возможности оппортунистического поведения и предпосылки возникновения проблемы «захвата» актива [Joskow, 1993]. Именно специфичность совместно с уровнем неопределенности и частотой транзакций определяют величину издержек координации – транзакционных издержек (ТАИ) [Neumann, von Hirschhausen, 2006]. ТАИ возрастают по мере

повышения специфичности и неопределенности и снижаются с ростом частоты транзакций, что и подтвердил П. Джоскоу на примере рынка электроэнергии [Joskow, 1998].

Отметим, что в упомянутых работах анализ рыночных взаимодействий проводится без учета роли и влияния пространства, а также в неявном предположении о «приемлемой» продолжительности взаимодействий участников транзакций. Иными словами, в условиях, когда сроки ожидания доставки и общая длительность цикла создания стоимости, в общем и целом, соответствуют общепринятым в мировой практике. Кроме того, неявно предполагается, что состав и интересы участников взаимодействий являются однородными – все преследуют достижение экономической выгоды.

Однако, как было отмечено выше, в Арктике особо значима роль пространства, и «экономическое время» там имеет особый ритм.

Цели, мотивы в Арктике – документы и реальность

Нам представляется, что необходимо различать те цели и мотивы экономической и хозяйственной деятельности в Арктике, которые декларируются в многочисленных стратегиях, от тех, что реализуются на практике. Данное утверждение распространяется не только на Россию, но и на многие другие арктические страны и международные организации. За последние годы появилось множество глубоких и содержательных работ по проблемам социально-экономического развития Арктики как российских [Экономика современной Арктики..., 2020; Зубков, Карпов, 2019; Комлева и др., 2017; Замятина, Пилясов, 2018], так и зарубежных исследователей [Young et al., 2020; Larsen, Fondahl, 2014; NORDREGIO..., 2011; Glomsrød, Aslaksen, 2006].

Все страны Арктического бассейна имеют свое стратегическое видение целей, задач и направлений их достижения в условиях северных широт. Значительное место среди них занимают геополитические проблемы и вопросы. В то же время страны придают все большую важность социальным и экономическим аспектам развития Севера и Арктики (при непременном обеспечении экологической устойчивости их хрупких экосистем).

Так, например, Норвегия определяет в качестве основных целей обеспечение мирного, инновационного и устойчивого развития Севера⁵. «Мы стремимся к достижению экономического роста и будущей занятости на Севере, основываясь на экологических и социальных приоритетах... Устойчивый регион – тот, который имеет сбалансированную структуру населения, и где человеческие и природные ресурсы используются для обеспечения развития и роста – как сейчас, так и в будущем... Наши решения всегда будут основываться на наилучшем доступном знании. Знание играет критически важную роль в становлении на Севере модели устойчивого развития».

Северная стратегия Канады⁶ сфокусирована на четырех основных целевых приоритетах: обеспечение суверенитета в Арктике; поощрение и обеспечение социально-экономического развития; защита природного наследия; развитие и совершенствование степени вовлеченности местных сообществ в управление с целью участия в решении своих жизненно важных вопросов.

В Финляндии среди ключевых целевых ориентиров выделены развитие северных территорий, накопление и применение уникального опыта и знаний, обеспечение экологически устойчивого развития, развитие международного трансарктического сотрудничества. Основная цель – содействие развитию и повышению конкурентоспособности Арктического региона при обязательном соблюдении экологических требований.

Многие из отмеченных выше целей рассматриваются как ориентиры, и их достижение требует не только определенного времени, но и формирования эффективных подходов для этого.

В то же время для Арктики «еще нередки удаленные поселения без доступа к надежному энергоснабжению. Ветхие дома без водопровода также не исключение. Перебои с поставкой продовольствия – частое явление в поселениях, которые живут за счет

⁵ Arctic Strategy 2017 (Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development)// Norwegian Ministries. Oslo. 2017. 40 p.

Why the Arctic Matters America's Responsibilities as an Arctic Nation?//A Commonwealth north Study report. Mead Treadwell and Tim Wierking, co-chairs. Anchorage. 2009. May. 63 p.

URL: <http://www.commonwealthnorth.org/download/Reports/Why-Arctic-Matters-Final.pdf>

Finland's Strategy for the Arctic Region 2013. Government resolution on 23 August 2013-Prime Minister's Office Publications. 2013. 70 p.

⁶ Canada's Northern Strategy – our North, our Heritage, our Future// Minister of Indian Affairs and Northern Development and Federal Interlocutor for Métis and Non-Status Indians. Ottawa. 2009. 40 p.

традиционных занятий, таких как охота и рыболовство. Это сопровождается хронической нехваткой средств на муниципальные нужды. Сохраняются опасения за состояние окружающей среды в связи с активностью транснациональных компаний, ведущих поиск и добычу нефти, газа, а также различных полезных ископаемых» [Scruggs, 2019].

Активы – состав имеет тенденцию к расширению

Все активы, которые значимы и весомы с точки зрения отмеченных выше целевых приоритетов в Арктике, можно объединить в четыре большие группы (см. также [Why the Arctic..., 2009]): население; земля и вода; природные ресурсы; инфраструктура.

При этом правомерно по-разному подходить и к их оценке, и к формам отдачи в достижение целевых приоритетов.

В практике штата Аляска⁷, например, рассматриваются как финансовая (financial returns), так и полезная отдача (beneficial returns). Финансовая отдача оценивается по сумме поступлений на счета Казначейства, полезная – по тем результатам, которые получают непосредственно жители штата либо напрямую через различные программы поддержки, либо косвенно через создание рабочих мест, развитие новых сфер деятельности и мультипликативные эффекты. При этом территория стремится, с одной стороны, к поддержанию определенного баланса между двумя данными формами, а с другой – к созданию и поддержанию их устойчивой положительной динамики в долгосрочном периоде.

Каждая страна арктического региона проходит определенный путь как в признании тех или иных факторов ведения хозяйственной и экономической деятельности активами, так и в создании подходов и процедур получения необходимой отдачи. Следует заметить, что не все из отмеченных выше условий (факторов) ведения хозяйственной и экономической деятельности признавались активами в разное время и в различных социально-экономических обстоятельствах (и, к сожалению, это все еще в ряде случаев имеет место).

⁷ Putting Alaska's Assets to Work for Alaskans. Approved by the Commonwealth North Board of Directors on January 20, 2004. Anchorage. 17 p. URL: https://www.commonwealthnorth.org/download/Reports/2004_akassetswork.pdf

Население

Население – как цель, так и важнейший актив хозяйственной и экономической деятельности. В самом общем виде (что, однако, не совсем точно отражает реальность) население можно разделить на две группы. Первую группу представляют собой народы Севера, которые проживают и ведут хозяйственную деятельность в высоких широтах на протяжении многих сотен, а то и тысяч лет. Вторая группа – вновь прибывшие (те, кто приехал на Север и в Арктику из других регионов). Для этой группы важнейшей характеристикой является «проточность» – степень обновления более молодыми и активными людьми. Именно они признаются основной движущей силой всех тех экономических процессов, с которыми традиционно ассоциируются освоение и развитие Арктики.

С коренным населением ситуация значительно сложнее – и сами люди, и их знания, умения и навыки признаются, скорее, культурно-историческим наследием. Уникальные особенности и качества культуры, образа жизни и ведения хозяйственной деятельности народов Севера на протяжении многих лет пробуждают интерес историков, этнографов, антропологов. В числе упомянутых выше особенностей отметим «физическое движение» и «адаптивность» [Головнев, 2009]⁸.

Движение обусловлено пространственными особенностями жизни и деятельности, а адаптивность – главным образом природными и климатическими условиями. Взаимодействие движения и адаптивности формирует и особую характеристику тех активов, которые связаны с жизнью и хозяйственной деятельностью коренных народов. По меткому определению А. В. Головнева, ее можно определить как «трансформность» – способность изменять формы и способы, сообразуясь с пространством и внешней средой: «...этнография Севера позволяет широко смотреть на мир глазами тех самых людей, которые несут в себе заряд необыкновенного движения... В их технологиях заложено очень многое, что удаётся понять только пристальным изучением, только с помощью, кстати говоря, сегодняшних современных

⁸ См. с. 117 указ. сочинения: «У народов Севера физическое движение до сих пор остается стержнем деятельностной схемы, пронизывая быт и хозяйство, явь и сон», а также на с. 311: «Все культуры Севера обладали высокой адаптивностью и подвижностью...».

технологий, которые позволяют уловить тонкости их движения, сложный дизайн кочевий, необыкновенную *трансформность и моментальную маневренность*. Всё это в дополнение очень тонкой культуры природосбережения составляет серьёзное наследие. Вот последнее, что касается природопользования и природосбережения, то эта одна из черт, как будто парящих над тундрой кочевий, выражается, например, в ненецкой поговорке “земля после нас остаётся”⁹.

Происходящие на наших глазах экологические катастрофы показывают, что индустриальным гигантам, которые осваивают ресурсы Арктики, неплохо было бы брать у кочевников уроки мобильных технологий, природосбережения и быстрого реагирования.

Нам представляется, трансформность основана не столько на слепом подчинении силам природы и «гнету расстояний», сколько на опытном знании и понимании их свойств, а также применении этих знаний для формирования устойчивых практик жизни и ведения хозяйственной деятельности в Арктике.

Отметим, что названная особенность северных народов была по достоинству оценена пришедшими колонизаторами – с запада «из-за камня» и с юга – из Средней Азии много веков тому назад. Именно поэтому пришедшие не практиковали тактику «выжженной земли» (в отличие от конкистадоров в Латинской Америке), а стремились поставить себе на службу их уникальные знания, навыки и умения. Поначалу – в части добычи «мягкой рухляди» – меха, позднее – в промысле уникальных рыбных богатств (таких, например, как сосвинская сельдь или сибирский осетр). Как правило, дань, которой облагались коренные народы, не превышала разумных пределов и позволяла им продолжать вести традиционный образ жизни и хозяйствования.

Некоторые исследователи весьма тонко подметили отличительную особенность отношения северян к своим активам: «самоед смотрит на своих оленей не как на капитал, из которого он мог бы извлекать определенные выгоды и составлять известные денежные сбережения, а как на предмет, необходимый для удовлетворения его ежедневных потребностей» [Энгельгард, 2009. С. 239].

⁹ Вручение Государственных премий Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63563>

Именно трансформность обеспечивала и обеспечивает сбалансированность хозяйственной деятельности человека в Арктике, ее органичность в природной среде. Трансформность вкуче с движением – перемещением на значительные расстояния в зависимости от сезонности и условий миграции зверей и птиц – задают и уклад повседневной жизни людей на Севере, и особенности их жилищ.

К сожалению, на протяжении длительного времени коренные жители Севера и Арктики с их уникальными знаниями и навыками не считались в нашей стране активом. Напротив, их знания, навыки и умения применялись только в очень узком диапазоне «традиционных промыслов» – рыболовстве, охоте и оленеводстве и, как правило, на уровне индивидуальных практик, а не взаимодействия со средой обитания.

Эпизодически предпринимались попытки соединения знаний коренных народов с современным рациональным знанием индивида в классической рыночной экономике: введение квот на вылов рыбы, добычу пушных зверей, размер оленьих стад и т.д. Увы, практически все эти инициативы не увенчались успехом. Достаточно часто они имели результатом полное разрушение традиционных подходов. Главной причиной этого стало игнорирование опыта и знаний при определении количественных рациональных показателей, несмотря на то, что эти знания из века в век передавались через старейших и опытнейших жителей. В результате уникальный опыт был утрачен. Как следствие, например, на п-ове Ямал возникла катастрофическая ситуация с оленьими пастбищами, причиной которой стал перевыпас (излишнее поголовье) оленей из-за ничем не ограниченной ориентации владельцев стад на азиатские рынки пантового сырья¹⁰.

Земля и вода

Земельные и водные ресурсы на Севере и в Арктике на протяжении длительного времени не рассматривались в качестве актива. Скорее, это была «ничья» среда проживания коренных и вновь прибывших жителей, которая всегда имела в избытке.

¹⁰ Мельникова Ж. Тундра против коммерции // Российская газета. 2016. № 201. 08 сентября.

Более того, именно по критерию пригодности почвы для выращивания традиционных продуктов растениеводства оценивались реальные границы Арктической зоны. Так, выдающийся знаток Севера и Арктики профессор Г. А. Агранат в начале 1990-х гг. писал: «...видимо, основная проблема идентификации и делимитации Севера – поиск устойчивых признака или признаков. Представляется, что ими могут быть лишь физико-географические признаки, но, и это надо подчеркнуть, взятые не сами по себе, а как условие, определяющее специфику развития производительных сил. Невозможность широкого и надежного выращивания зерновых культур, как основы земледелия и животноводства, является наиболее характерной и неизменной экономико-географической особенностью. Развитию любых других отраслей, если не считаться с экономикой, северная природа не ставит непреодолимых препятствий» [Агранат, 1992].

По причине низкой экономической значимости земельных и водных ресурсов Арктического бассейна вопросы их эффективного освоения и использования долгое время не принимались во внимание в СССР и за рубежом.

В некоторых странах Арктического бассейна (прежде всего, в США (Аляска) и Канаде (Юкон и Северо-Западные территории)) вопросы значимости данных ресурсов и, соответственно, признания их в качестве активов актуализировались в связи с открытием крупных нефтегазовых месторождений на Северном склоне Аляски и в долине реки МакКензи в 1960–1970-е гг. Угроза утраты среды проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера и Арктики послужила импульсом разработки и принятия целого комплекса решений на сохранение земельных и водных ресурсов [Lysyk et al., 1977]. «... В северных хозяйствах почти вся жизнь людей традиционно ориентирована на собственное выживание, и вся их энергия уходит на subsistence. Именно поэтому основная проблема современного этнического Севера в Америке заключается в соединении двух типов экономики – экономики коммерческой (товарной) и экономики жизнеобеспечения», – писали ученые [Беликович, 1995].

В ряде случаев в ходе реализации нефтегазовых проектов были найдены приемлемые (на тот период времени) решения.

Например, при строительстве Трансаляскинского нефтепровода были учтены и интересы коренных народов, и вопросы защиты окружающей среды. Но были и другие примеры. В частности, строительство газопровода из дельты реки МакКензи до сих пор сопряжено со спорами с представителями местных общин, чьи интересы (защита и сохранение образа жизни и практики хозяйствования) не были учтены при проектировании [Pearse..., 1974].

Тем не менее крайне важно, что были разработаны и реализованы подходы если не к решению, то к обсуждению и учету мнения всех сторон, использующих арктические земельные и водные ресурсы [Коренные народы..., 2020]. В их основе находится оценка не только экологических последствий и экономической отдачи, но также и общественно-полезных результатов. Главная особенность данных подходов – уважение права коренных народов жить и вести традиционный образ жизни и хозяйствования в границах их исторического пространства, а также признание их права на получение части экономического дохода от освоения и использования природных ресурсов (включая полезные ископаемые) на землях их проживания [Tysiachniouk, 2020].

В России тоже были предприняты попытки законодательного закрепления прав коренных народов на землю и на получение части экономических выгод от освоения и использования минерально-сырьевых ресурсов, находящихся в недрах данных земель. В процессе приватизации 1990-х гг. за ними были «зарезервированы» значительные пакеты акций нефтегазовых компаний, впоследствии превратившихся в крупнейшие вертикально интегрированные корпорации. Увы, до коренных народов ни эти пакеты акций, ни, тем более, дивиденды от них, так и не дошли¹¹.

Не случайно ведущий специалист по правовым вопросам жизни и деятельности коренных малочисленных народов РФ профессор В. А. Кряжков с сожалением вынужден был констатировать, что «возможности субъектов РФ по регулированию отношений,

¹¹ О государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г., № 2284. В сб. «Статус малочисленных народов России. Правовые акты». М.: Юридическая литература. 1994. 488 с.

О Северном фонде автономного округа. Постановление Губернатора ХМАО от 14 февраля 2001 года № 29. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819010880>.

связанных с правом малочисленных народов на земли, достаточно ограничены» [Кряжков, 2010. С. 260]. Иллюстрацией крайней ограниченности данных прав являются, например, события лета 2020 г. на Таймыре: «...по закону нам положены квоты на ловлю определённого количества рыбы, но на деле все аукционы выигрывают крупные компании, которые могут предложить такие суммы, что общины им не соперники. Наша община, к примеру, 4 раза подавала заявку и 4 раза проигрывала. Никаких льгот и преференций у коренных жителей нет, мы вынуждены бороться наравне с олигархами и, конечно, проигрываем. Государство нам совсем в этой борьбе не помогает», – заявил представитель одной из местных общин, принявших участие в акции в защиту своих прав¹². Одна из возможностей, которая предусмотрена законодательством – создание на федеральных землях так называемых территорий приоритетного природопользования. Закон был принят еще в 2001 г.,¹³ однако практические прецеденты по его применению до настоящего времени отсутствуют.

Отмеченные обстоятельства не только не способствуют более бережному и экологически устойчивому использованию земли и воды в Арктической зоне РФ, но и ведут к значительной недооценке как экономических, так и общественно-полезных выгод от использования данных активов в долгосрочной перспективе. В то же время в современных условиях не только «бесплодная» земля Арктики становится активом, в прошлом неблагоприятное ее качество – наличие под верхним слоем вечномёрзлых грунтов и почв приобретает особую значимость ввиду роста роли систем охлаждения и возможности создания в вечномёрзлых массивах почвы систем хранения данных.

Природные ресурсы

Природные ресурсы Арктики чрезвычайно многообразны – это не только уже упомянутые земля и вода, ресурсы растительного и животного мира, но и полезные ископаемые.

¹² В Норильске коренные народы устроили шествие против промышленников. 12 августа 2020 года. URL: https://www.sibreal.org/a/30779577.html?fbclid=IwAR2ua8d pFb7y6RIzcGN6_I8HgfJ9U_FEvmZkH-VeDjzHGo_ywWmjFyKHSс

¹³ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12122856/>

Общая тенденция освоения и использования ресурсов до настоящего времени состояла в стремительном нарастании роли и значимости активов, представленных полезными ископаемыми недр и уменьшении экономической значимости всех остальных активов. Однако активы, представленные объектами животного и растительного мира, в значительной мере являются социально значимыми – они обеспечивают традиционный уклад жизни и деятельности коренных народов Севера и Арктики.

Важнейшая, на наш взгляд, особенность процессов освоения природных ресурсов Арктики заключается в наличии в разные периоды определенного «ведущего» вида. Так, например, на протяжении почти трех веков основным видом природных ресурсов, стремление доступа к которому определяло динамику многих экономических, хозяйственных и политических процессов, была пушнина. Затем, начиная с первой четверти XX столетия, ведущим видом стали полезные ископаемые – сначала золото, затем полиметаллы, за ними следом уголь, нефть и газ. В настоящее время во все большей степени нарастает значение ресурсов редкоземельных металлов (Канада, Россия, Гренландия).

В обобщенном виде данную тенденцию выявил и проанализировал еще в первой четверти XX века канадский экономический историк Харольд Иннис [Innis, 2001]. На примере торговли пушниной он показал, что именно мех, а не рыба (в силу географической уникальности его свойств и действия эффекта «масштаба»), стал экономической основой формирования связанной экономики обширного северного региона, который впоследствии стал базовым на территории Канады.

В основе динамики экономического процесса освоения определенного вида природных ресурсов (и «переключения» внимания с одного их вида на другой) лежит ряд принципиальных особенностей:

- реализация «эффекта масштаба» – стремление к освоению уникальных природных ресурсов – как по характеристикам, так и по низкой удельной стоимости получаемой из них продукции;
- наличие экономической целесообразности поставки продукции на удаленно расположенные рынки – низкие удельные издержки на получение единицы продукции и одновременно высокие цены на уникальные виды продуктов и сырья, а также низкая доля в них транспортных расходов;

- утрата знаний и навыков, обусловленных «трансформным» характером образа жизни и хозяйственной деятельности в Арктике за счет доминирования тенденции к адаптации индустриальных знаний, навыков и практик к решению всех без исключения вопросов во всех сферах жизнедеятельности.

Пушнина (прежде всего, мех черной лисицы, соболя, калана и др.) на протяжении нескольких столетий была побудительным мотивом движения промысловиков (охотников и рыболовов) на Север, Восток и в Арктику, в дальнейшем на первый план вышли полезные ископаемые. Почти все месторождения полезных ископаемых, которые вовлекались в Арктике в освоение на протяжении более чем ста лет, с полным основанием могут быть отнесены к уникальным – по свойствам и по размерам запасов, а также, соответственно, по масштабам проектов их освоения.

Например, такие газовые месторождения, как Медвежье, Ямбургское, Уренгойское (Север Западной Сибири) и др. входят в число мировых лидеров и относятся к месторождениям-гигантам с начальными извлекаемыми запасами от 2 до 10 трлн м³. Медно-никелевые залежи Норильска (п-ов Таймыр) не имеют себе равных по содержанию целого ряда полиметаллов, включая платину и палладий, месторождение Томтор (северо-запад Республики Саха (Якутия)) содержит в своих недрах от 15 до 20% мировых запасов целого ряда востребованных современной высокотехнологичной промышленностью редкоземельных элементов.

Нельзя не согласиться с мнением коллег, что «...несмотря на обилие впечатляющих планов и программ, развитие территорий Севера на разных этапах советской власти неизбежно принимало избирательно-односторонний характер (в соответствии с профилем вовлекаемых в него ресурсов и факторов природной среды) и было далеким от идеального процесса освоения, понимаемого как достижение комплексного социально-экономического эффекта» [Зубков, Карпов, 2019. С. 8].

Из важнейших особенностей реализации крупных проектов в районах Севера и Арктики России отмечаются следующие:

- как правило, значительная площадь, которую занимали (изымали из оборота земель, использовавшихся для ведения традиционных видов хозяйствования) производственные комплексы;

– колоссальная нагрузка на окружающую среду – не только в виде выбросов загрязняющих веществ, но и в виде необратимых изменений природной среды (техногенного растепления грунтов, антропогенной нагрузки на территорию, «кислотных» дождей на значительном расстоянии от промышленных горно-металлургических центров – таких, как Норильск, Ухта, Мончегорск и др¹⁴.);

– стремление к максимально возможному уровню проектной производственной мощности создаваемых объектов в сочетании с предельной мощностью отдельных технологических установок (например, УКПГ – установки подготовки газа на Севере Западной Сибири – одни из крупнейших в своем роде – сначала их производительность была 10 млрд м³ газа в год, затем дошла до 20 млрд м³ в год);

– слабый учет (или, скорее, его полное отсутствие) особенностей функционирования подобных объектов на стадии завершения добычи и последующей ликвидации (утилизация производственных комплексов и рекультивация земельных ресурсов и водных источников).

В последнем случае это, в частности, означает отсутствие учета опыта ведения хозяйственной деятельности в Арктике и присущей этому опыту трансформности активов, его обеспечивающих. Именно в этом направлении, как нам представляется, будет складываться долгосрочный тренд создания новых и модернизации действующих активов в сфере освоения природных ресурсов в Арктической зоне. Отметим необходимость повышения гибкости схем функционирования производственных объектов, уменьшения нагрузки на окружающую среду, последовательного проведения принципа модульности при создании и последующей утилизации и проч. При этом в основе модульности в рамках подхода на основе трансформности лежат не только текущие технико-экономические соображения, но и социальные и культурно-исторические. Данное направление в последние годы активно развивается в рамках так называемого «социо-тех» [Sovacool et al., 2017].

¹⁴ Горно-металлургическая компания «Норильский никель» (влияние на окружающую среду и здоровье людей). Bellona Foundation. 2011. 71 с.

Инфраструктура

Функционирование отмеченных выше активов было бы невозможно без адекватных решений по созданию инфраструктурных объектов – транспортных, энергетических, социальных. Акцент на реализацию крупных проектов неизбежно вызывал и обуславливал масштабные решения в других сферах. Так, для обеспечения крупных производственно-технологических комплексов Севера и Арктики в СССР была создана уникальная транспортная система – Северный морской путь (включая транспортные средства, систему навигации и сопровождения, порты и причалы), были построены крупные города и стационарные поселения. В результате к настоящему времени Россия является мировым лидером в области урбанизации Севера и Арктики.

При этом, как правило, города и стационарные населенные пункты формировались как локальные самодостаточные производственно-технологические и социальные системы. На первоначальном этапе это были комбинаты, затем – межотраслевые территориально-производственные комплексы (правда, скорее, в планах, чем в реальности).

В настоящее время значительная часть малых и средних поселений перешла в разряд «временно законсервированных», а моногорода стагнируют, превращаясь в транзитные перевалочные пункты – как для грузов, так и для временного проживания вахт работников высокотехнологичных сервисных компаний.

Последнее обстоятельство вызвано возрастанием роли высоких технологий при реализации проектов, связанных с освоением минерально-сырьевых ресурсов. Без новых технологий сегодня нельзя представить как производство, так и управление проектами. В частности, цифровизация дает возможность удаленного контроля и управления¹⁵.

В период существования СССР и в современной России основные инфраструктурные решения в северных регионах, в целом, и в Арктике, в частности, всегда имели (и имеют) либо оборонно-стратегический характер, либо проектно-производственный. Последнее означает тесную связь сооружаемых дорог,

¹⁵ См., например: «Инфразвуковая система мониторинга трубопроводов. Новые возможности». Новосибирск: ООО НПФ «Тори», 2014–2018. 26 с.

систем связи и жизнеобеспечения с реализацией конкретных проектов (таких как освоение полиметаллических руд Норильска, золота Чукотки, углеводородов Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО, природных ресурсов Таймыра, Якутии и проч.).

При этом тем не менее создавались и поддерживались и социально-направленные подсистемы – такие как пассажирский транспорт (авиа, речной, реже автомобильный), системы тепло-, водоснабжения в населенных пунктах и др. [Энергетическая инфраструктура., 2019]. Для всех подобных систем жизнеобеспечения была характерна та же особенность, что и для производственных активов, – в них почти полностью отсутствовал учет особенностей внешней среды – особенно в части оценки долгосрочных последствий функционирования крупных объектов. Так, например, авария на Норильской ТЭЦ-3 в мае 2020 г., которая стала причиной экологической катастрофы, во многом связана с неадекватностью решения по обеспечению данной станции резервным топливом – на вечномерзлом грунте было сооружено стандартное хранилище колоссального размера.

Как отдельные инфраструктурные объекты, так и режим их функционирования априори имели узкоотраслевой (ведомственный, проектный) характер и никак не учитывали возможности их более широкого («социально-полезного») использования. Так, например, в 1940–1950-е гг. было начато строительство железной дороги Салехард – Дудинка (Ермаково), больше известной как 501-я стройка. Работы были прекращены, но не завершены в 1953 г. Как оказалось впоследствии, дорога эта проходила в непосредственной близости от крупнейших газовых месторождений, открытых во второй половине 1960-х гг., однако вопрос о восстановлении и развитии прекращенного строительства на протяжении многих лет так и не был решен. Сейчас этот проект проходит реанимацию под новым названием «Северный широтный ход». Основной причиной длительного пренебрежительного отношения нам представляются узость ведомственных интересов и отсутствие опережающего видения направлений развития Севера и Арктики Сибири, не говоря уже о пренебрежении «трансформным» характером подобных активов.

Важнейшая особенность и самих инфраструктурных проектов Севера и Арктики, и условий их реализации – поддержание определенных пропорций относительных цен на все отмеченные выше активы. Это означало не только обесценивание основных активов («земля и водные ресурсы не имеют ценности и активами не являются»), но и поддержание приемлемых (исходя из направленности на достижение финансовой отдачи от инвестиций в основную добычную деятельность) транспортных тарифов, а также низкая «цена» денег.

«Цена» денег имеет огромное значение в условиях значительной продолжительности производственно-экономического цикла в ведущих секторах экономики Севера и Арктики. Так, например, к настоящему времени порт Игарка прекратил свое существование в качестве лесоэкспортного терминала (сейчас поселок Игарка – вахтовое поселение ПАО «Роснефть»). Главная причина – длительность процесса перевалки и доставки лесной продукции от мест заготовки древесины до Игарки и далее до пунктов назначения, что ведет к резкому снижению скорости оборота финансовых активов лесопромышленных компаний и, соответственно, вызывает «избыточную» потребность в оборотном капитале.

Специфичность арктических активов

Отмеченные выше особенности и обстоятельства, характеризующие активы на Севере и в Арктике, как нам представляется, можно обобщенно представить в следующем виде (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1. Специфичность экономических активов

Характеристика	В чем проявляется
Пространственные особенности	Концентрация в границах определенной локализованной территории
Физические особенности	Масштаб объекта, уникальные характеристики добываемых (производимых) природных ресурсов
Знания, навыки	Доминирование общедоступных индустриальных знаний и навыков
Воздействие на окружающую среду	Деструктивный характер
Формы взаимодействия участников проектов	Вертикальная интеграция; комбинирование технологически связанных звеньев цепочки создания стоимости
Результат	Финансовая отдача

Специфичность активов (тех материальных условий, которые обеспечивают достижение экономического результата) на Севере и в Арктике обусловлена такими обстоятельствами, как удаленность и сложные природно-климатические условия. Немаловажную роль играет также то обстоятельство, что основной экономический эффект (отдача) реализуется далеко за пределами региона, в котором добываются те или иные ресурсы. Не все перечисленные специфические особенности экономических активов имеют устойчивый характер. В частности, деструктивный характер воздействия на окружающую среду вполне может быть преодолен – как за счет применения передовых технологий, так и при имплементации соответствующих гибких «ресурсных режимов» (норм и правил природо-, недропользования).

Таблица 2. Специфичность традиционных активов

Характеристика	В чем проявляется
Пространственные особенности	Рассредоточенность; активное использование значительной части пространства
Физические особенности	Многоцелевой характер
Знания, навыки	Локальные и индивидуальные знания и практики
Воздействие на окружающую среду	Гармоничная встроенность в окружающую природную среду
Формы взаимодействия участников проектов	Кооперация, объединение усилий всех членов локальных сообществ
Результат	Социальная и экологическая устойчивость

Специфичность активов, которые используются в рамках традиционной хозяйственной деятельности, обуславливается их органической встроенностью во внешнюю среду (что и задает их трансформность). Основная направленность применения данных активов – обеспечение жизнедеятельности коренных народов Севера и Арктики.

Как видно из приведенных выше характеристик специфичности экономических и «традиционных» активов, их различия проистекают из разной целевой направленности их применения.

Вполне очевидно, что речь не идет о том, чтобы создать обобщенную «синтетическую» модель активов на Севере и в Арктике. Скорее, о том, как привнести в специфику экономических активов определенные черты и характеристики, которые бы обеспечивали их трансформность (табл. 3).

Таблица 3. Специфичность экономических активов с элементами трансформности

Характеристика	В чем проявляется
Пространственные особенности	Выход за границы определенной локализованной территории; расширение взаимодействия с хозяйствующими субъектами, расположенными южнее и восточнее
Физические особенности	Возможность нивелирования негативного воздействия на внешнюю среду; гибкие производственные системы (как с точки зрения функционирования, так и их ликвидации)
Знания, навыки	Синтез индустриальных общих и локальных индустриальных знаний и навыков и практик ведения устойчивой хозяйственной деятельности на Севере и в Арктике
Воздействие на окружающую среду	Своевременная и опережающая нейтрализация негативных эффектов
Формы взаимодействия участников проектов	Кооперация, а также широкие и повсеместные формы сотрудничества; горизонтальные контракты и многосторонние формы рыночного и нерыночного взаимодействия
Результат	Приоритет общественно-полезной отдачи

Ключевые направления изменений

Определяющими направлениями эволюции экономических активов в сторону усиления их трансформности, как видно из таблицы 3, являются научно-технический прогресс и наличие определенным образом сформированных регуляторных рамок.

Мы разделяем понимание роли данных процессов, высказанное профессором Г. А. Агранатом:

- «Научно-технический прогресс – одна из наиболее важных универсальных предпосылок и условий развития северных районов» [Агранат, 1992. С. 28];

- «Сложный клубок противоречий на Севере виден прежде всего во взаимодействии государства, частных фирм и коренного населения. Суровые условия крайне обостряют трудности “развязывания” этого клубка, ограничивают возможности “нормального” развития. Государство преследует общенациональные интересы, в том числе интересы северных территорий; фирмы думают главным образом о прибылях, хотя тоже вынуждены считаться с особыми условиями этих территорий; аборигены борются за свои права. В такой обстановке каждый участник “северной игры” идет на нестандартные решения, подчас далекие от принятых стереотипов. В области экономики – это нередко отход от рыночных принципов» [Там же. С. 51].

О роли научно-технического прогресса в решении социально-экономических проблем Севера и Арктики написано немало работ. Лейтмотив современных подходов состоит в том, что трансформация экономики, вызванная инновационными процессами (такими, например, как цифровизация), неизбежно и закономерно вызывает изменение как отдельных организаций, так и того окружения, в котором они функционируют [Isaksen et al., 2020]. Как следствие, происходит трансформация институциональных рамок, в которых взаимодействуют агенты (как экономические, так и ориентированные на ведение традиционного хозяйства).

НТП в газовой промышленности – от трубы к СПГ

Яркой иллюстрацией трансформации экономических активов, связанных с добычей природных ресурсов на Севере и в Арктике, в направлении «трансформности» является расширение производства сжиженного природного газа (СПГ). Технологическая система, связанная с добычей, транспортировкой и распределением СПГ, значительно отличается от той, которая традиционно связывалась с добычей природного газа. А именно, отпадает необходимость в сооружении магистральных газопроводов, которые фактически «разрезали» северные пространства на сегменты и ограничивали передвижение животных (несмотря на различные меры, призванные нейтрализовать негативное воздействие). Кроме того, газопроводы и инфраструктура для обслуживания их работы занимают колоссальные площади и способствуют таянию вечной мерзлоты.

СПГ-инфраструктура, напротив, более компактна. Как правило, она включает в себя завод по сжижению природного газа, танкерный флот и завод по регазификации, строительство которых требует значительных капитальных инвестиций. Несмотря на издержки, уровень специфичности инфраструктуры транспортировки СПГ, безусловно, ниже, чем у инфраструктуры транспортировки природного газа по магистральным трубопроводам [Крюков, Меджидова, 2019].

Другая важная особенность СПГ состоит в том, что его относительно проще направить на локальный рынок Севера и Арктики. Для отдаленных регионов поставки СПГ открывают возможность решения проблем, связанных с энергобезопасностью,

надежностью поставок и высокими затратами на строительство трубопроводов. Не случайно, например, «Доктрина энергетической безопасности РФ» предусматривает «развитие внутреннего рынка сжиженного природного газа в целях обеспечения энергетической безопасности территорий, удаленных от Единой системы газоснабжения»¹⁶.

Таблица 4. СПГ-заводы и производства в Арктике и на Востоке России

Завод по сжижению	Мощность, тыс. т/год	Оператор	Стадия
Крупнотоннажные заводы			
Арктик СПГ-2	19800	«Новатэк» (60%), Total (10%), CNPC (10%), CNOOC (10%), консорциум Mitsui и Jgmgec (10%)	В стадии строительства
Ямал СПГ	16500	«Новатэк» (50,1%), Total (20%), CNPC (20%), Фонд шелкового пути (9,9%)	Сооружен
Сахалин-2	9600	Sakhalin Energy («Газпром» – (50% + 1 акция), Shell (27,5% – 1 акция), Mitsui (12,5%), Mitsubishi (10%))	Сооружен
Дальневосточный СПГ	6200	«Эксон Нефтегаз Лимитед» (ExxonMobil (30%), Sodeco (30%), «Роснефть» (20%), ONGC (20%))	Обсуждается
Обский СПГ	4800	«Новатэк»	В стадии строительства
Средне- и малотоннажные заводы			
СПГ Якутск	7	ООО «СПГ»	Сооружен
Архангельск СПГ	120	«Ростех»	Статус неясен

Развитие СПГ-проектов в Арктике и возможность сокращения транспортных издержек тесно связаны с развитием Северного морского пути (СМП).

Одно из положительных следствий локализации производства СПГ в северных широтах заключается в энергоэффективности – холод и низкая температура воздуха значительно снижают энергозатраты сжижения газа.

Активное развитие СПГ-инфраструктуры в виде средне- и малотоннажных заводов по сжижению, систем хранения, флота газозовов только в Арктической зоне способно создать спрос до 500 тыс. т/год¹⁷. Одно из возможных направлений сбыта – энергоснабжение Баимского ГОКа на Чукотке. Оператор

¹⁶ Доктрина энергетической безопасности РФ. [Эл. ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14766>. С. 16. (дата обращения: 27.11.2020).

¹⁷ URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_MediumDutyLNG_01122018.pdf >. С. 65.

проекта – ПАО «Новатэк» – предложил обеспечить поставки СПГ на плавучую электростанцию [Дятел, 2020].

К настоящему времени разработан целый ряд научно-технических решений по использованию уникального природного актива – холода и вечной мерзлоты (начиная от центров хранения данных и заканчивая преобразователями взаимодействий «тепло-холод» в электрическую энергию) [Дубровин и др., 2019].

От предписаний к поощрению кооперации

Состав и структуру и «ресурсного режима», и норм и правил ведения различных по направленности видов хозяйственной деятельности определяет основной целевой приоритет – общественно-полезная отдача. Последнее вовсе не означает невозможность и нецелесообразность осуществления проектов, ориентированных на получение финансовой прибыли. Скорее, речь идет о сбалансированном подходе к взаимодействию различных хозяйственных укладов и о взаимном учете приемлемых их черт.

Очевидно, что без участия государства подобную задачу решить невозможно. В этом единодушны все исследователи и специалисты, занимающиеся Севером и Арктикой [Прохоров, 2020].

Ключевым направлением, как нам представляется, является не просто участие государства как венчурного инвестора, но, прежде всего, как организатора и проводника интеграционного и кооперационного подходов – начиная от уровня отдельных сообществ коренных народов Севера, заканчивая крупными межрегиональными и межстрановыми проектами и направлениями взаимодействия.

В частности, «арктическая составляющая» специфичности активов, на наш взгляд, вносит вклад в реализацию двухсторонних и многосторонних контрактов (взаимодействий) участников экономических и хозяйственных процессов. Однако, к сожалению, отечественный подход к решению проблем социально-экономического развития АЗРФ по-прежнему имеет исключительно «проектный акцент» – кооперация усилий различных участников (в форме многосторонних контрактов и других форм взаимодействия) остается «в тени» [Крюков, Крюков, 2019].

Координация и кооперация позволяют не только уменьшить различные риски отдельных участников, но и привнести в процесс

выработки и реализации экономических и хозяйственных решений элементы трансформности, вследствие чего будут уменьшаться и «арктические» транзакционные издержки.

Формы координации и организации и экономической, и хозяйственной деятельности, осуществляемые с учетом трансформности активов, не могут не учитывать все отмеченные выше обстоятельства – влияние климата и пространства, хрупкость природной среды, длительность экономических и хозяйственных циклов, кооперационный характер взаимодействия различных участников. Учет данных обстоятельств существенно меняет представление о наполнении содержания транзакционных издержек и их величине.

Заключение

Экономическая и хозяйственная деятельность в Арктике отличается значительным своеобразием активов, от учета, организации и эффективного управления которыми существенно зависят ее результаты. Несмотря на изначальный антагонизм между финансовой и общественно-полезной отдачей экономической и хозяйственной деятельности в Арктике, взаимоприемлемое решение тем не менее может (и должно) быть найдено. В основе такого решения лежат нормы, правила и процедуры, связанные с управлением природно-ресурсным потенциалом. Кроме того, оно должно учитывать интересы всех сторон, затрагиваемых освоением и использованием ресурсов.

Широко обсуждаемые модели соучастия на основе корпоративной социальной ответственности и патернализма не в полной мере отвечают условиям и особенностям активов Арктики, поскольку не учитывают факторы и обстоятельства устойчивого экологического и социально-экономического развития данного уникального региона.

Значительную роль в формировании понимания и управления активами Арктики призвана играть наука – не только связанная с научно-техническим знанием и способами их включения в экономические процессы, но также и с пониманием и обобщением уникального опыта народов Севера и Арктики. Современная и, тем более, перспективная ситуация немыслима без включения их в перечень активов Арктики.

Свойство трансформности объединяет в себе как пространственную метрику, так и учет природно-климатических условий ведения экономической и хозяйственной деятельности.

Выявление, а также взаимная адаптация элементов «трансформности» в составе активов Арктики (как настоящих, так и будущих) является, на наш взгляд, предметом целенаправленных исследований и практических шагов. Авторы на данном этапе будут считать поставленную перед собой задачу выполненной, если настоящая статья послужит одним из оснований движения в указанном направлении.

Литература

Агранат Г.А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки // Итоги науки и техники. Теоретические и общие вопросы географии. Т. 10 / Под ред. К.С. Лосева. М.: ВИНТИ, 1992. 188 с.

Беликович А.В. Арктика: земля и люди. Анализ национальной земельной политики северных федераций // ДВО РАН, Научно-исследовательский центр «Чукотка». Труды НИЦ «Чукотка». Вып. 3. Магадан. 1995. 130 с.

Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН, «Волот». 2009. 496 с.

Дубровин В.А., Брушков А.В., Дроздов Д.С., Железняк М.Н. Изученность, современное состояние, перспективы и проблемы освоения криолитозоны Арктики // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2019. № 3 (166). С. 55–64.

Дятел Т. НОВАТЭК и «Росатом» подхватили Чукотку. За энергоснабжение Байского ГОКа разворачивается конкурентная борьба // Газета «Коммерсантъ». 2020. 26 февр. № 34. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4268272>.

Замятина Н.А., Пилясов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: Ленанд, 2018. 400 с.

Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.

Комлева Е.В., Куперштох Н.А., Ламин В.А., Матханова Н.П., Тимошенко А.И., Шиловский М.В., Элерт А.Х. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2017. 494 с.

Коренные народы Канады. Нефть и закон (Сборник законодательных актов Территории Юкон) // Департамент по делам Севера Министерства экономического развития и торговли РФ. М.: Слово и дело, 2020. 266 с.

Крюков В.А., Крюков Я.В. Экономика Арктики в современной системе координат // Контуры глобальных трансформаций. Политика. Экономика. Право. М., 2019. № 5. С. 25–52. Doi: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52.

Крюков В.А., Меджидова Д.Д. Влияние характеристик активов на длительность контрактов и направления поставок природного газа // Журнал

Институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 3. С. 39–53. DOI: 10.17835/2076–6297.2019.11.3.039–053.

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

Прохоров В. Новая русская Арктика. Траектории возвращения России «на север». URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/08/24/837612-novaya-arktika?utm_campaign=newspaper_25_8_2020&utm_medium=email&utm_source=vedomosti

Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками // Под науч. ред. Крюкова В. А., Скуфьиной Т. П., Корчак Е. А. Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН», Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина. Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2020. 245 с.

Энгельгард А. П. Русский Север: путевые записки. М.: Ломоносовская библиотека, 2009. 256 с.

Энергетическая инфраструктура Арктической зоны Российской Федерации / Под ред. В. В. Бушуева. М.: ИД «Шанс», 2019. 146 с.

Glomsrød S., Aslaksen I. (eds) The Economy of the North // Statistisk sentralbyrå - Statistics Norway. Oslo–Kongsvinger. 2006. 99 p.

Hassink R. Is Geographical Political Economy the Only/Right Framework for Understanding and Explaining Deindustrialization in the Regions of the Global North and South? // International Journal of Urban Sciences. 2020. DOI: 10.1080/12265934.2020.1775110.

Innis H. A. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. University of Toronto Press, 1999. 496 p.

Isaksen A., Trippel M., Kyllingstad N., Rypestøl J. O. Digital transformation of regional asset modification // Competitiveness Review. 2020. DOI: 10.1108/CR-12–2019–0140.

Joskow P. L. Asset specificity and the Structure of Vertical Relationships: Empirical Evidence // The Nature of the Firm. Origins, Evolution and Development / Edited by Williamson O. E., Winter S. G. New York, Oxford University Press. 1993. 258 p.

Joskow P. L. Asset specificity and the Structure of Vertical Relationships: Empirical Evidence // Journal of Law, Economics & Organization. 1998. Vol. 4. № 1. Pp. 95–117.

Larsen J. N., Fondahl G. (eds) Arctic Human Development Report. Arctic Processes and Global Linkages // Nordic Council of Ministers. Copenhagen. 2014. 507 p. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:788965/FULLTEXT03.pdf>.

Lysyk M. Kenneth, Bohmer E. E., Phelps W. L. Alaska Highway Pipeline Inquiry? // Ministry of Supply and Services Canada, 1977. 171 p.

Neumann A., von Hirschhausen C. Long-Term Contracts and Asset Specificity Revisited: An Empirical Analysis of Producer-Importer Relations in the Natural Gas Industry // Review of Industrial Organization. Vol. 32. № 2. Pp. 131–143. DOI: 10.1007/s11151–008–9165–0.

NORDREGIO. Megatrends // Nordic Council of Ministers. Copenhagen. 2011. 207 p. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:702166/FULLTEXT01.pdf>

Scruggs G. Advice from the Arctic: 4 key development challenges facing the far north. 2019. 1 May. URL: <https://www.devex.com/news/advice-from-the-arctic-4-key-development-challenges-facing-the-far-north-94819>.

Sovacool B.K., David J, Hess D.J. Ordering theories: Typologies and conceptual frameworks for sociotechnical change // *Social Studies of Science*. 2017. Pp. 1–48. DOI: 10.1177/0306312717709363.

Pearse P.H. (ed.). *The MacKenzie Pipeline: Arctic Gas and Canadian Energy Policy*. Toronto. McClelland and Stewart Limited. 1974. 229 p.

Tysiachniouk M.S. Disentangling Benefit-Sharing Complexities of Oil Extraction on the North Slope of Alaska // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 13. DOI:10.3390/su12135432.

Why the Arctic Matters America's Responsibilities as an Arctic Nation? // *A Commonwealth north Study report*. Mead Treadwell and Tim Wiekping, co-chairs. Anchorage. 2009. May. 63 p. URL: <http://www.commonwealthnorth.org/download/Reports/Why-Arctic-Matters-Final.pdf>.

Williamson O.E. Strategizing, economizing, and economic organization // *Strategic Management Journal*. 1991. Vol. 12. S2. Pp. 75–94. DOI: 10.1002/smj.4250121007.

Young O.R. *Arctic Politics Conflict and Cooperation in the Circumpolar North*. Dartmouth College Press, 1992. 287 p.

Young O.R., Berkman P.A., Vylegzhanin A.N. *Governing Arctic Seas: Regional Lessons from Bering Strait and Barents Sea // Informed Decision Making for Sustainability*. Vol. 1. Springer Nature Switzerland AG. 2020. 358 p.

Статья поступила 05.11.2020.

Статья принята к публикации 27.11.2020.

Для цитирования: Крюков В. А., Меджидова Д. Д. Арктические активы – от масштаба к трансформности? // ЭКО. 2021. № 1. С. 8-39. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-8-39.

Summary

Kryukov, V.A., Member of RAS, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Medzhidova, D.D., National Research University Higher School of Economics, IMEMO RAS, Moscow

Arctic Assets – from Economies of Scale to “Transformity”?

Abstract. The paper explores the problems of determining and changing the composition of assets providing economic and social development of the Arctic zone (AZ) of the Russian Federation. The authors use an approach that combines particular features of two different concepts. The first one was used to assess the assets mainly involved in development of natural resources. In contrast, the second one refers to the assets related to the activities and lifestyle of indigenous peoples of the North and the Arctic.

On the one hand, the economic assets of the AZ are traditionally characterized by unique properties of natural resources and site characteristics (economies of scale). On

the other hand, one of the immanent elements of the assets of the peoples, living in the North and Arctic regions, was considered to be the so-called “transformity”. The latter refers to spatial dispersion of assets, flexibility and adaptability of applied knowledge and practices that ensure harmonious relationships with the environment and unique natural objects. The authors’ approach assumes a shift from the “economies of scale” in its pure form to the formation of economic assets that combine the best modern high-tech solutions and the quality of transformation inherent in the traditional economic activities of the peoples of the North and the Arctic.

Keywords: *assets; Arctic; economic activity; economies of scale; asset specificity; spatial and climatic features; forms of interaction between economic agents; asset transformity*

References

- Agranat, G.A. (1992). Opportunities and reality of the Development of the North: Global lessons. In: *Itogi nauki i tehniki. Teoreticheskie i obshhie voprosy geografii*. Vol. 10. K. S. Loseva (ed.). Moscow, VINITI. 188 p. (In Russ.).
- Belikovich, A.V. (1995). The Arctic: the land and the people. Analysis of the national land policy of the northern federations. *Trudy NIC «Chukotka»*. Vol. 3. Magadan. 130 p. (In Russ.).
- Bushuev, V.V. (2019). *Energy infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation*. Moscow, Shans. 146 p. (In Russ.).
- Dyatel, T. (2020). Novatek and Rosatom swooped on Chukotka. There is a competition for Baimskaya Mining company. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4268272> (accessed 04.10.2020). (In Russ.).
- Dubrovin, V.A., Brushkov, A.V., Drozdov, D.S., Zheleznyak, M.N. (2019). Study, current state, future and challenges of development of permafrost in the Arctic. *Mineral'nye resursy Rossii. Jekonomika i upravlenie*. No. 3(166). Pp. 55–64. (In Russ.).
- Glomsrød, S., Aslaksen, I. (2006). (eds) *The Economy of the North*. Statistisk sentralbyrå -Statistics Norway. Oslo–Kongsvinger. 99 p.
- Golovnev, A.V. (2009). *Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)*. Ekaterinburg. 496 p. (In Russ.).
- Hassink, R. (2020). Is geographical political economy the only/right framework for understanding and explaining deindustrialization in the regions of the Global North and South? *International Journal of Urban Sciences*. DOI: 10.1080/12265934.2020.1775110
- Indigenous peoples of Canada. Oil and Law. Collections of Legislative Acts of the Yukon Territory*. (2020). Departament po delam Severa Ministerstva jekonomicheskogo razvitija i trgovli RF. Moscow, Slovo I delo. 266 p. (In Russ.).
- Innis, H.A. (1999). *The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History*. University of Toronto Press. 496 p.
- Isaksen, A., Trippl, M., Kyllingstad, N., Rypestøl, J.O. (2020). Digital transformation of regional asset modification. *Competitiveness Review*. DOI: 10.1108/CR-12-2019-0140
- Engel'gard, A.P. (2009). Russian North: travel notes. Moscow, Lomonosovskaja biblioteka. 256 p. (In Russ.).

Joskow, P.L. (1988). Asset specificity and the Structure of Vertical Relationships: Empirical Evidence. *Journal of Law, Economics & Organization*. Vol. 4. No. 1. Pp. 95–117.

Joskow, P.L. (1993). Asset specificity and the Structure of Vertical Relationships: Empirical Evidence. In: *The Nature of the Firm. Origins, Evolution and Development*. Williamson O.E., Winter S.G. (Eds.). New York, Oxford University Press. 258 p.

Komleva, E.V., Kupershtoh, N.A., Lamin, V.A., Matkhanova, N.P., Timoshenko A.I., Shilovskij, M.V., Elert, A.H. (2017). *Russian in the Arctic: state policy and development problems*. Novosibirsk, Parallel'. 494 p. (In Russ.).

Kryazhkov, V.A. (2010). *Indigenous peoples of the North in Russian law*. Moscow, Norma. 560 p. (In Russ.).

Kryukov, V.A., Kryukov, Ya.V. (2019). The Economy of the Arctic in the Modern Coordinate System. *Kontury global'nyh transformacij. Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 12. No. 5. Pp. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52. (In Russ.).

Kryukov, V.A., Medzhidova, D.D. (2019). The influence of the relationship “specificity of key assets – human capital” on the development of the US gas industry. *Zhurnal Institucional'nyh issledovanij. Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 1. Pp. 39–53. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.039-053. (In Russ.).

Kryukov, V.A., Skuf'ina, T.P., Korchak, E.A. (eds.). (2020). *Economy of the modern Arctic: the basis of success lies in effective integration and management of integral risks*. Federal'nyj issledovatel'skij centr «Kol'skij nauchnyj centr RAN», Institut jekonomicheskikh problem im. G.P. Luzina. Apatity, Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo centr. 245 p. (In Russ.).

Larsen, J.N., Fondahl, G. (Eds.). (2014). Arctic Human Development Report. Arctic Processes and Global Linkages. Nordic Council of Ministers. 507 p. Available at: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:788965/FULLTEXT03.pdf> (accessed 10.09.2020).

Lysyk, K.M., Bohmer, E.E., Phelps, W.L. (1977). *Alaska Highway Pipeline Inquiry?* Ministry of Supply and Services Canada. 171 p.

Neumann, A., von Hirschhausen, C. (2008). Long-Term Contracts and Asset Specificity Revisited: An Empirical Analysis of Producer-Importer Relations in the Natural Gas Industry. *Review of Industrial Organization*. Vol. 32. № 2. Pp. 131–143. DOI: 10.1007/s11151-008-9165-0.

NORDREGIO. (2011). *Megatrends*. Nordic Council of Ministers. 207 p. Available at: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:702166/FULLTEXT01.pdf> (accessed 10.09.2020).

Pearse, P.H. (1974). *The MacKenzie Pipeline: Arctic Gas and Canadian Energy Policy*. Toronto. McClelland and Stewart Limited. 229 p.

Prokhorov, V. The new Russian Arctic. The trajectories of Russia's growth “in the North. Available at: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/08/24/837612-novaya-arktika?utm_campaign=newspaper_25_8_2020&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (accessed 19.10.2020). (In Russ.).

Scruggs, G. (2019) Advice from the Arctic: 4 key development challenges facing the far north. Available at: <https://www.devex.com/news/advice-from-the-arctic-4-key-development-challenges-facing-the-far-north-94819> (accessed 07.09.2020).

Sovacool, B.K., David, J, Hess, D.J. (2017). Ordering theories: Typologies and conceptual frameworks for sociotechnical change. *Social Studies of Science*. Pp. 1–48. DOI: 10.1177/0306312717709363.

Tysiachniouk, M.S. (2020). Disentangling Benefit-Sharing Complexities of Oil Extraction on the North Slope of Alaska. *Sustainability*. Vol. 12. No. 13. DOI:10.3390/su12135432.

Why the Arctic Matters America's Responsibilities as an Arctic Nation? A Commonwealth north Study report. (2009). 63 p. Available at: <http://www.commonwealthnorth.org/download/Reports/Why-Arctic-Matters-Final.pdf> (accessed 8.09.2020).

Williamson, O.E. (1991). Strategizing, economizing, and economic organization. *Strategic Management Journal*. Vol. 12. Is. S2. Pp. 75–94. DOI: 10.1002/smj.4250121007.

Young, O.R. (1992). *Arctic Politics Conflict and Cooperation in the Circumpolar North*. Dartmouth College Press. 287 p.

Young, O.R., Berkman, P.A., Vylegzhanin, A.N. (Eds.). (2020). *Governing Arctic Seas: Regional Lessons from Bering Strait and Barents Sea*. Vol. 1. Springer International Publishing. 358 p. DOI: 10.1007/978-3-030-25674-6

Zamyatina, N.A., Pilyasov, A.N. (2018). *Russian Arctic: towards a new understanding of Development Processes*. Moscow, Lenard. 400 p. (In Russ.).

Zubkov, K.I., Karpov, V.P. (2019). *Development of the Russian Arctic: Soviet experience in the context of modern strategies (based on the materials from the Far North of the Urals and Western Siberia)*. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija. 367 p. (In Russ.).

For citation: Kryukov, V.A., Medzhidova, D.D. (2021). Arctic Assets – from Economies of Scale to Transformity? *ECO*. No. 1. Pp. 8-39. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-8-39.

Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории (часть 1)¹

А.Н. ПИЛЯСОВ, доктор географических наук. E-mail: pelyasov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2249-9351

МГУ имени М.В. Ломоносова, генеральный директор АНО
«Институт регионального консалтинга»,

А.О. БОГОДУХОВ. E-mail: andrey.bogodukhov.98@mail.ru
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Радикальные отличия ресурсодобывающих транснациональных корпораций (ТНК) от таковых в обрабатывающей промышленности делают невозможным механическое копирование постулатов существующей теории ТНК на арктические ресурсные компании. Авторы предлагают формировать теорию арктических ресурсных ТНК на основе триады: OLI-парадигмы Д. Даннинга, концепции ресурсного цикла (цепочки) И. Комара и основ эволюционной экономики и экономической географии. Развитие ресурсных корпораций понимается как постоянное наращивание и диверсификация портфеля компетенций. Использование «мягких» критериев позволило выделить 19 ресурсных компаний, работающих в российской Арктике. Из них три – «Новатэк», «Газпромнефть» и «Норникель» – являются преимущественно арктическими. Ключевые характеристики арктических ТНК в аспекте предлагаемой авторами теории показаны на конкретных примерах деятельности российских компаний в последние два десятилетия.

Ключевые слова: арктические корпорации; OLI-парадигма; ресурсная цепочка; эволюционная экономика; экономическая география; платформа как бизнес-модель; «Новатэк»; «Газпромнефть»; «Норникель»; Арктика; теория ТНК

Постановка проблемы

Теория транснациональных корпораций (ТНК) зародилась в 1970-е годы с опорой на крупные предприятия обрабатывающей промышленности, которые тогда формировали основной профиль экономики развитых стран. Неудивительно, что анализ размещения, перетоков знания, экономических эффектов (агломерационного, кластерного от межфирменного сопряжения и др.) в мировой литературе по ТНК приурочен именно к ним – крупным международным производителям средств производства (станки, оборудование, программное обеспечение и др.) и предметов

¹ Работа выполнена в рамках исследований по гранту РФФИ 18-05-00600 «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез».

потребления (легковые автомобили, бытовая электроника, персональные компьютеры, смартфоны и др.)².

Переход во второй половине 1970-х годов от конвейерного производства к сетевому, основанному на цифровых технологиях и электронной коммуникации, в этом смысле ничего не изменил: и сегодня по-прежнему доминирующее число работ по ТНК в мире посвящено предприятиям различных подотраслей машиностроения.

Но в результате ресурсные корпорации, которые обеспечивают значимую (а для многих стран мира – определяющую) часть ВВП, остались без надлежащего теоретического «покрытия», как будто они не существуют вовсе. Их исследование сводится к проработке важных, но прикладных вопросов корпоративной социальной ответственности, взаимоотношений с коренными народами, местными сообществами и т.п. Нигде в мире, включая Россию, нет даже попыток концептуализации ресурсных ТНК, в том числе арктических.

Такого «отраслевого» перекоса не было в 1950–1960-е годы, когда развиваемая Э. Пенроузом и другими теория эволюции фирмы от малой в крупную, межгосударственную по характеру своей деятельности, рассматривала фирму как таковую, как структурную единицу экономики, и не была приурочена лишь к предприятиям машиностроения.

Чтобы сбалансировать развитие теории ТНК, имеет смысл вернуться к концептуальным работам по теории фирмы [Penrose, 1959; Коуз, 2007] и на их основе предпринять попытку оформить целостно наши представления о закономерностях и особенностях рождения, становления и развития ресурсных корпораций. Для российской Арктики создание такой теоретической рамки представляется сверхактуальным, поскольку экономическая, социальная и политическая роль ресурсных корпораций во многих ее территориях является беспрецедентной, даже монопольной, а концептуализация этого феномена парадоксальным образом отсутствует.

Даже по сравнению с северными (материковыми) территориями России роль компаний в экономике арктических (приморских)

² См., к примеру [Ethier, 1986; Organization... 2003; Chandler et al., 2003; Rugman, Verbeke, 2004; Navaretti, Venables, 2004; Jones, 2005; Пителис, 2007; Beugelsdijk et al., 2010; Iammarino, McCann, 2013; Alfaro, Chen, 2014].

регионов значительно, о чем можно косвенно судить по совокупной доле налога на прибыль организаций и налога на имущество в общем объеме налоговых поступлений в консолидированные бюджеты регионов. Так, в 2006 г. этот показатель составил в Ямало-Ненецком АО 64,52%, в Ненецком АО – 61,07%, Чукотском АО – 42,39%, Мурманской области – 41,32%; тогда как в Магаданской области – 26,63%, Сахалинской – 31,75%, Республике Карелия – 33,67%. Исключением были северный Ханты-Мансийский АО (Югра) – 63,51% и Республика Коми – 46,46% ввиду традиционной сильной корпоративизации их экономики³.

Но и для России в целом формирование теоретических представлений о закономерностях образования, пространственного поведения и эволюции ресурсных корпораций (арктических и не только) исключительно актуально, ведь они формируют значимую долю в ВВП страны, бюджетных доходах, общем экспорте и занятости. Подобно тому, как в США компании Apple, Google, Microsoft являются «зеркалом» национальной экономики, выступают законодателями бизнес-моды и определяют главные современные тренды цифровой трансформации, так в России аналогичными драйверами выступают ресурсные корпорации «Новатэк», «Норникель», «Газпромнефть» и другие, работающие в Арктике.

Новизна нашей работы состоит прежде всего в целостном взгляде на феномен арктической корпорации (мы убеждены, что только он формирует условия для теоретической концептуализации). Мы также впервые постулировали особенности арктических компаний по сравнению с типовой ресурсной ТНК. Особый акцент сделан на процессе накопления знания, компетенций, развитии внутрикорпоративной инновационной системы (как территориальная структура компании, степень децентрализации в отношениях штаб-квартиры и филиалов, прочность связей с местными сообществами влияют на ее капитал знания, портфель компетенций).

Объектом изучения стали арктические корпорации России – те, чьи производственные активы размещены преимущественно или хотя бы частично в Арктике (по нашему мнению, даже

³ Данные посчитаны на основании таблиц из сборника «Проблемы Севера и Арктики». Вып. 5. Совет Федерации. 2007 год. С. 41–42.

в последнем случае специфика Арктики отражается на развитии компании). Основными источниками информации стали данные годовых отчетов компаний, сведения Росстата, материалы разработанных нами стратегий монопрофильных городов Губкинский, Когалым, Муравленко, Ноябрьск, статьи и монографии российских и зарубежных коллег, посвященные феномену ТНК.

Цель работы состояла в концептуализации феномена арктической ресурсной корпорации. Для этого необходимо было решить три задачи: определить роль арктических корпораций в современной российской экономике; обосновать базовые блоки, из которых может формироваться теория современных ресурсных ТНК; выявить общие черты и внутренние различия арктических компаний России.

Арктические корпорации России рассматривались с позиций эволюционной экономики и экономической географии [Applied..., 2007; The Handbook... 2010], т.е. в контексте технологических преобразований (прежде всего постфордизма, т.е. перехода от линейных конвейерных к сетевым технологиям и формам организации труда), цифровой трансформации и ресурсной динамики (цикл «пионерное освоение – пик и стабилизация добычи – истощение и старение ресурсного актива или провинции»). Это предопределило палитру применяемых методов, в числе которых – периодизация этапов эволюции выбранных «эталонных» компаний по ключевым реперным годам перелома сложившейся тенденции; анализ временных рядов основных количественных показателей объемов добычи (как индикатор способности компании наращивать компетенции быстрее или медленнее основных конкурентов на рынке); изучение динамики структуры главных производственных активов (прежде всего приобретения новых и продажи существующих – как отражение стратегических приоритетов в условиях меняющихся технологий и рынков); анализ ключевых компетенций компаний на основании изучения биографий ключевых топ-менеджеров (по данным публикуемых годовых отчетов) и др. На примере трансформации компании «Сибнефть» в спин-офф «Газпрома» – «Газпромнефть» анализировались типичные для эволюционной экономической географии сюжеты перетока кадров, компетенций, материальных активов из материнской компании в дочернюю (процесс branching).

Место и роль арктических корпораций в российской экономике

Даже прямой вклад работающих в Арктике ресурсных корпораций в российскую экономику весьма значителен. На основании данных Росстата можно сделать вывод, что их доля в совокупных российских инвестициях составляет 8%, в натуральных показателях добычи апатитового концентрата – 100%, газа – 91%, нефти – 17,2%, железорудного концентрата – 10%, в производстве целлюлозы – 9,9%, бумаги и картона – 5,6%, в добыче каменного и бурого угля – 2,6%⁴. Если же учитывать косвенное воздействие, связанное с заказами арктических корпораций малому и среднему бизнесу, другим крупным российским компаниям, а тех – своим субподрядчикам, легко может оказаться, что общие эффекты в два-три раза превысят обнаруживаемые и фиксируемые статистикой прямые.

Но и Арктика оказывает сильнейшее воздействие на работающие в ней компании. Как показал анализ эволюции трех ресурсных корпораций на материалах годовых отчетов, Арктика дает пришедшим в нее предприятиям энергию омоложения, новые темпы роста и развития и мощнейшие стимулы к инновационной модернизации. Динамика структурных преобразований, которые неизбежно приносит компании Арктика, не менее важна, чем имеющиеся здесь запасы и объемы добычи природных активов.

Очевидно, что понятия работающей в Арктике компании и арктической корпорации не синонимичны. Компания может начать работу в арктическом проекте, а потом ее завершить. Так, например, произошло с «Сургутнефтегазом», который в 2000-е годы имел активы в ЯНАО, а в 2010-е – уже нет, т.е. компания работала в Арктике, но больше не является арктической. Компания также может вести геологоразведочные работы на территории Арктики, но не добычу. Или может добывать природные ресурсы в Арктике, но быть при этом филиалом зарубежной ТНК.

Даже у тех ресурсных компаний, которые ведут добычную деятельность в Арктической зоне, доля арктической составляющей в общих объемах добычи и/или общей занятости может радикально различаться. И здесь тоже возникает вопрос: по каким

⁴ Рассчитано на основании URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar1-2020.htm (дата обращения: 17.09.2020).

показателям считать компанию арктической: натуральным, стоимостным или по доле в занятости?

Чтобы не увязнуть в частных деталях при определении арктических компаний России, мы решили в своем исследовании использовать предельно широкий критерий: считать арктической *любую крупную компанию, которая сегодня осуществляет связанную с добычей природного ресурса деятельность в границах Арктической зоны РФ, утвержденной указом Президента*⁵.

Совмещенный анализ годовых отчетов крупнейших российских ресурсных корпораций, рейтинга журнала «Эксперт», сайта ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ⁶, позволил выделить две группы компаний: а) преимущественно арктические корпорации, ключевые проекты и природные активы которых расположены в Арктике – ПАО «Новатэк», ПАО «ГМК «Норникель» и ПАО «Газпромнефть»; б) частично арктические корпорации, у которых меньше половины основных природных активов и занятых сконцентрированы в Арктической зоне (но они как минимум имеют здесь поисковые активы в виде разведочных скважин и геологических отрядов): ПАО «Газпром», ПАО «Роснефть», ПАО «Лукойл», ПАО «ФосАгро», ПАО «Северсталь», ПАО «Минерально-химическая компания «ЕвроХим»», ПАО «Акрон», ПАО «СУАЛ», АО Архангельский ЦБК, ПАО «Сибур Холдинг», ПАО «Полиметалл», ООО «Русская платина», АО «Алмазы Анабара» – подразделение АК «Алроса», ГК «Росатом» (проект «Павловское» Первой горнорудной компании), ПАО «Татнефть» (геологоразведочные работы в НАО), ПК «Кинросс Голд» (проект Купол, Двойное Чукотской горногеологической компании).

В результате в наш пул арктических ТНК попали 19 крупных ресурсодобывающих компаний топливно-энергетического, минерально-сырьевого и лесопромышленного комплексов национальной экономики. На их основе была предпринята попытка интеграции концептуальных подходов к ТНК, разработанных

⁵ Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 г. № 296 (в редакции указов Президента Российской Федерации от 27.06.2017 № 287, от 13.05.2019 № 220, от 05.03.2020 № 164).

⁶ Сайт URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/kompanii-rabotodateli/> «Перечень ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ».

в мире, и эмпирического обобщения их практической деятельности в российской Арктике.

Теория арктической ТНК: глокальность как принцип

Уже в самом начале исследовательских усилий возникает вопрос: в какой степени оправданно российские ресурсные компании, работающие в Арктике, зачислять в разряд ТНК? Классическое определение ТНК, сформулированное для доминирующих на Западе обрабатывающих и сервисных фирм, предполагает, что те имеют акционерную собственность (юридическую регистрацию, штаб-квартиру) в одной стране, а прямые инвестиции и материальные активы – по всему миру. А у российских арктических корпораций производственная деятельность преимущественно концентрируется в России – например, в приведенном нами перечне добычные активы за границей имеет только «Норникель». Тем не менее мы считаем, что ввиду исключительной зависимости деятельности российских арктических ресурсных корпораций от мировых рынков сбыта и значительного участия иностранного капитала во многих компаниях, их можно признать имеющими наднациональный, международный характер.

Двойственность арктических ТНК как одновременно локальных и глобальных акторов определяет необходимость при создании теоретической платформы для их анализа опираться как на микроэкономическую по своей сути теорию фирмы, так и на макроэкономическую теорию международной торговли (в том числе новую теорию торговли), активно разрабатываемые различными экономическими школами. Для такого подхода к ресурсным ТНК Арктики усилиями наших предшественников уже создано надлежащее теоретическое обеспечение.

Локальные, микроэкономические аспекты их деятельности в их взаимном влиянии друг на друга хорошо схватывает «эkleктическая» OLI-парадигма Д. Даннинга «размещение-собственность-оргструктура»⁷, которая успешно применяется как концептуальная рамка для анализа многих ТНК мира. Глобальные, макроэкономические аспекты деятельности ТНК

⁷ Впервые сформулирована в 1958 г. (в оригинале звучит как OLI-парадигма – от Ownership-Location-Internalization), потом многократно повторена в монографиях и статьях Джона Даннинга (см., например, [Dunning, 2001; Dunning, 2008]).

хорошо обобщаются в концепции ресурсного цикла советского географа И.В. Комара [Комар, 1975. С. 210], которая в новых условиях может быть конструктивно переоткрыта для изучения движения ресурсной цепочки от зарождения в месте добычи до места сбыта на мировых рынках посредством норм и правил международной торговли.

Микро- и макроуровень концептуализации арктических ТНК системно увязываются в концепции эволюционной экономики/экономической географии [Нельсон, Уинтер, 2002; Boschma, Frenken, 2017], в которой акцент поставлен на технологическую, цифровую и ресурсную динамику в деятельности компании. Именно для Арктики этот подход оказывается особенно плодотворным в силу значительной нестационарности мест добычи и в целом высокой турбулентности природно-климатических и социально-экономических условий деятельности ТНК.

Как работает в Арктике OLI-парадигма Даннинга

В классической OLI-парадигме Даннинга O-компонент (ownership, собственность) характеризует стратегические решения фирмы о том, какие именно активы и технологии приобретать в собственность, чтобы укреплять конкурентоспособность; L-компонент (location, размещение) – где именно размещать производственные подразделения фирмы – «дома» или за границей; I-компонент (internalization, оргструктура) – осуществлять деятельность самим или покупать на рынке товар или услугу.

Для арктической корпорации каждый компонент опредмечивается особенностями конкретного природного ресурса, который добывает компания: конкретное содержание O объясняется необходимостью контроля всей логистической цепочки доставки ресурса на глобальные рынки; L задается особенностями расположения эксплуатируемых природных активов; на I отражается специфичность добываемой смеси или руды – чем она выше, тем выше потребность в жесткой интеграции вертикали «добыча-переработка-сбыт». При этом разнообразии природных активов у арктических компаний по возрасту, запасам, составу беспрецедентно велико.

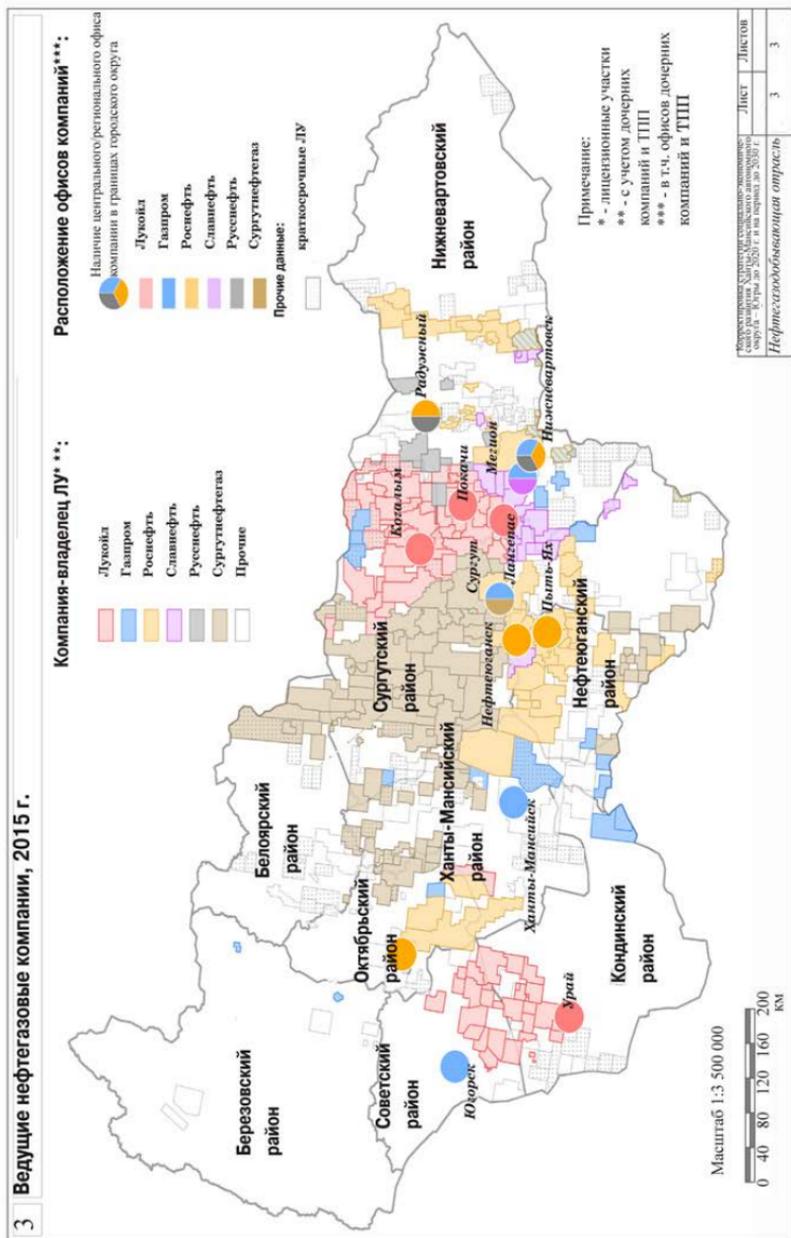
Детальный анализ свойств этих активов (например, монокомпонентный или гетерогенный, нуждающийся в особой инфраструктуре хранения или нет и т.д.) дает ключ к пониманию

многих феноменов внутренней работы корпорации, включая природу знания и компетенций, в которых она нуждается и за которыми охотится; ее организационной, технологической структуры, субконтрактинга и пр.

Например, L-компонент, характеризующий размещение корпоративных производительных сил, зависит в первую очередь от расположения природных активов – лицензионных участков и месторождений, дислокацию которых определяет фактор геологической изученности. Парадокс географической концентрации в Арктике заключается в том, что именно здесь, в малообжитых и неосвоенных пространствах предельно проявляется стремление компаний к компактному размещению своих производственных активов. Возможность снижения высоких северных издержек напрямую связана с сосредоточенным, в идеале – слитным размещением лицензионных участков компании. На схеме корпоративных лицензионных участков Югры (рисунок) отчетливо видно, что в максимальной степени это удается «Сургутнефтегазу», а вот у «Газпромнефти», наоборот, ситуация существенно менее комфортная ввиду позднего захода в регион: лицензионные участки и месторождения компании предельно рассредоточены.

Современные технологии также влияют на размещение производительных сил: раньше считалось невозможным строить крупные перерабатывающие мощности на Севере и в Арктике («Норникель» в силу уникальности ресурса был здесь редким исключением), но вот теперь в Арктике возникают не только золотой аффинаж, газопереработка и заводы по сжижению газа различных корпораций, сюда, к уже созданным ранее предприятиям по переработке, например, Кольской ГМК, подтягивается руда с месторождений, расположенных южнее, например из Забайкальского края.

Фактор пространственного размещения ключевых для арктической фирмы природных активов до такой степени значим для нее, что оказывает влияние и на другие элементы триады – O и I. Так, например, O-компонент, характеризующий контроль над ключевыми природными активами, в Арктике неразрывно связан с логистикой – схемами снабжения промышленных проектов и транспортировки добытых ресурсов. Именно логистика обеспечивает доступность рынков сбыта для продукции компании.

Источник. Составитель карты – к.г.н. Р.В. Гончаров.

Предельный районный эффект у «Сургутнефтегаза» и практическое его отсутствие у «Газпромнефти»

Транспорт до такой степени важен для арктических ТНК, что они либо реализуют дорогостоящие программы создания собственного флота, либо формируют межфирменные хозяйственно-транспортные альянсы – «Новатэк» и «Совкомфлот», «Норникель» и «Росатом» и т.д. Расположенные в плотно заселенной зоне «материковые» корпорации даже не представляют, насколько остра проблема транспортного обеспечения вывоза добытого в Арктике ресурса.

Именно логистика связывает микрогеографию мест добычи и макрогеографию глобальных рынков сбыта, на которые устремлена ресурсная цепочка арктической корпорации. Умная логистика обеспечивает компании гибкость работы одновременно на трех основных рынках – европейском, азиатском и российском. И ради сохранения контроля по всей протяженности этой цепочки компании готовы идти на многомиллиардные затраты, сопоставимые с расходами на саму добычу минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, в чем нас убеждают многочисленные примеры новейшей корпоративной истории российской Арктики.

Например, «Норильский никель» в 2008 г. непосредственно в добычу руды, металлургию и обогащение направил лишь 49% своих инвестиций, тогда как 51%, или 566 млн долл. США, были направлены на нужды транспортного обеспечения. Из них 376 млн долл. пошли на завершение строительства морских судов усиленного ледового класса для безледокольной транспортировки добытой руды на европейские и азиатские рынки. Транспортная независимость арктических компаний обходится им очень дорого.

«Новатэк» в 2000-е годы создал собственную цепочку конденсатопроводов между тремя своими главными месторождениями Надым-Пур-Газовского района ЯНАО, чтобы обеспечить независимость от «Газпрома», которому он сдавал конденсат до этого. «Роснефть» годами вела спор с «Лукойлом» по условиям доступа к принадлежащему тому варадейскому терминалу. «Сургутнефтегаз» отказался от производственной базы на родине «Алросы» в г. Мирном и предпочел строить с нуля свои снабженческо-складские объекты в г. Ленске для освоения Талаканского нефтегазоконденсатного месторождения.

Типы корпоративных систем

Размещение и состояние ключевых природных активов арктической корпорации влияют и на I-компонент (internalization, оргструктура), который обобщенно можно трактовать как институциональную структуру⁸ («толщину», внутреннюю мягкую начинку компании, ее корпоративный дух). В сравнении с «материковыми» арктические компании обычно гораздо более иерархичны.

При наложении двух ключевых векторов корпоративных систем можно выделить четыре их типа: слитная-корпускулярная и закрытая-открытая [Богданов, 1989]. Закрытая и высокоцентрализованная, с авторитарной властью топ-менеджеров корпоративная система неблагоприятна для внутренних «горизонтальных» обменов знанием и в целом инновационного процесса (который всегда требует определенной децентрализации власти к самим исполнителям-новаторам), потому что здесь доминируют связи вертикальной иерархии. Прирост компетенций затруднен.

Зато эта модель наиболее устойчива в кризисные периоды сверхвысокой турбулентности, когда речь идет не об инновациях, а о жизнестойкости компании. В таких случаях монополия первого лица на главные решения может оказаться благом. Именно такая модель была выбрана руководством «Сургутнефтегаза», который в результате является крупнейшим консолидированным налогоплательщиком России.

На другом полюсе находится открытая децентрализованная корпоративная система, в которой инновации легко просачиваются между уровнями корпоративного управления, и процессы обмена знанием и передачи между подразделениями наработанных ими компетенций в силу выположенности⁹ оргструктуры фирмы протекают относительно просто. К такой модели в последние годы тяготеет «Газпромнефть», потому что без перехода к ней выполнить амбициозные задачи быстрой и глубокой цифровой трансформации просто невозможно. Издержками этой модели является относительно более низкая устойчивость в периоды кризисов и катастроф, когда выработка стратегического решения командой управленцев может стать длительным процессом.

⁸ Пионерная работа по институциональной структуре нефтегазовых компаний России – [Крюков, 1998].

⁹ Имеется в виду малое число уровней иерархического управления, «плоская» оргструктура компании.

Но I-компонент нужно рассматривать шире, чем в контуре фирмы: ее отношения с поставщиками и подрядчиками, можно сказать, продолжают идеологию ее внутренней оргструктуры – это единая целостная система связей, внутрикорпоративных и внешних коммуникаций. В одной и той же компании не могут сочетаться сетевая структура внутри нее и отношения авторитарного диктата с внешними поставщиками. Точно также жесткая вертикаль принятия решений внутри компании не предполагает возможности выстраивания демократичных сетевых отношений с дочерними организациями, субподрядчиками, спин-оффами и т.д.

Так вот, у арктических ТНК I-компонент оказывается очень чувствителен к фазам ресурсного освоения и типу природного актива. На пионерной стадии добычи внутри компании, как правило, еще нет жесткой иерархии – слишком много неопределенности в нахождении мест добычи и размещения основных производственных активов молодой компании. Но по мере выхода на пиковые объемы добычи происходит стремительная «вертикализация» оргструктуры – жесткая сборка и упорядочение основных производственных активов корпорации, цепкая концентрация знания и компетенций, необходимых для успешной производственной деятельности. На стадии истощения основных природных активов и старения ресурсной провинции возникает острая необходимость в децентрализации. Властные полномочия, как правило, делегируются из штаб-квартиры в местные подразделения.

Например, «Ноябрьскнефтегаз» в начале 2010-х годов предоставил беспрецедентные права своему дочернему подразделению в г. Муравленко, чтобы оно изнутри смогло увидеть потенциал роста и переломить тенденцию падающей добычи нефти. И действительно, здесь был начат абсолютно новый для подразделения газовый промысел. Можно сказать, что традиционный разлом на «креативную» штаб-квартиру и «рутинные» периферийные филиалы и отделения, способные только тиражировать разработанные в штабе новшества, на этапе истощения разрушается. Филиалы полноценно участвуют в наработке нового опыта и знаний для общего корпоративного портфеля компетенций.

По мере того, как расширяется география размещения ключевых природных активов корпорации, вынужденно меняется и ее оргструктура: возникает необходимость выделять географически обособленные, но внутренне целостные подразделения-филиалы, в которых идет активное освоение новых месторождения нефти, газа, конденсата: например, «Лукойл-Коми», «Лукойл-Западная Сибирь» и др. Как и в случае с истощенными активами, это создает предпосылки, не всегда или очень медленно реализуемые на практике, к большей децентрализации корпоративного управления.

Тип природного актива также сильно воздействует на I-компонент. Чем он сложнее, тем больше у компании стимул к усилению внутренней вертикальной интеграции для контроля качества ресурса на всем его движении по корпоративной ресурсной цепочке. Поэтому известные своими конденсатными природными активами «Новатэк» и «Газпромнефть» имеют и «хорошо сбитую» иерархическую оргструктуру, а, например, «Газпром», который традиционно эксплуатирует гомогенные месторождения метана, при всей его внутренней бюрократической иерархии, имеет дисперсную, некомпактную корпоративную структуру.

Итак, классическая OLI-парадигма Д. Даннинга увязывает территориальную, организационную и институциональную структуру корпорации в системное единство, показывает взаимное влияние всех трех блоков друг на друга. Сдвиги в размещении ключевых природных активов фирмы воздействуют на ее внутреннюю оргструктуру, свод корпоративных норм и правил (институциональную структуру), которые меняются вослед. Но и радикальные изменения организационной и институциональной структур корпорации, в свою очередь, не могут не отразиться на пространственном размещении основных активов фирмы: начинаются процессы слияний с другими компаниями, приобретения новых активов в новых регионах и странах и т.д. [Крюков, 1998].

Применительно к арктическим корпорациям все эти сюжеты в большей степени относятся к микроэкономическим, непосредственно связанным с местами добычи и недропользования. Для взгляда на глобальный контур сбытовой деятельности этих компаний нужна другая концепция, смена микроскопа на телескоп. И здесь на помощь приходит теоретическая разработка И. В. Комара 1970-х годов по ресурсным циклам.

Глобальный контур сбытовой деятельности

Под ресурсным циклом понимают совокупность превращений и *пространственных перемещений* определенного вещества или группы веществ, происходящих на всех этапах использования его человеком [Комар, 1975]. В современных условиях описывающая этот феномен теория неожиданно оказывается абсолютно адекватной для изучения движения природного ресурса вдоль всей корпоративной цепочки арктической ТНК от открытия месторождения в процессе недропользования до его эксплуатации и транспортировки на крупные мировые рынки сбыта. Вся логистическая цепочка, включая базы перевалки, переработки ресурса, вплоть до его оптовых продаж по законам и правилам теории международной торговли, оказывается в ней системно увязана.

Арктические компании фокусируются на разных стадиях ресурсной цепочки. Например, в последние 20 лет «Новатэк», будучи созданным «с нуля», огромное внимание, особенно в первые годы этого периода, уделял геологоразведочным работам, для чего приобретал лицензии на перспективные участки в Надым-Пур-Тазовском районе, который стал его колыбелью. В то же время для «Норильского никеля» ввиду гигантских, на десятилетия гарантированных запасов на флангах базовых месторождений Норильского промышленного района, важнее была модернизация технологий обогащения руды с целью получения сверхчистых никеля, палладия, платины. Поэтому в 2015–2016 гг. был закрыт Никелевый завод, фанштейн с никелевой рудой переориентирован на кольский филиал (Кольскую ГМК), с 2017 г. реализуется программа развития Южного кластера и другие меры. Для «Газпромпетри» ввиду очень рассредоточенного размещения ее новых природных активов в Арктике закономерным «коньком» стала логистика: компания активно отработывает новаторские схемы вывоза добытых углеводородов на азиатские и европейские рынки.

Итак, каждая ресурсная ТНК имеет два пространства деятельности: локальное (микространство добычи и недропользования) и глобальное (макространство мировых рынков). Парадигма Д. Даннинга «отвечает» за концептуализацию первого из них (систему разведки, поисков, обнаружения и извлечения природного актива), а ресурсная цепочка И. Комара – за второе (логистика поставок на мировые рынки сбыта). Двудеиная, локальная и глобальная, природа арктической ресурсной корпорации

описывается в этом случае адекватным теоретико-методическим инструментарием.

Однако эти две концепции дают нам лишь инструменты для плодотворного анализа ресурсной корпорации Арктики в ее поведении на локальном и глобальном пространствах, но они ничего не могут прояснить по поводу целевых установок, вектора развития фирмы. Для осмысления этого процесса нужна эволюционная парадигма, описывающая происходящие в компании изменения с позиций *наращивания капитала знания, диверсификации компетенций*. На наш взгляд, лишь они в современных условиях могут обеспечить, сохранить или нарастить конкурентные преимущества фирмы.

Технологические, организационные и институциональные изменения в увязке с освоением старых и новых ниш мирового рынка в этом случае становятся не школярски описываемыми временными рядами умозрительной динамики, но обретают целеполагание: результатом процесса эволюции фирмы являются количественное наращивание и качественная диверсификация портфеля ее компетенций, базы знания (знание «где» – геология; знание «как» – добычные работы и обогащение, знание «куда» – логистика и маркетинг). Все это непосредственно связано с успешной работой корпоративной инновационной системы: чем больше запас знания фирмы, тем выше ее устойчивость в условиях неизбежного постепенного старения и истощения ранее обнаруженных природных активов. Обладание активами знания (например, общее повышение изученности осваиваемой территории, опыт в освоении сложных участков и пр.) и расширяющихся компетенций отодвигает момент исчерпания ресурсов компании, в том числе – за счет прироста извлекаемых запасов на флангах обрабатываемых месторождений.

Сущностные отличия добычных и обрабатывающих ТНК

Как было отмечено, современная теория ТНК строится в основном как концептуальное обобщение деятельности обрабатывающих и сервисных предприятий и без надлежащей коррекции мало пригодна для добычных компаний, особенно – в Арктике. Но в чем же состоят сущностные различия добывающих и обрабатывающих ТНК, которые мешают уже разработанную

для одной группы компаний концепцию без особых проблем экстраполировать на другую?

Важнейшее отличие заключается в структуре основных материальных активов компаний: у обрабатывающих предприятий это производственные фонды, а у добывающих – открытые и готовые к отработке природные ресурсы в виде лицензионных участков и месторождений, из чего вытекают несколько важных следствий.

Главная черта добывающей ТНК – масштабность перемещений по морским, речным и сухопутным путям миллионов тонн добытой руды, нефти, миллиардов кубометров газа и/или первичных продуктов их переработки от мест добычи (как правило, а в случае арктической ТНК – заведомо удаленных и малообжитых) к местам потребления в зоне основного расселения человечества. Наладить логистику таких масштабных передислокаций в условиях усиливающихся климатических, экономических и геополитических изменений – это задача колоссальной сложности, настоящий вызов, который постоянно стоит перед арктическими корпорациями России.

Ничего подобного не знают обрабатывающие ТНК, потому что, во-первых, стоимость единицы груза у них существенно выше, а транспортное плечо и при перевозке комплектующих, и при доставке конечной продукции – значительно короче, чем у добывающих компаний; во-вторых, и комплектующие, и готовую продукцию обрабатывающих ТНК перевозить существенно проще, чем минеральные и топливно-энергетические ресурсы, которые требуют больших усилий и затрат в своей транспортной оснастке и сопровождении.

Распространенный формат транспортировки конечной продукции обрабатывающих ТНК – автомобилями на расстояние до нескольких сотен километров, с редкими перевалками, потому что сеть заводов-филиалов корпораций создается таким образом, чтобы находиться максимально близко к атомизированному потребителю, с быстро меняющимися вкусами и ценностями, к «сотам» розничных и оптовых рынков сбыта. Субподрядчики также обычно расположены на расстоянии «вытянутой руки» в несколько сотен, предельно – тысячу километров от сборочного производства. В этой географической близости, которая обеспечивает конструктивное давление изоциренных потребителей на производство и состоит суть кластерной концепции М. Портера [Портер, 2005], разработанной специально для обоснования источников

конкурентоспособности ТНК обрабатывающего профиля. Но для ресурсных ТНК эта концепция не работает, потому что здесь нет атомизированного капризного потребителя и его конструктивного давления на производителя – рынок сбыта ресурсной продукции интегрированный, а сама поставляемая продукция однородная, а не бесконечно разнообразная, как в первом случае.

На долгом пути перемещений значительных масс природного ресурса до единого крупного и относительно стационарного конечного рынка потребления нередко существует множество перевалок, часто с одновременной переработкой до промежуточного или финишного продукта. Умная логистика в этих условиях просто сверхзначима. И ее роль в последние годы постоянно растет в связи со стремлением арктических компаний распределить свою продукцию на максимально большое число рынков (по географии и степени передела). Это, можно сказать, магистральный тренд в деятельности ресурсных корпораций, под который подстраиваются и модернизация старых промышленных мощностей (например, у ОАО «Апатит»), и логистические схемы вывоза продукции одновременно по трем направлениям: на азиатский, европейский и российский рынки. Усилению этого тренда способствуют и свойства открываемых в последние десятилетия и вводимых в эксплуатацию гетерогенных месторождений, которые в подавляющем большинстве содержат не один, а множество природных компонентов (нефтегазоконденсатные, полиметаллические и др.).

Вот почему топ-менеджеры обрабатывающих ТНК мыслят в категориях цепочки добавленной стоимости – для них первична стоимость произведенной и транспортируемой продукции – а топ-менеджеры ресурсных ТНК – в категориях ресурсной цепочки, веса транспортируемого добытого природного ресурса – руды, металла, удобрения, энергоносителя и др. В первом случае имеет место диктат стоимости, во втором – веса.

У обрабатывающих ТНК зависимость между показателями физических объемов производства и финансовыми гораздо сильнее, чем у добычных, где снижение объемов добычи может совпадать с улучшением финансового результата за счет роста мировых цен на природные ресурсы. Это еще одна причина примата физических показателей над стоимостными у ресурсных корпораций, что отчетливо проявляется, например, при сравнении их стратегий со стратегиями обрабатывающих ТНК. Первые оперируют

понятиями портфеля ресурсных активов (лицензионных участков и месторождений), а вторые – портфелем финансовых активов, где очередной сборочный завод есть лишь направление инвестиционного вложения имеющихся финансовых средств.

Обрабатывающие кластеры и добывающие комплексы различаются не только своей площадью и ритмом производственного цикла, задаваемым в первом случае стоимостными трансформациями машиностроительной продукции вдоль цепочки создания стоимости, во втором – физическими перемещениями природного ресурса вдоль ресурсной цепочки. Их межфирменные связи скрепляются разным «клеем». Коммуникация обрабатывающей корпорации с ее субконтракторами, как правило, опирается на факторы социального капитала и доверия, роль которых в арктических контрактах гораздо скромнее – здесь коммуникации имеют более формальный производственный и менее стационарный характер. В целом, роль неосязаемостей разного вида имеет меньшее значение для капитализации арктической компании, здесь перевешивают сугубо материальные факторы природных активов.

Внутри корпоративных ресурсных комплексов больше значима вахтовая трудовая миграция, которая принципиально отличается от трудовой миграции работников обрабатывающих ТНК. Если в первом случае работник вахтует из освоенной зоны в зону добычи (Арктику) на недели, месяцы, то во втором – ежесуточно, реже – еженедельно (режим «дом-работа»).

В силу размеров районных арктических добычных комплексов поддерживать регулярное личное общение специалистов просто невозможно, поэтому в ресурсных корпорациях Арктики значительно чаще, чем в обрабатывающих фирмах, осуществляются переходы от дальней заочной (онлайн) коммуникации к временной географической близости с личной коммуникацией в результате командировок экспертов из столиц в «поле».

Еще одно важное отличие – это опора на разные контракты деятельности. Обрабатывающие ТНК задействуют горизонтальный контракт по схеме «множество подрядчиков-поставщиков комплектующих (субконтракторов) – единое сборочное предприятие (раньше конвейер) – множество оптовых и розничных потребителей. Добывающие опираются на вертикальный контракт по схеме «добычное производство – переработка – сбыт на оптовых и розничных рынках».

Организация большого числа горизонтальных контрактов для компании существенно сложнее, чем немногочисленных вертикальных, просто в силу гигантского количества участников по всему миру. Только в последние годы новые шельфовые добычные и СПГ-проекты российских компаний по числу вовлеченных субконтракторов выходят на уровень сложности, сопоставимый с обрабатывающими ТНК. Неудивительно, что степень автономии заводов-филиалов у обрабатывающих ТНК обычно выше, чем у отделений и филиалов добывающих компаний: иначе топ-менеджеры в штаб-квартире рискуют захлебнуться от множества сущностей, в которые нужно вникать и руководить.

Большая автономность подразделений обрабатывающих ТНК объясняется еще и тем, что их структурные единицы гораздо чаще, чем у российских арктических корпораций, расположены в разных странах, с разной корпоративной культурой, традициями потребления и др. В этих условиях децентрализация управления и предоставление значительных прав филиалам есть просто неизбежное условие для сохранения динамики развития фирмы. В российских арктических добычных компаниях права и полномочия филиалов обычно сужены, основные решения принимаются в штаб-квартирах. Поэтому города-штаб-квартиры арктических корпораций имеют много большую политическую, экономическую и финансовую власть, чем таковые европейских и американских обрабатывающих компаний.

Горизонтальные контракты обрабатывающих ТНК утверждают «плоский мир» межфирменных взаимодействий, а вертикальные контракты ресурсных ТНК закрепляют иерархическую модель «холмистого мира» более властных отношений материнской компании с субконтракторами. Кардинальные различия этих контрактов таковы, что в регионах действия корпораций первого и второго типа политико-экономические системы оказываются подчас разными [Пилясов, 2003].

Другое определяющее различие добывающих и обрабатывающих ТНК состоит в действии в них разных эффектов, проявляющихся со временем: падающей отдачи из-за неизбежного истощения природных активов у первых и возрастающей отдачи у вторых – ввиду неисчерпаемых возможностей роста инноваций в основных фондах, бизнес-процессах, технологиях, которые зависят главным образом от рукотворных и интеллектуальных

усилий. Истощение природных ресурсов имеет аналогом моральное и физическое устаревание станков и оборудования, которое легко преодолевается их заменой и/или модернизацией. Омолодить таким же образом давно эксплуатируемое месторождение не удастся.

В силу давления падающей отдачи от истощения месторождений добычные ТНК вынужденно всегда более мобильны, чем обрабатывающие. Столетиями поддерживать текстильные и металлургические промышленные районы можно, а вот «алмазные», «нефтяные», «золотые» почти никогда не удавалось. В целом деятельность ресурсных корпораций более амплитудна, чем обрабатывающих, потому что сталкивается с вызовами двух видов: естественного истощения и глобальных экономических кризисов перепроизводства.

Не только разные эффекты «автоматически» действуют внутри обрабатывающих и добывающих ТНК, они и сами создают и опираются в своей деятельности на принципиально разные эффекты. Обрабатывающие ТНК обычно имеют свое креативное ядро в крупных городских агломерациях, с интенсивной интеллектуальной атмосферой, плотной и регулярной личной коммуникацией экспертов, то есть полноценно используют в деятельности своих НИОКР-подразделений эффекты городского разнообразия, а также специалистов высочайшей квалификации, дислоцированных в крупных городских агломерациях мира, привлекаемых через профессиональные социальные сети. Вокруг этого интеллектуального ядра возникают современные «городские» биотехнологические, фармацевтические, информационно-телекоммуникационные кластеры, которые структурируют крупные глобальные корпорации Apple, Google, Microsoft и другие.

Добывающие компании, в особенности – арктические, создают не локализованные городские кластеры, эксплуатирующие агломерационный эффект, а ареальные производственные комплексы в малообжитых природно-экстремальных пространствах, добываясь районного эффекта на общей инфраструктуре баз освоения (снабжения), телекоммуникационных сетей и временных зимних дорог и водных трасс. В силу разнесенности элементов производственной системы – баз освоения и производственных участков – на тысячи километров, использовать факторы географической близости здесь не удастся, работают лишь факторы временной,

нерегулярной (командировки, экспедиции, вахты) близости и формализованной онлайн-коммуникации.

В давно экономически освоенных пространствах умеренной зоны обрабатывающие ТНК исходно работают в условиях конкуренции со стороны корпораций других стран и местных компаний, с которыми они делят ближние рынки сбыта. В отличие от них ресурсные корпорации российской Арктики очень часто являются монополиями в своей зоне дислокации – и тем большими, чем интенсивнее площадь района покрыта принадлежащими им лицензионными участками и месторождениями. Поэтому сила районного эффекта от арктического ресурсодобывающего комплекса одновременно проявляется и в монопольной власти главного работодателя, и производителя на данном участке пространства.

Однако эта монопольная власть, в отличие от аналогичной власти крупной компании «на материке», не безусловна, а ограничена периодом восходящей траектории добычи. Арктическая корпорация утрачивает свою монопольную власть не столько под влиянием прихода конкурентов, сколько ввиду естественного истощения природных активов. Поэтому арктические корпорации – это нестационарные, подвижные монополии, которые находятся в постоянном поиске новых перспективных природных активов.

В арктических условиях этой нестационарности сильно способствует и климатический оппортунизм. Имеются в виду не только глобальные климатические изменения последних десятилетий, но и краткосрочные флуктуации климата, которые формируют сезонный спрос на добываемые в Арктике энергоносители.

Все добычные корпорации в той или иной степени реализуют благотворительные программы в территориях своего присутствия. Но особенно ярко это свойство проявляется на удаленных и слабо освоенных территориях Арктики и Севера, где ресурсные корпорации – это суперструктуры, не сопоставимые по мощи ни с кем другим, а потому вынужденно принимают на себя квазигосударственные социальные функции по поддержке уровня жизни населения и защите окружающей среды. Конечно, у обрабатывающих фирм, которые осуществляют свою деятельность в плотно и давно освоенных районах, в высококонкурентной бизнес-среде, такого специфического института нет.

Именно в силу присутствия на окраинных и геополитически значимых территориях взаимодействие арктических ресурсных

корпораций с государством несопоставимо полнее и многоаспектнее (и далеко выходит за рамки простого получения льгот), чем у обрабатывающих ТНК освоенных районов.

Интегральным результатом описанных внешних и внутренних различий добывающих и обрабатывающих компаний является их дифференциация по необходимым компетенциям, обменам знания и характеру корпоративной инновационной системы, которые в современных условиях определяют жизнестойкость и конкурентоспособность фирмы. Основные компетенции добычной компании развиваются вдоль ресурсной цепочки «недропользование-добыча-переработка-транспортировка на рынки». В обрабатывающей фирме компетенции развиваются как интеллектуализация конечной продукции и технологии ее получения.

Для добычных компаний критично знание о природных ресурсах и условиях – стартовые геологические открытия запускают ресурсную цепочку преобразований и транспортировки. Знание фирмы первоначально, на этапе пионерного освоения, рассеяно в окружающей среде, и требуются специальные экспедиционные усилия, чтобы его собрать. Поэтому оно исходно имеет преимущественно неявный, неформализованный характер, но потом концентрируется во внешних и внутренних базах освоения.

Огромную роль неформализованного экспертного знания на первых этапах деятельности добычной компании, когда она только приходит в район пионерного освоения, отчетливо демонстрирует «Новатэк», успех которого в 2000-е годы был в значительной степени связан с личностью председателя Совета директоров геолога А.Е. Наталенко, в прошлом генерального директора объединения Севвостгеология в Магаданской области, в 1990-е годы – заместителя министра природных ресурсов РФ. Именно он, как никто другой, отчетливо понимал важность не просто геологических открытий, но именно месторождений, расположенных «удобно» с точки зрения инфраструктурной обустроенности территории. Геологическая история Северо-Востока СССР знает десятки примеров успешно открытых геологами, но десятилетиями лежащих втуне месторождений (ввиду их геолого-экономической «некондиционности» по транспортным затратам освоения, дороговизне необходимых технологий), срок которым пришел уже только в нулевые и десятые годы XXI века (в первую очередь Майское золоторудное, но также меднопор-

фировое месторождения Песчанка и др.). Так вот «Новатэк» благодаря предшествующему опыту и компетенциям А. Е. Наталенко на первых этапах «открывал» только те природные активы (лицензионные участки), которые гарантированно легко осваивались ввиду близости к магистральной газотранспортной системе.

В свою очередь, для обрабатывающих компаний критично инженерное знание технологического устройства производства и маркетинговое знание потребителей на ближайших рынках сбыта. Оно сконцентрировано в местных центрах компетенций внутри крупных городских агломераций.

В добычных компаниях субконтракторы выступают поставщиками услуг, соучастниками производственного процесса на начальной его стадии, однако конечная продукция при этом производится всецело самой корпорацией. Субконтракторы обрабатывающей компании, наоборот, соучаствуют в выпуске конечной продукции, а сама компания занимается только ее сборкой. Неудивительно поэтому, что природа производственной межфирменной коммуникации в первом и втором случае различается.

В добычных компаниях главная коммуникация развертывается между поисково-исследовательским и добычным/эксплуатационным блоками корпоративной инновационной системы. Прочность этих связей, достижение единства в стратегическом видении обеспечивают динамичное развитие фирмы (хотя в зависимости от объема запасов эта проблема стоит с разной остротой у разных компаний) (таблица).

В обрабатывающих фирмах основная коммуникация развертывается между субконтракторами и производителями, между производителями и потребителями. Эти связи способствуют внесению непрерывных инкрементальных инноваций в конечный продукт и производственные бизнес-процессы. А за радикальные инновации обычно отвечают внешние НИОКР-структуры в виде расположенных поблизости, в городских агломерациях, университетов, научных, экспертных и консалтинговых подразделений и структур наукоемкого производственного сервиса. Добычные фирмы Арктики имеют более централизованную и монопольную корпоративную инновационную систему, в которой за новые прикладные знания отвечает одно-два подразделения или института, входящие в контур компании.

Различия добывающих и обрабатывающих ТНК

Сравниваемый параметр	Добывающие	Обрабатывающие
Основные материальные активы	Природные ресурсы	Производственные фонды
Действующие экономические эффекты	Падающей отдачи от истощения, МЭР-экстерналии (отдача от монопрофильности)	Возрастающей отдачи от новшеств, Джекобс-экстерналии (ценности городского разнообразия)
Приоритетный объект корпоративного управления	Ресурсная цепочка (вес)	Цепочка ценности (стоимость)
Основа институциональной и организационной структуры фирмы	Вертикальный контракт «добыча-переработка-сбыт»	Горизонтальный контракт «субконтракторы-производители-потребители»
Экономический эффект от размещения корпоративных производительных сил	Районный	Агломерационный
Формы пространственного сопряжения материальных активов	Районные комплексы	Локализованные кластеры в городских агломерациях
Приоритет радикальной инновационной политики	Открытие новых по генезису месторождений и новых видов ресурсной продукции, новых логистических схем их доставки на глобальные рынки	Разработка принципиально новых видов продукции и открытие новых потребительских рынков
Приоритет инкрементальной инновационной политики	Продление жизненного цикла эксплуатируемого месторождения ввиду его физического истощения	Ускоренное обновление быстро морально устаревающей конечной продукции
Ключевая коммуникация – источник нового знания для фирмы и эффективности корпоративной инновационной системы	Внутрикорпоративное взаимодействие подразделений разведки и поиска и подразделений эксплуатации (добычи)	Взаимодействие с поставщиками-субконтракторами и с «изохронным» потребителем

В следующей части статьи будут подробно проанализированы сходства и различия арктических корпораций между собой, названы современные тенденции их развития.

Литература/ References

Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Том 1–304 с., том 2–351 с.

Bogdanov, A.A. (1989). *Tectology. General organizational science*. Moscow. Economics. Vol. 1. 304 p. Vol. 2. 351 p. (In Russ.).

Комар И. В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука, 1975.

Komar, I.V. (1975). *Rational use of natural resources and resource cycles*. Moscow. Science Publ. (In Russ.).

Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.

Coase, R. (2007). *Firm, Market and Law*. Moscow. New publishing house, 224 p. (In Russ.).

Крюков В. А. Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1998. 280 с.
Kryukov, V.A. (1998). *Institutional structure of the oil and gas sector: problems and directions of transformation*. Novosibirsk. IEIE SB RAS. 280 p. (In Russ.).

Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 536 с.

Nelson, R., Winter, S. (2002). *Evolutionary theory of economic change*. Moscow. Delo Publ., 536 p. (In Russ.).

Пилысов А. Н. Политические и экономические факторы развития российских регионов. Вопросы экономики. 2003. № 5. С. 67–82.

Pilyasov, A.N. (2003). Political and economic factors in the development of Russian regions. *Economic issues*. No. 5. Pp. 67–82. (In Russ.).

Пителлис Х. Н. Транснациональная компания: трактовка с позиций ресурсной концепции// Российский журнал менеджмента 2007. Том 5. № 4. С. 21–40.

Pitelis, H.N. (2007). Transnational company: interpretation from the standpoint of the resource concept. *Russian Management Journal*. Vol. 5. No. 4. Pp. 21–40. (In Russ.).

Портер М. Конкуренция. М.: Изд. дом «Вильямс». 2005. 608 с.

Porter, M. (2005). *On competition*. Moscow. Ed. house "Williams". 608 p. (In Russ.).

Alfaro Laura, Maggie, Chen, Xiaoyang. (2014). The global agglomeration of multinational firms. *Journal of International Economics*. No. 94. Pp.263–276.

Applied Evolutionary Economics and Economic Geography. (2007), Ed. Koen Frenken. London. Edward Elgar. 326p.

Beugelsdijk, Sjoerd, McCann, Philip and Mudambi, Ram. (2010). Introduction: Place, space and organization – economic geography and the multinational enterprise. *Journal of Economic Geography*. No.10. Pp. 485–493.

Boschma, R. and K. Frenken. (2017). Evolutionary Economic Geography, in: G. Clarke, M. Feldman, M. Gertler and D. Wojcik (eds.), *New Oxford Handbook of Economic Geography*, Chapter 11, Oxford. Oxford University Press.

Chandler, Alfred D., jr., Hagstrom, Peter and Solvell. (2003). *Orjan The dynamic firm. The Role of Technology, Strategy, Organization, and Regions*. Edited by Oxford university press. 488p.

Dunning, John H. (2001). The Eclectic (OLI) Paradigm of International Production: Past, Present and Future, *International Journal of the Economics of Business*,: 8:2. Pp. 173–190.

Dunning, John H., Lundan, Sarianna M. (2008). *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Second Edition Edward Elgar. 946p.

Ethier, Wilfred J. (1986). The Multinational Firm. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 101, No. 4 (Nov.). Pp. 805–834.

Iammarino, S., McCann, Philip. (2013). *Multinationals and Economic Geography. Location, technology and innovation*. Edward Elgar.

Jones, Geoffrey. (2005). *Multinationals and Global Capitalism. From the Nineteenth to the Twenty-First Century*. Oxford University Press. 353p.

Navaretti, Giorgio Barba, Venables, Anthony J. (2004). *Multinational Firms in the World Economy* (Princeton, NJ, Princeton University Press.), xiii+325 Page.

Organization Theory and the Multinational Corporation. (1993). Edited by Sumantra Ghoshal and D. Eleanor Westney. Sloan School of Management Cambridge, Massachusetts, USA St. Martin's Press. 368p.

Penrose E. (1959). The Theory of the Growth of the Firm. New York, John Wiley and Sons.

Rugman, Alan M., Verbeke, Alain A. (2004). Perspective on Regional and Global Strategies of Multinational Enterprises. *Journal of International Business Studies*, Vol. 35, No. 1 (Jan.) Pp. 3–18.

Srnicek Nick, de Sutter Laurent. (2016). Platform capitalism. Cambridge, UK. Malden, MA: Polity Press.

The Handbook of Evolutionary Economic Geography. (2010). Eds. By Ron Boschma and Ron Martin. Edward Elgar. 559p.

Статья поступила 22.09.2020.

Статья принята к публикации 01.11.2020.

Для цитирования: Пилысов А.Н., Богодухов А.О. Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории (часть 1) // ЭКО. 2021. № 1. С. 40-66. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-40-66.

For citation: Pilyasov, A.N., Bogodukhov, A.O. (2021). Arctic Corporation: Approaches to a New Theory (part 1). *ECO*. No. 1. Pp. 40-66. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-40-66.

Summary

Pilyasov, A.N., *Doct. Sci. (Geography), Lomonosov Moscow State University, General Director of ANO "Institute of Regional Consulting",* **Bogodukhov, A.O.,** *Lomonosov Moscow State University Moscow, Moscow*

Arctic Corporation: Approaches to a New Theory

Abstract. The radical differences between resource-extracting transnational corporations (TNCs) and manufacturing ones make it impossible to mechanically copy the postulates of the existing theory of TNCs to Arctic resource companies. The authors suggest forming a theory of Arctic resource TNCs based on the triad: OLI-paradigm by D. Dunning, the concept of the resource cycle (chain) by I. Komar, and the foundations of evolutionary economics and economic geography. The development of resource corporations is understood as a constant increase and diversification of a portfolio of competencies. The use of "soft" criteria made it possible to identify 19 resource companies operating in the Russian Arctic. Three of these – NovaTEK, Gazpromneft, and Norilsk Nickel – are predominantly Arctic. The key characteristics of Arctic TNCs in the aspect of the theory put forward by the authors are shown through specific examples of activities these Russian companies pursued over the past two decades.

Keywords: Arctic corporations; OLI paradigm; resource chain; evolutionary economics; economical geography; platform as a business model; Novatek; Gazpromneft; Norilsk Nickel; Arctic; theory of multinationals

Развилки судьбы фронтального города: уроки Игарки¹

Н.Ю. ЗАМЯТИНА, кандидат географических наук.

E-mail: zamyatina@geogr.msu.ru

ORCID: 0000-0002-4941-9027

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Институт регионального консалтинга, Москва

Аннотация. На примере Игарки – города, с создания которого началось промышленное использование Северного морского пути для экспорта сырья – рассматривается механизм эволюции фронтального города. Под фронтальным понимается город, созданный в районе нового освоения в связи с вводом в оборот нового вида ресурса. После первой, пионерной, фазы развития такой город эволюционирует по одному из двух сценариев: либо формирования монопрофильного поселения, либо развития города-базы дальнейшего освоения. Монопрофильный город эффективен на небольшом отрезке времени, но при истощении ресурса или изменении условий его эксплуатации теряет жизнеспособность. База освоения обеспечивает условия эксплуатации все новых ресурсов, по сути – воспроизводства фронта. Именно такие функции могут сохраниться в городе по исчерпанию первоначального ресурса. Игарка пошла по первому пути, и автор задается вопросом, насколько предопределенным был этот выбор.

Ключевые слова: Северный морской путь; Арктика; монопрофильный город; экспорт сырья; экономический кризис; местоположение; диверсификация; база освоения; информационное освоение территории, циклы освоения

Введение

Игарка – яркий, даже экстремальный случай развития города на территории нового освоения. Основанный в 1929 г. как порт по экспорту сибирского леса, город стал «образцовым» примером успехов советской власти на Крайнем Севере. «Посмотрите на карту нашего Севера. По всей Арктике сияют сталинские огни новых городов и районных центров. Заполярная Игарка 12 лет тому назад насчитывала только 49 человек, а сейчас Игарка имеет 20 тыс. жителей», – рапортовал

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта: РФФИ 18-05-00600 «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез».

И. Д. Папанин XVIII съезду партии в 1939 г.² То обстоятельство, что в Игарку заходили за лесом иностранные суда, заставляло уделять особое внимание городу как витрине советского государства. Репортажи о ней писали зарубежные корреспонденты, составленная с «благословения» Максима Горького книга детских рассказов «Мы из Игарки» экспонировалась на выставке в Нью-Йорке³ и т.д. В 1930-е местная газета выходила на четырех языках [Горчаков, 1995]; здесь была автобусная линия и такси, звуковой кинотеатр, сюда приезжали на гастроли Большой и Малый театры.

«Витрина» советского Заполярья, в постсоветское время Игарка прошла по одному из самых катастрофичных сценариев трансформации, потеряла градообразующее предприятие, почти три четверти населения и статус города краевого подчинения. Сегодня этот город, в конце 1980-х имевший 18 тыс. жителей, насчитывает лишь 4,5 тыс. человек – если не считать ЗАТО, для населенного пункта в статусе города в России это беспрецедентное сокращение. Большая (историческая) часть города сожжена или разрушена; основная часть жителей сселены в два компактных микрорайона на бывшей южной окраине. Удручающая социальная деградация значительной части населения (алкоголизм); в городе, куда три десятилетия назад ехали из разных районов страны на заработки, налицо нехватка работников даже на простейшие должности (продавщица, водитель, работник совхоза и т.п.)⁴.

Чем глубже вникаешь в судьбу Игарки, тем больше задаешься вопросом: насколько неизбежной была эта трагедия?

Показательная сама по себе, Игарка дает богатый материал для изучения более общей проблемы, а именно закономерностей развития городов и, в целом, районов нового освоения, фронтальных. В отличие от преимущественно оптимистичных советских работ по тематике нового освоения [Славин, 1961; Космачев, 1974; Пилясов, 1996; Мосунов и др., 1990], за рубежом сложился более широкий спектр подходов к изучению фронтальных регионов

² XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ Гос. изд. полит. лит. 1939. С. 332.

³ О процессе составления идеологически выверенной книги детей (в большинстве из семей ссыльных) см.: [Мы из Игарки..., 2000].

⁴ Местные предприниматели, продолжающие деятельность в Игарке, нередко привозят работников на эти должности с юга Красноярского края вахтовым методом.

[Developing... 2000], в том числе нередко применяется концепция взлетов и падений. Здесь изучение освоения более тесно переплетено с тематикой, которая в России исследуется (за редким исключением [Крюков, 2019]) как бы отдельно от проблем освоения – в контексте управления развитием моногородов [Замятина, Пилясов, 2015; Assche Van et al., 2016].

Из большого многообразия работ особый интерес вызывает статья аляскинского экономиста Ли Хаски, который прямо задается вопросом условий выхода из фронтальной ловушки, формулируя «гипотезу Джека Лондона» [Huskey, 2017. P. 327–346]. Суть ее в том, что молодой город в период фронтального бума может накопить критический объем и разнообразие экономики, которые позволят, по мере истощения основного ресурса, продолжить жизнь города на следующем, постсырьевом этапе.

Используя гипотезу Л. Хаски в качестве отправной точки, попробуем проанализировать факторы развития и возможность «иной судьбы» Игарки. Опираясь на факты из истории Игарки, обратим внимание на то, что не всякий рост экономики фронтального города является залогом его сохранения и процветания в постфронтальную эру – в этом-то и состоит, пожалуй, главный урок Игарки для понимания траектории развития судьбы городов. Пример Игарки позволяет выйти на уточнение гипотезы Л. Хаски, а именно – на введение, как минимум, двух вариантов выхода из периода первоначального освоения еще до истощения базового ресурса: а) в состояние центра массового производства и б) в состояние города-базы. За отсутствием сколько-нибудь детальных ретроспективных статистических данных (сам Л. Хаски опирался на данные старых адресных книг Анкориджа) будем использовать ранее систематизированные [Zamiatina, 2020]⁵ данные о динамике создания/закрытия в городе тех или иных предприятий и организаций, но в первую очередь – материалы полевых исследований, проведенных автором в Игарке в 2013 г. и в 2018 г. (второй раз – совместно с коллегами из Тюменского государственного университета М. Агаповым и Ф. Корандеем⁶).

⁵ Замятина Н. Ю. Игарка – первый порт Севморпути: взлет, падение уроки // GoArctic. Портал о развитии Арктики. 2020. 14 сентября. URL: <https://goarctic.ru/regions/igarka-pervyy-port-sevmorputi-vzlyet-padenie-uroki/>

⁶ Автор выражает глубокую благодарность коллегам за творческое партнерство в работе.

Особенности Игарки как фронтального города: географическое положение как «месторождение»

В отличие от городов в плотно населенных районах город в районах нового освоения часто (хотя и не всегда) связан с неким ресурсом, вовлечение которого в хозяйственный оборот вызвало к жизни сам фронт – интенсивное освоение соответствующего района. В классической истории фронта [Тернер, 2009] выделяется, например, фронт горный (золотые «лихорадки» на Западе США во второй половине XIX века), сельскохозяйственный⁷ (на ресурсе свободных земель) и т.д.

Канадский экономист Г. Иннис [Innis, 1930] предложил для описания истории своей страны понятие «отраслей-драйверов» (staples или сегодня это «отрасли-скрепы»), определивших эпохи хозяйственного освоения Канады. Иннис говорил о стране в целом, мы же в отношении конкретного города в районах нового освоения будем говорить о *базовом ресурсе*, разработка которого повлекла за собой рождение или активный рост данного города.

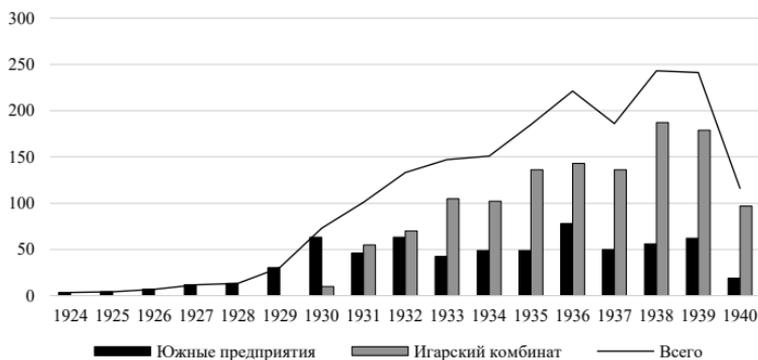
Во введении данного понятия нет особой новизны: естественно, что Норильск возник в связи с освоением угольных и медно-никелевых месторождений, Новый Уренгой – газовых, Магадан – в связи с разработкой золотых запасов Колымы. Специфична ситуация Игарки: ее базовым ресурсом стало уникальное географическое положение. Основной экспортный товар – древесину – в окрестностях Игарки не заготавливали, а поставляли (сплавляли) из более южных районов, а в Игарке перегружали на морские суда.

Уникальность Игарки состояла в ее местоположении: «Наиболее южная доступная для глубокосидящих морских судов гавань на Енисее – Игаркская протока одновременно является наиболее северным пунктом, допускающим достаточно безопасный сплав плотов в речной протоке», – писали в 1928 г.⁸ Кроме того, удобная протока позволяла судам укрываться от штормов (обычных в этом районе на Енисее), а также оберегала портовые сооружения от разрушения в ледоход (портовые краны в Дудинке до сих пор весной убирают от ледохода).

В первое же десятилетие существования Игарка стала важнейшим центром экспорта сибирского леса (см. рис. 1).

⁷ Из недавних работ см.: [Наумов, 2018].

⁸ Цит. По: [Горчаков, 1995. С. 44.].

Источник: Невенкин К. Г., Лапин Г. П. Лесной экспорт с Енисея: Пособие для работников лесозэкспортных предприятий Сибири / Под ред. Н. А. Никоненко. Красноярск: Кн. изд-во, 1975. 280 с.

Рис. 1. Рост роли Игарки в экспорте леса по СМП из Красноярского края в 1924–1940 гг., м³

По сути, строительство Игарки «открыло» массовый промышленный экспорт енисейского леса [Zamiatina, 2020] – но мало кто обращал внимание, что именно строительство Игарки, по сути, запустило промышленную эксплуатацию Северного морского пути (СМП). Да, к моменту основания Игарки было предпринято уже немало попыток наладить выход с Енисея на внешний рынок: экспедиции купца Михаила Сидорова, в том числе – под руководством капитанов Дж. Виггинса и Д. Шваненберга; торговые операции норвежца Йонаса Лида, карские операции колчаковского времени и первых лет советской власти. Но именно из Игарки был налажен «поточный», регулярный экспорт, позволивший преодолеть экономический барьер высоких страховых выплат торгового судоходства по СМП: «увеличение тоннажа заходящих в Енисей судов ... свидетельствует о повышении степени изученности условий прохождения, а отсюда и уменьшение опасности этих рейсов. Характерным для последнего является из года в год падающий размер страховки уходящих в Игарку судов», – сообщали из города уже в 1935 г. [Игарка, 1935. С. 7].

Работа Ростислава Горчакова [Горчаков, 1995] открывает интересные детали, позволяющие понять механизм прорыва барьеров освоения: организация сплава по Енисею сама по себе потребовала дерзких (инновационных) решений, и технологическое

нововведение в виде использования на Енисее плотов волжского типа можно считать второй важнейшей составляющей открытия игарского фронта. Однако важность нахождения удачной точки перевалки это не уменьшает. До Игарки десятилетиями шли поиски этой точки, включавшие основание Усть-Порта, базы на Насоновском острове в низовьях Енисея и др. – однако, повторим, только открытие игарского «месторождения» – местоположения – позволило запустить Северный морской путь в промышленных масштабах.

Однако идеально подходящее под перегрузку сплавного леса местоположение Игарки оказалось «исчерпанным» при отказе от самосплава леса в плотях, и тем более – при появлении судов «река – море». Конечно, Игарка сохраняет некоторые преимущества (удобная протока) и для других способов транспортировки сырья – но, как показывает опыт развития Дудинки, они уже не критичны (в частности, в 2018 г. при пробной попытке восстановить экспорт леса по СМП в качестве точки перевалки использовалась Дудинка⁹).

В экономической терминологии местоположение Игарки оказалось «специфическим активом»: здесь уникальность местоположения оказалась сродни месторождению. Экономическое его значение определяется не только наличием сырья, но и его востребованностью в той или иной ситуации, при этом иного варианта использования, кроме как добыча ресурса, месторождение не предполагает. Мы привыкли считать, что положение «на транспортных путях» является выгодным «географическим положением», однако эта «выгодность» может устареть, например, по мере развития технологий – подобно тому, как истощаются месторождения базовых минеральных ресурсов. Правда, оценки В. Е. Голенкова показывают, что даже в современных условиях (по состоянию на 2007 г.) экспорт леса через Игарку может быть рентабелен – однако это верно только в отношении экспорта в северные страны Европы [Голенков, 2007].

Обстоятельства «исчерпания месторождения» роднят Игарку с целым рядом старинных городов, основанных на караванных

⁹ Сибирский экспортер леса возобновил поставки через Северный морской путь после 10 лет перерыва // Альта-Софт: все для декларантов и участников ВЭД. 5 сентября 2018. URL: https://www.alt.ru/sfo_news/62591/

(и иных) путях и потерявших свое экономическое значение (и население) в связи с тем, что по каким-то внешним причинам пути перестали существовать или пошли по иной трассе: Пустозерск и Мангазея, в какой-то мере – Верхотурье и др. В будущем такая судьба может ожидать Усть-Кут (с портом Осетрово) – главный пункт перевалки грузов с железной дороги на реку Лена.

Гипотетически «истощение» географического положения не обязательно приводит к краху выросшей на нем городской экономики. Накопленные активы могут стать основой будущего развития – здесь легко вспомнить классиков (от Н. Н. Баранского, заметившего, что «город может сам себе создать положение» [Баранский, 1980], до Пола Кругмана, в нескольких работах приводившего пример Нью-Йорка, выросшего на канале Эри, однако, уже около полутора веков нормально развивающегося и после окончания промышленного судоходства по каналу [Krugman et al., 2011. С. 152]). В качестве объясняющего механизма П. Кругман предлагал экономикой возрастающей отдачи: куда выгоднее размещать новые виды деятельности в уже существующем городе, чем строить новые города под новые условия – и в общем, ровно в этом и должен бы, казалось, состоять «эффект Джека Лондона».

Жизнь после фронта: теоретические варианты

«Гипотезу Джека Лондона, – пишет автор, – можно сформулировать так: «эксплуатация ресурса вызывает такой рост и развитие сопутствующих отраслей, что они продолжают существовать и после спада ресурсного бума, что, в свою очередь, стимулирует новую экономическую активность» ... Гипотеза Джека Лондона дает возможность более оптимистичной «послебумовой» истории. Структурные изменения, которые происходят во время бума, могут изменить экономическую среду таким образом, что она будет способствовать появлению новых возможностей экономического развития в будущем. Местные политики, возможно, пожелают обратить внимание не только на извлечение природных ресурсов, но и на ту часть экономики, которая останется после бума освоения» [Huskey, 2017. P. 44].

Заметим, что, на протяжении практически всего советского периода освоения Крайнего Севера неявно предполагался именно такой вариант развития молодых городов: они должны были стать «полноформатными» экономическими центрами новых освоенных районов¹⁰. Очевидно, в ранние годы такая идеология освоения Севера была связана с необходимостью насаждения на осваиваемой территории пролетариата как главного носителя прогрессивной идеологии, поэтому освоение Севера оказывалось фактически тождественно росту северных городов¹¹.

Однако любой ли рост экономики сможет стать опорой будущего (несырьевого) развития?

Ли Хаски рассматривает в качестве основы будущего, пост-фронтального развития сферу услуг. Но какова она должна быть, чтобы «держаться» экономику города по истощении «базового ресурса»? Судьбы американских городов-призраков показывают, что сфера услуг, направленная на удовлетворение внутреннего спроса горожан, никак не страховала города от смерти. Яркий пример: поселение Сёркл на Аляске, возникшее на ранних открытиях золота на Юконе, и символично названное в честь Северного полярного круга. Через три года после открытия первого золота здесь было «два театра, музыкальный салон, восемь танцевальных салонов, двадцать восемь салунов, библиотека» [Vorneman, 2003] – практически «креативная городская среда» (по современной урбанистической концепции). Город называли Парижем Аляски. Однако вскоре нашли золото на Клондайке, и жители чуть ли не в ночь покинули Сёркл. Не осталось ничего.

По сути, это иллюстрирует и Игарка. Уже в 1930-е была основана научная станция по изучению вечной мерзлоты (и далее на ее базе – первый в мире и до сих пор уникальный Музей вечной мерзлоты), опытная сельскохозяйственная станция, давшая несколько новых сортов овощей, гидрографическая база, аэропорт (причем игарские летчики обслуживали экспедиции к Северному полюсу, в частности, обеспечивали ледовую разведку при походе

¹⁰ С поправкой лишь на то, что в этих районах, видимо, никогда не будет развитого сельского хозяйства [Славин, 1961].

¹¹ Подробнее: [Zamatina, 2020] и *Замятина Н. Ю.* Нужно ли «нормализовать» Север? // Портал GoArctic. 2020. 3–4 июня, URL: <https://goarctic.ru/society/nuzhno-li-normalizovat-sever/>

к Северному полюсу ледокола «Арктика» в 1977 г. [Горчаков, 1995]). В разные периоды XX века действовал филиал Красноярского техникума¹², целый ряд геологических экспедиций¹³, собственное телевидение и др. Игарский совхоз в 1930-е экспонировал выведенные сорта овощей на ВДНХ, а в войну полностью обеспечивал город картофелем.

К настоящему времени значительная часть предприятий и организаций Игарки не сохранилась¹⁴. В 1999 г. город потерял даже Педагогическое училище народов Севера, казалось бы, никак не связанное с умиравшим градообразующим предприятием (училище было переведено в Дудинку, впоследствии возродилось в Игарке в форме филиала профессионального училища г. Дудинки¹⁵, ныне: Игаркский многопрофильный техникум).

Сегодня, если не считать функции жизнеобеспечения самого города (котельная, магазины, больница – впрочем, все это в крайне плачевном состоянии), Игарка выполняет часть прежних функций «по Хаски» – некогда связанные с обслуживанием города и порта, сегодня они используются, по сути, в новом качестве. В первую очередь, это аэропорт, реконструированный и используемый «Роснефтью» как авиабаза Ванкорской группы месторождений (более чем в 100 км от Игарки).

¹² «Колоссальнейшую роль сыграл. Отсюда вышел не один начальник цеха, не один мастер, сами производственники». (Из интервью с директором Игарского многопрофильного техникума М. А. Андреевой, 2018).

¹³ Интересно, что ведомственное жилье геологических экспедиций было одним из самых комфортных в городе: «Экспедиции – их тут очень много было, порядка десяти. ... Экспедиция могла себе позволить такую роскошь. Там и московская экспедиция – коттедж был, и новосибирская экспедиция построила, игарская экспедиция у нас была, два коттеджа построила. ... Игарка за счёт экспедиций и преобразилась немножко, я считаю. ... У нас первую девятиэтажку, 30-й дом, это московская экспедиция тоже построила. ... По тому времени они были богатенькие, что называется... у них вопрос решался по жилью». (Из интервью с Е. Г. Смирновой, главным архитектором Игарки, 2018).

¹⁴ Детальную сводную информацию по динамике возникновения и открытия организаций см.: [Zamiatina, 2020; Замятина, 2020].

¹⁵ «...Когда от нас уходит педагогическое училище народов Севера, в городе ещё проживает на тот момент в расцвете сил Пётр Петрович Дончак, бывший работник горкома партии, вообще человек, который не спокоен по отношению к подрастающему поколению, и он на всех уровнях начинает поднимать вопрос, что Игарка не может остаться без профессионального образования, и в 2001-м году у нас открывается филиал прежде всего профессионального училища, он становится его первым директором, и мы начинаем свой отчёт». (Из интервью с директором Игарского многопрофильного техникума М. А. Андреевой, 2018).

Заметим: хотя практически всю инфраструктуру пришлось перестраивать¹⁶, «Роснефть» все же решила использовать старый аэропорт, а не на строить новый, ближе к месторождению. Можно предположить, что важную роль тут сыграла не столько ветхая инфраструктура, сколько информационная освоенность территории (многолетние метеорологические данные и т.д.) и наличие кадров. Кроме того, крупногабаритные грузы доставляются на месторождение водным путем через расположенную в 20 км выше по Енисею базу Прилуки (полностью разоренный Игарский порт возродить не стали). В остальном, на новом, нефтяном, «витке» освоения Игарка почти не задействована; местные жители почти никогда не трудоустраиваются на Ванкор (за исключением работников охранного предприятия).

Другая «побочная» функция Игарки – это обслуживание участка ЛЭП от Курейкской ГЭС на Норильск (ООО «Таймыр-энерго», РЭС № 2) – еще одно из немногих престижных мест трудоустройства игарчан.

В свое время обсуждался потенциал игарского Музея вечной мерзлоты стать главным «градообразующим предприятием» Игарки, а сам город виделся культурно-туристическим центром. Генеральный план старой Игарки был разработан Иваном Леонидовым, всемирной «звездой» советского авангарда, а некоторые

¹⁶ Интересно, что при этом проявилась особенность местоположения Игарки, едва ли учтенная в момент ее основания (однако впоследствии активно использовавшаяся Игарской авиационной базой: «Аэропорт Игарка избран нефтяной компанией “Роснефть” в качестве стратегического аэропорта для освоения Ванкорского месторождения. Это вполне понятно, поскольку преимущества Игарки перед другими близлежащими населенными пунктами... заключаются не только в ее близости к Ванкору. Неоспоримым достоинством являются благоприятные для работы авиации и здешние метеословия. Игарка может служить и транзитным, и запасным аэропортом для многих типов самолетов, в том числе для ИЛ-86. Правда, из многочисленных достоинств у Игарки почти ничего не осталось. Износ основных средств составляет 80–90 процентов. И если здесь что-то еще и работает, то только благодаря патриотам авиапредприятия, которые трудятся в аэропорту по 20–30 и более лет. Поэтому, чтобы стать полноценным транзитным и запасным аэропортом, в первую очередь потребуется выполнить серьезную реконструкцию взлетно-посадочной полосы и мест стоянок самолетов. Чтобы обеспечить соответствующее обслуживание пассажиров и вахтовых бригад, надо будет отремонтировать гостиницу, но остальное – гараж, автотракторные боксы, сам спецавтотранспорт, здание аэровокзала, котельная, дизельная и другие сооружения служебного и производственного назначения, в том числе несколько объектов незавершенного строительства, ремонту не подлежат. Как сказал генеральный директор ЗАО “Ванкорнефть” Евгений Евгеньевич Попов, “мы все это снесем и поседем тут зеленую травку”». (Немного ностальгии и не только /Архивы 2006 // 31 марта. [Ресурс информации о севере Красноярского края]. URL: <https://31marta.ru/2006/page/2/>)

приписываемые ему деревянные здания в стиле конструктивизма были действительно уникальными (здание речного порта). Проект «Заполярная Игарка: архив возрождает город» в 2005 г. оказался в числе победителей на 2-м конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире»¹⁷. В общем, потенциал города и музея казался вполне готовым для становления города своего рода музейной витриной советской Арктики – если бы это позволил общий уровень развития внутреннего туризма в России в целом и в российской Арктике в частности. Впрочем, надо заметить, Игарка регулярно принимает некоторое количество российских и зарубежных исследовательских групп и иных посетителей музея, приезжающих «за знаниями». Аналогичные функции периодически выполняет Игарская станция вечной мерзлоты (принимающая группы студентов-мерзловедов) и др.

Во всех случаях обращает на себя внимание одна особенность: современными «драйверами» (хотя и довольно слабыми) в развитии Игарки выступают не просто сервисные предприятия, но те, которые связаны с обеспечением деятельности по хозяйственному (и, пользуясь термином Космачева, информационному [Космачев, 1974. С. 30–41]) освоению окружающей территории. Иными словами – выполняют функции классической, выделенной сибирскими учеными еще в 1970–1980-е годы *базы освоения*, понимаемой как «пространственно-временная концентрация освоенческих услуг» [Сысоев, 1979. С. 105].

Таким образом, концепцию Л. Хаски стоит уточнить в части специализации услуг, наращиваемых в годы фронта в качестве «депозита» для будущего экономического развития. Похоже, что услуги, ориентированные на удовлетворение потребительского спроса, сами по себе еще не могут обеспечить дальнейшее существование города – но услуги, *обеспечивающие дальнейшее освоение территории*, – это именно то, что нужно для сохранения северного города, который таким образом превращается в базу освоения новых ресурсов или старых ресурсов на все более отдаленных территориях. Подробнее этот механизм рассмотрен ранее на примере Магадана [Замятина, 2020]. Правда, жизнь города-базы возможна до тех пор, пока актуальна разработка

¹⁷ Заполярная Игарка: архив возрождает город // Новости музеев. URL: <http://museum.ru/N23027>

все новых и новых ресурсов. В условиях Арктики, где развитие, например, обрабатывающей промышленности объективно затруднено, спектр альтернативных городу-базе функций крайне сужен: по сути, только становление административным центром (вариант Нарьян-Мара).

Слабость современной Игарки оказалась не только в падении градообразующего предприятия (во многом predetermined «истощением» местоположения, лишь отсроченного в советские годы), но и в утрате функций базы освоения окружающей территории. Частично это было связано не с событиями конкретно Игарки, а со сменой политики в отношении освоения Севера России в целом (геологические экспедиции) либо изменением технологий (почти не работающая ныне гидрографическая служба). Но были определенные особенности развития и самой Игарки, обернувшиеся «миной замедленного действия» в кризисные времена.

Игарка как город-база: возможные ветви эволюции

Молодая Игарка отлично иллюстрирует раннюю политику советской власти по отношению к освоению Севера, подразумевавшую преобразование «отсталой окраины» в новую социалистическую реальность.

Обратим внимание на то, что по ходу создания молодых городов Крайнего Севера большое внимание уделялось их «полноценности». Это должны были быть не просто производственные центры, но очаги цивилизации окружающей территории¹⁸. Читаем первую книгу о городе 1935 г. (городу всего шесть лет!): «Роль Игарки в проблеме освоения Крайнего Севера велика еще и потому, что в местах, где культура, техника с ее революционизирующим влиянием были неизвестны, где в итоге политики царской России хозяйство находилось на первобытном уровне с натуральным и полунатуральным укладом – вырос город, появился рабочий класс, электричество, школы, больницы, кино, клубы и т.д.» [Игарка, 1935].

Даже беглое перечисление подлинно экспериментальных, новаторских технических решений, объектов исследовательской

¹⁸ Более развернутая характеристика фактов, положенных в основу этого и следующего разделов, дана: [Zamiatina, 2020; Замятина, 2020].

инфраструктуры, научных, образовательных и культурных учреждений, созданных уже к 1935 г. и перечисленных в рассматриваемой брошюре – поражает. Более того, многие из них обслуживали не только Игарку, но и окружающие территории:

«Игарка в настоящее время стала единственной базой домостроения всего Крайнего Севера: Дудинка, Норильск, Усть-Порт и все другие пункты Таймырского округа получают лесоматериалы и пиломатериалы с игарских лесозаводов, а полярные стандартные домики (зимовий и т.д.) полностью осуществляются в Игарке и сплавляются к местам назначения в разобранном виде. Исключительно большое значение для всего Крайнего Севера имеют экспериментальные работы Игарки в области сельского хозяйства. Игарские опыты показали, что проблема производства овощей и ряда других с/х растений может быть успешно разрешена в условиях Сибирского Заполярья, чем значительно передвигается граница земледелия. ... громадное значение принадлежит Игарскому филиалу “Института экспериментальной медицины” ... должно быть понятно техническое значение Игарской мерзлотной станции... Культурные учреждения Игарки – больницы, школы, клубы и т.д. имеют далеко не только местный, городской характер, – ими обслуживается частично и население других районов Крайнего Севера. В этой связи можно отметить большую культурную роль Игарской радиостанции – одной из самых мощных в Красноярском крае. ... Являясь крупным потребляющим центром, Игарка всегда имеет на своих складах значительные запасы товаров, за счет маневрирования которыми в напряженные моменты имеется возможность удовлетворить нужды соседних северных районов, в частности Таймырского округа. Так, например, в 1934 г. Игарка перебросила зимой в Таймырский округ товаров на 1500 т.р.» [Игарка, 1935. С. 7–9].

Это и был потенциальный задел на диверсификацию, на «эффект Джека Лондона», и его предполагалось расширять, построив «деловой дом» – клуб инженерно-технических работников. Этот же клуб может быть использован как база техучебы и повышения квалификации игарских работников...» [Игарка, 1935.С.41]

Что же убило весь этот потенциал?

«Золотой век» Игарки и трагедия массового производства

Удивительным образом функции базы во многом были разрушены в «золотой век» Игарки (как его датировали практически все опрошенные здесь респонденты) – 1970–1980-е годы. Действительно, именно в этот период были достигнуты рекордные показатели в ключевой отрасли города: в 1978 г. через Игарку отправляется максимальный объем пиломатериалов – 1322,5 м³ (сопоставимый, хотя и меньший объем экспорта держался до 1990 г.).

Казалось бы, город процветает. Массово ведется строительство многоэтажных домов: в 1970–1980-е вырастают два микрорайона. В 1977 г. пущен прямой авиарейс на Москву [Горчаков, 1995. С. 176]. Респонденты с ностальгией рассказывают о доступности (через моряков) зарубежных товаров, дефицитных джинсов и т.д. Сезонники едут на заработки в Игарку с разных концов страны.

Интересно, что численность населения – при активных производственных успехах – не росла, но постоянно колебалась. В юбилейном 1979 г. она составляет 16,5 тыс. чел. – меньше, чем в 1955-м (20 тыс. чел.). Красноярский историк Наталья Гонина, анализируя проблемы «укоренения» городского населения, пишет: «Тяжелейшим условиям жизни и работы мигранты противопоставляли силу характера (хэмингуэевские мотивы), романтизм первооткрывателей новых земель, идеалы и мечты строителей коммунизма... среди людей, имевших такие установки при переезде, большинство смогло укорениться, в отличие от тех, кто ехал с целевой установкой повышения материального благосостояния...» [Гонина, 2016. С. 10]. Так вот, в Игарку, судя по интервью, в «золотой век» города большинство ехало отнюдь не за хэмингуэевскими мотивами:

Р1¹⁹: А мои родители в 83-м, как говорят, за длинным рублём приехали.

И: А говорят, иностранцы ходили?

Р1: Я только видела, как они мелькают. Катер был. Кто хотел, тот, конечно, находил. По иностранным мы не ходили, не шлялась... Они и джинсами торговали, и косметикой. Покупали там, колготками.

Р2: Торговали жвачкой, сигареты были. Как-то связывались с ними.

¹⁹ Р1, Р2 и т.д. – респондент 1, 2 и т.д. И. – интервьюер (автор).

Р1: Эти рубицики, они же с ними общались. У них тальман был, и наши старшие рубицики, они общались. Некоторые там вместе в тальманской сидели на парходах. <Спрашивали:> “Вы поедете туда-то? То-то привезти”. Всё, на следующее утро... джинсы, размеры, что хотели. ... платье я взяла, такое, типа плащовки. Пошив такой был. Они были жёлтые, белые, голубые, всякие разные. Покрывала брала через рубицику.

И: Через рубицику, которая с ними общалась?

Р1: Да. ... рубицицы, они сидели там, где предоставляли место. Они же в дождь не будут. И они на барже сидели, и т.д. и т.п., и общались с ними. Они напрямую связаны были. Было вообще замечательно. Улица Октябрьская у нас была, когда выходишь с речпорта: белые дома, зелень, дорожка ровненькая, асфальт. Всегда тут все магазины, рестораны, мотели. Таксисты. И сколько было клубов на дискотеки ходить! Подростками же были. 8–9-й класс. А сейчас, конечно, печально. И дом пионеров был, и кинотеатры.

Р2: А я приехала с Урала, у нас там голодный год был. Всё по талонам... Я из Пермской области: Чайковский и Пермь. И там просто был голод. Я приехала сюда, здесь кофе было порошковое в банках. УПК, порошковое, в банках железных. Чай со слоном, сгущёнка. Это такие витрины были круглые из банок. У меня вообще глаза наизнанку вылезли. ... Сгущёнка и вареная, и пастеризованное молоко было. Одежда была нормальная, трикотаж хороший был. Сейчас же ничего нету. Я отсюда посылки отправляла. (Интервью в Игарке, 2018. Респонденты: женщины, 40–50 лет, заняты на неквалифицированной работе).

Справедливости ради стоит сказать, что многие опрошенные в Игарке указывали на «прикипелость» к месту многих из тех, кто сейчас остался в Игарке (подтверждая выводы Н. Гониной)²⁰.

²⁰ «Р: Игарчане, которые здесь коренные и приезжие, которые живут более 10-ти лет, люди любят свой город, люди живут этим. Не всегда, не все здесь жители приехали за длинным рублём, получили за три года там, накопили на квартиру, на машину, и уехали.

И: А такое тоже было?

Р: Ну, а как же?

И: За три года можно было накопить?

Р: Можно, да. В советское время на лесокombинате в две-три смены можно было накопить за два-три года. У нас такие легенды ходили. Уезжали, покупали “Волгу”». (Из интервью с директором Игарского многопрофильного техникума, 2018).

Однако в целом складывается ощущение, что в Игарке «общество потребления» сформировалось уже в 1970-е. Параллельно идет стремительная утрата потенциала базы освоения. Теряются отрасли и направления, которые могли бы обеспечить инновации, укрепить экономическую базу развития города «после бума». В 1977 г. филиал Красноярского политехнического техникума (сущ. с 1959 г.) переводится в Красноярск²¹. Прекращается выращивание выведенных в Игарке сортов овощей (кроме ЛПХ), с 1950-х годов снабжение овощами завозное. В 1983 г. закрывается Игарская телестудия ввиду стабильного приема передач Центрального телевидения²². Прекращается деревянное домостроение – по сути, уходит тот потенциал, который гипотетически мог бы стать основой будущей новой специализации.

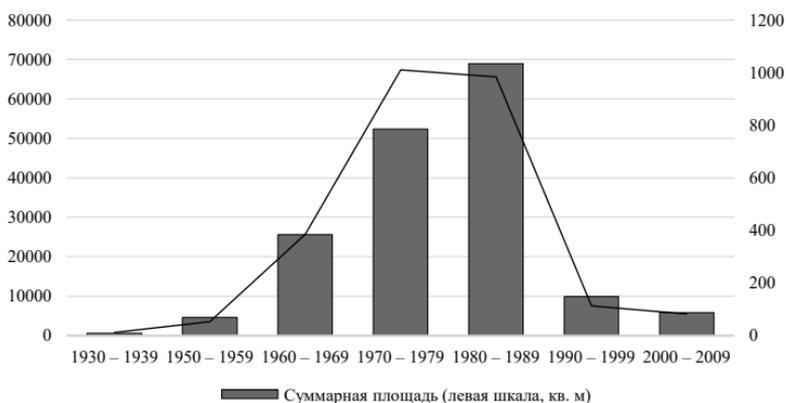
Прорывные, революционные решения были сделаны раньше, в 1960-е годы. Так, рекордные объемы перегрузки леса, многократно превышающие довоенный уровень, стали возможны благодаря внедрению в предыдущее десятилетие новой технологии транспортировки: в Игарке теперь перегружались уже не отдельные бревна, а мощные «пакеты», зачастую с баржи на лесовоз на прямую, минуя берег²³. Заметим: само продолжение лесоэкспорта через Игарку зиждилось уже на эффекте возрастающей отдачи (или, по Н.Н. Баранскому, город уже сам создавал свое географическое положение): преимущества города при самосплаве леса уменьшаются в случае перегрузки пакетов, и полностью исчезают при изобретении судов типа «река – море». После пожара 1962 г. появилась новая часть Игарки – «Новый город» (преимущественно деревянные двухэтажные дома), разработан новый Генплан (предусматривающий те самые микрорайоны, которые строятся два следующих десятилетия). В 1964 г. было организовано городское телевидение, в 1965 г. – уникальная подземная часть музея вечной мерзлоты (в переданной от исследовательской станции шахте). В 1966 г. в Игарку заходит первый круизный теплоход: дан старт развитию туристической индустрии.

²¹ Информация музея Игарского многопрофильного техникума.

²² С 1998 г. вновь запущен муниципальный телеканал (без электронной версии).

²³ *Невенкин К. Г., Латин Г. П.* Лесной экспорт с Енисея: Пособие для работников лесозэкспортных предприятий Сибири / Под ред. Н. А. Никоненко. Красноярск: Кн. изд-во, 1975. 280 с.

В 1970-е развитие идет уже не столько качественно, сколько количественно. При этом валовые показатели достигаются зачастую в ущерб качеству. Так, например, погрузка леса на лесовозы требует особой квалификации и опыта, однако ввиду острой нехватки рабочей силы к погрузке массово привлекаются сезонные рабочие²⁴. По-видимому, аналогичное замещение качества валовыми показателями происходило и в других сферах; в частности, массово построенные квартиры в 1970-х в среднем были теснее квартир в более старых домах (рис. 2 и 3).

Источник рис. 2,3: Дом.МинЖКХ.РУ. URL: <http://dom.mingkh.ru/krasnoyarskiy-kray/igarka/#stats>

Рис. 2. Ввод жилья в Игарке по десятилетиям в 1930-2009 гг.

Общая политика доминирования в сырьевых районах ведомственных интересов, характерная для эпохи, дополняла картину «оконверсивания» Игарки. Главный специалист по архитектуре и строительному контролю Е.Г. Смирнова рассказывает, что в 1980-е приходилось проводить по документам культурные учреждения (в частности, школу искусств) как жилые или

²⁴ Разумеется, сезонные рабочие привлекались к работе в порту практически на протяжении всей его истории, и динамику проследить не удастся; любопытно, однако, в первой половине 1930-х говорили о необходимости сокращения их численности: «Почти все эти пункты объединяли в едином комплексе несколько отраслей производства... с таким расчетом, чтобы внутри каждого хозяйственного узла эти отрасли обеспечили полную загрузку и всестороннее использование рабочей силы, допуская лишь для отдельных отраслей завоз сезонных рабочих на погрузочные работы и промыслы» [Славин, 1961. С. 116; Горчаков, 1995].

производственные помещения²⁵, поскольку по действовавшим нормативам «культуры» Игарке больше не полагалось.

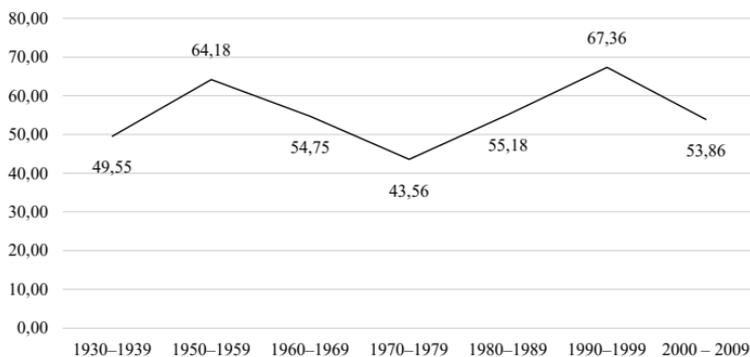

Рис. 3. Распределение современного многоквартирного жилья в Игарке по периодам постройки в 1930–2009 гг.

Переход к эпохе массового производства – это качественный рубеж: иссякает инновационный потенциал фронта, институциональная и производственная системы «костенеют». Главные приметы «оноквееривания» – уход креативности, разнообразия производственной и культурной жизни, отсутствие радикальных нововведений, и все это – на пике собственно производственных показателей. По сути, в свой «золотой век» Игарка мало-помалу превращалась в более «монопрофильный», узкоспециализированный город, утрачивала своеобразие и разнообразие экономики и городской среды.

Уроки Игарки для современной Арктики: увидеть точку невозврата

Тема арктической урбанизации – одна из самых актуальных в научной арктической повестке (подробнее см.: [Замятина, Гончаров, 2020]). Однако городская Арктика неоднородна: есть города комплексные, и даже университетские центры, и есть преимущественно промышленные, лишённые функций базы освоения, «центрального места» (если применять терминологию Кристаллера). Российская Арктика отличается уникально высокой долей городов второго типа [там же].

²⁵ Интервью автора, 2018. Подобные случаи были и в других промышленных центрах.

Конечно, судьба Игарки стала результатом наложения целого ряда факторов. Одним из важнейших было то обстоятельство, что большинство научных и образовательных функций были перехвачены у Игарки Норильским промышленным районом (исследования в области полярной медицины, сельского хозяйства Крайнего Севера и особенно – геофизиологии) – подобно тому, как когда-то функции «окна в Европу» были перехвачены у Архангельска Санкт-Петербургом.

И все же это не умаляет необходимости переоценки «золотого века» Игарки. «Тучные» 1970-е, 1980-е *не заложили ничего*, что помогло бы Игарке пережить кризис 1990-х и последующие сложные внешние экономические условия – напротив, Игарка именно в свой «золотой век» утрачивала потенциальные «институты знания» – научно-исследовательские, образовательные институты. «Золотой век» массового производства и обострения узкой специализации (заложенный еще в предвоенные годы после репрессий в системе Севморпути и многократно усиленный погоней за валовыми показателями в последние десятилетия советской власти) обернулся слабостью городской системы перед лицом пришедших экономических трудностей 1990-х.

Ни в коем случае не оправдывая безответственные решения 1990-х (в частности, закрытие градообразующего предприятия без эвакуации города), многочисленные имевшиеся в то время хозяйственные злоупотребления и даже преступления; не оправдывая общую политику руководства страны по «уходу с Севера», во многом инспирированную Мировым банком (см., например [Мельникова, 2005. С. 34–47]), – констатирую: возможности выстраивания альтернативной, научно-исследовательской, туристической, образовательной экономической специализации (которая бы расцвела на новом этапе развития города с приходом «Ванкорнефти») не только не были усилены – они были, во многом, растратчены именно в период наибольших экономических показателей, в 1970–1980-е, в период выстраивания «типичного» города Игарки.

Фронтальные города со всей очевидностью проходят однотипную цепь стадий развития. Нулевой цикл связан с накоплением информации, случайными экспедициями и предприятиями. В случае Игарки это проекты и пробные попытки организации экспорта по СМП – от М. Сидорова до Й. Лида, от Дж. Виггинса до карских экспедиций.

Далее идет мощная (и обычно идеологически очень нагруженная) стадия слома барьера, собственно фронта, когда зачинается новая прибыльная отрасль, преобразуется территория, формируются (зачастую) новые общественные отношения. В какой-то степени здесь можно провести параллель с технологической революцией в миниатюре, но если на сломах технологических укладов общественные институты обычно отстают от технологических перемен, то на фронте (и в этом его типологическая особенность!) новые общественные институты создаются одновременно с самим процессом освоения новой территории, который, в свою очередь, обычно становится возможным лишь с обретением новой технологии.

Случай Игарки здесь «образцово-показательный»: технология сплава енисейского леса, открытие удобной точки перегрузки, обеспечение относительно крупнотоннажного экспорта сломили барьер дороговизны перевозок – и пошел промышленный, регулярный экспорт по Севморпути. Одновременно создавалась новая форма управления территорией – Главное управление Севморпути; причем в Игарке формировалось довольно интересное, подлинно фронтальное сообщество (если в классике американского фронта писали о сломах барьеров между классами и гендерными группами, то в Игарке 1930-х ослабевали барьеры между «вольными» и «раскулаченными» – во всяком случае, если верить работам Горчакова).

В какой-то момент первоначальное «месторождение» истощается – в случае Игарки это были ее преимущества при самосплаве леса. Для некоторых городов это первая возможная точка невозврата. Однако по закону возрастающей отдачи возникает возможность использования города как базы новых отраслей. И вот тут и возникает критическая развилка северного города: становление монопрофильным промышленным центром или базой нового освоения – средоточием освоенческих услуг, технологических и интеллектуальных. Игарка, в ранние годы уверенно закладывая фундамент развития по второму сценарию, примерно к середине 1970-х скатилась в первый, монопрофильный сценарий. Параллельно с наращиванием рекордных производственных показателей она утрачивала разнообразие и творческий потенциал.

Самый важный урок Игарки – это острота противоречия между валовыми производственными показателями и разнообразием городской среды, по сути – между сиюминутной экономической эффективностью производства и жизнестойкостью производственного города. Известное по книгам Дж. Джейкобс противоречие между краткосрочной производственной эффективностью и долгосрочной жизнестойкостью, блестяще показанное ею на примере сопоставления узкоспециализированного Манчестера и многоотраслевого Бирмингема, в Арктике обретает особый смысл. Как правило, это противоречие проявляется как дилемма «производственный центр – база освоения», или «город при месторождении / база освоения всего района». И это тоже наглядно видно на примере Игарки.

Большую роль сыграло положение Игарки среди других экономических центров севера Красноярского края. Будучи пионером освоения в этом районе, в первые годы Игарка выполняла и роль центра для развития новых поселений; из нее осуществлялись авиаразведка, радиосвязь, поставлялись стройматериалы, продукты, опыт. Если бы Игарка могла бы закрепиться в роли экономического центра низовий Енисея, особенно, если бы получила статус административного центра, ее, очевидно, ждала бы совершенно иная судьба. Это доказывает сопоставление с Нарьян-Маром, синхронно с Игаркой утратившим лесозэкспортную отрасль (Нарьян-Марский – еще дореволюционный – лесозавод Стелла Поларе после череды смен владельцев был признан банкротом в 2010 г., Игарский лесозавод, также после ряда преобразований, признан банкротом в 2008 г., равно как и Игарский морской порт). Нарьян-Мар спас статус столицы Ненецкого АО, административные функции стали доминирующими.

Статус хотя бы райцентра очень помог бы Игарке – но тут ее подвела советская система наделения северных промышленных городов статусом города областного/краевого подчинения, из-за которого Игарка, очевидно, «недобрала» потенциала становления административно-организационным центром окружающей территории – хотя по факту он был и отчасти реализуется даже сегодня (так, например, больница Светлогорска «относится» к Игарке²⁶). Любопытно, что в числе попыток найти новую экономическую

²⁶ Интервью с главврачом больницы в г. Игарке, 2018.

опору развития города, в 1990 г. Игарским горсоветом была ратифицирована Декларация о создании Северо-Енисейской области (Норильск, Дудинка, Хатанга, Диксон, Усть-Енисейск, Талнах, Кайеркан, Игарка) с возможностью образования в Игарке свободной экономической зоны [Горчаков, 1995].

Однако в силу большей экономической значимости Норильска – младшего «собрата» Игарки – большинство функций «центрального места», связанного с обслуживанием окружающей территории (научные, образовательные, культурные, управления инфраструктурой, связь) – перешли к нему. Игарка из центра освоения территории превратилась в узкоспециализированный промышленный центр, и именно это, во-видимому, и лишило ее возможности выживания в период общего кризиса Крайнего Севера.

Именно сюда уходят корни невозможности эффекта Джека Лондона: сконцентрировавшись на узких производственных задачах, «отдав» профильное образование и сельское хозяйство, телевидение и научные исследования (кроме мерзлотных), Игарка утратила те самые «обслуживающие», сопутствующие основной сырьевой, отрасли, которые по окончании ресурсного бума могли бы стать основой дальнейшего существования города.

Это сильный урок для всех существующих сырьевых центров Арктики, особенно Норильска, который сейчас мог бы стать «монополистом» по выполнению городских функций в центральной российской Арктике. Отказываясь от функций базы освоения окружающей территории (образование, медицинское обслуживание – эти функции переданы Дудинке; туризм, СМИ, научные исследования и др. сконцентрированы на обслуживании потребностей самого города, и, кроме туризма, находятся в кризисном состоянии), Норильск теряет возможности выйти на эффект Джека Лондона в далекой перспективе. С утратой статуса административного центра субъекта РФ сузились эти возможности и для Дудинки. Конечно, речь не идет о «вечном» сохранении городов в прежнем размере, речь о сохранении базовых функций, научных, образовательных, сервисных отраслей, обслуживающих обширную окружающую территорию – о сохранении жизнеспособных центров даже при возможных радикальных изменениях и в градообразующей отрасли, и в численности населения. Будущее развитие Арктики неожиданно востребует

любую освоенную точку, сохранение освоенных островов посреди «белого безмолвия» – и сохранение потенциальных баз даже, казалось бы, в «отработанных» районах – важная эстафета будущим поколениям.

Литература

Assche Van, K., Deacon, L., Gruzmacher, M. et al. Boom & Bust: A Guide to managing ups and downs in communities. Edmonton, Alberta, University of Alberta, 2016. 234 p. Available at: https://issuu.com/uaextension/docs/boom_and_bust_a_guide/

Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Избр. тр.: Становление советской экономической географии. М., 1980. 287 с.

Голенков В.Е. Совершенствование технико-экономической оценки развития регионального водного транспорта на примере транспортной системы «Енисей – Северный Морской путь». Автореф. дисс. на соиск. уч. ст.к.э.н. С.-Петербург, 2007.

Гонина Н.В. Проблемы укоренения городского населения на Енисейском Севере в 50–80-х годах XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2016. № 5. С. 5–16.

Горчаков Р. Удивительная Игарка. Красноярск: Медведь, Инкомбук. 1995. 210 с.

Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. Т. 38, № 2. С. 4–17. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–2–4–17.

Замятина Н.Ю., Гончаров П.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 69–82. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/718>

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. М.: УРСС. 2015. 216 с.

Игарка / Ред.: Остроумова, Брилинский, Чепурнов. [Игарка]: издание Игарского горсовета, Красноярск: Красноярский рабочий. 1935, 45 с.

Космачёв К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 143 с.

Крюков В.А. Моногорода и освоение сырьевых ресурсов на стадии высокой степени зрелости ресурсной базы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 1. С. 98–105.

Мельникова Л.В. Глава 1: Освоение Сибири в зеркале либеральной экономической науки // Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / Под ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 34–47.

Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 153 с.

Мы из Игарки: Недетская судьба детской книги / Авт.-сост. М. Мишечкина и А. Тоцев. М.: Возвращение: Игарский музей вечной мерзлоты, 2000. 134 с.

Наумов А.С. Феномен фронта и сельскохозяйственные районы // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 13–24.

Плясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 145 с.

Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.

Сысоев А. А. Экономико-географические аспекты изучения баз освоения // Теория хозяйственного освоения территории / Ред. К. П. Космачев. Иркутск: Ин-т географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР, 1979. 127 с.

Тёрнер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Borneman W. Alaska: Saga of a Bold Land. 1st edition. NY: Perennial, 2003.

Developing Frontier Cities: Global Perspectives- Regional Contexts / Ed. by Harvey Lithwick and Yehuda Gradus. Springer Science+Business Media B. V. 2000

Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London // Northern Review. 2017. № 44. P. 344.

Innis, H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Toronto: University of Toronto Press. 1930.

International economics: theory & policy/Paul R. Krugman, Maurice Obstfeld, Marc J. Melitz.-9th ed. Prentice Hall, 2011. 736 p.

Krugman, P.R., Obstfeld, M. and Melitz, M.J. (2011). *International economics: theory & policy*. 9th ed. Prentice Hall. 736 pp.

Zamyatina, N. Yu. (2020). Igarka as a frontier: lessons from the pioneer of the Northern Sea Route. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 13(5), 783–799. DOI: 10.17516/1997–1370–0607

Статья поступила 28.09.2020.

Статья принята к публикации 20.10.2020.

Для цитирования: Замятина Н. Ю. Развилки судьбы фронтального города: уроки Игарки// ЭКО. 2021. № 1. С. 67-92. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-1-67-92.

Summary

Zamyatina, N. Yu. Cand. Sci. (Geography), Lomonosov Moscow State University, Institute of Regional Consulting, Moscow

Bifurcations of the Fate of a Frontier City: Igarka Lessons

Abstract. On the example of Igarka, the city that started the industrial use of the Northern Sea Route for the export of raw materials, the mechanism of evolution of a frontier city is considered. A frontier city is understood as a city created in an area of new development in connection with a new type of resource introduced into circulation. After the first, pioneering phase of development, such a city evolves according to one of the two scenarios: either a single-industry settlement, or a city-base for further development. A single-industry city is effective for a short period of time, but when the resource is depleted or its operational conditions change, it loses its viability. The development base provides conditions for exploitation of all new resources, in fact, it is a reproduction of the frontier. These functions can be

preserved in the city after depletion of the initial resource. Igarka followed the first path, and the author wonders how predetermined this choice was.

Keywords: *Northern Sea Route; Arctic; single-industry town; export of raw materials; economic crisis; location; diversification; development base; knowledge development; boom&bust cycles*

References

- Assche, Van K. et al. (2016). *Boom & Bust: A Guide to managing ups and downs in communities*. Edmonton, Alberta, University of Alberta, 234 p. Available at: https://issuu.com/uaextension/docs/boom_and_bust_a_guide/ (accessed 15.10.2020).
- Baranskiy, N.N. (1980). Ekonomiko-geograficheskoye polozheniye. In *Selected papers: Formation of Soviet economic geography*. Moscow, Mysl' Publ. 219 p. (In Russ.).
- Borneman, W. (2003). *Alaska: Saga of a Bold Land*. 1st edition. NY, Perennial. 640 p.
- Developing Frontier Cities: Global Perspectives- Regional Contexts* (2000). Ed. by Harvey Lithwick and Yehuda Gradus. Springer Science+Business Media B.V. 348 p.
- Golenkov, V.E. (2007). Improving the technical and economic assessment of the development of regional water transport on the example of the transport system «Yenisei-Northern Sea route». Abstract of Ph.D. thesis, St. Petersburg. (In Russ.).
- Gonina, N.V. (2016). Integrational problems of the urban population setting on the Northern territories along the Enisey river (1950s – 1980s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki»*. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series "Social and Humanitarian Sciences"*. No. 5. Pp. 5–16. (In Russ.). DOI: 10.17238/issn2227–6564.2016.5.5
- Gorchakov, R. (1995). *Amazing Igarka*. Krasnoyarsk: Medved' Publ., Inkombuk Publ.. 210 pp. (In Russ.).
- Huskey, L. (2017). Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London. In *Northern Review*. No. 44. P. 344.
- Igarka* (1935). Ed. by: Ostroumova, Brilinskiy, Chepurnov. [Igarka]: izdaniye Igarskogo gorsoveta, (Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy rabochiy). 45 p. (In Russ.).
- Innis, H. (1930). *The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History*. Toronto, University of Toronto Press. 486 p.
- Kosmachev, K. P. (1974). *Pioneering taiga development (economics and geographic problems)*. Novosibirsk. Nauka. 143 p. (In Russ.).
- Krugman, P.R., Obstfeld, M. and Melitz, M.J. (2011). *International economics: theory & policy*. 9th ed. Prentice Hall. 736 pp.
- Kryukov, V.A. (2019). Monotowns and Resources Development at the Mature Stage of Mineral Resource Potential. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*. Vol. 4. No. 1. Pp. 98–105. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500–3372–2019–4–1–98–105
- Mel'nikova, L.V. (2005). Chapter 1: Development of Siberia in the mirror of liberal economic science. In *Problematic resource-type regions: the Asian part of*

Russia. Ed by V.A. Lamin, V. Yu. Malov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Pp. 34–47. (In Russ.).

Mosunov, V.P., Nikul'nikov, Yu.S., Sysoyev, A.A. (1990). *Territorial structures of areas of new development*. Novosibirsk, Nauka, 153 p. (In Russ.).

Naumov, A.S. (2018). Frontier phenomenon and agricultural regions. In *Regional'nyye issledovaniya*. No. 2 (60). Pp. 13–24 (accessed 15.10.2020). (In Russ.).

Nevenkin, K.G., Lapin, G.P. (1975). *Timber exports from the Yenisei: (Manual for workers of timber export enterprises in Siberia)*. Ed. by N.A. Nikonenko. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo. 280 p. (In Russ.).

Pilyasov, A.N. (1996). *Regularities and features of the development of the North-East of Russia (retrospective and forecast)*. Magadan, SVKNII DVO RAN. 145 p. (In Russ.).

Slavin, S.V. (1961). *Industrial and transport development of the North of the USSR*. Moscow, Izdatel'stvo ekonomicheskoy literatury, 302 p. (In Russ.).

Sysoyev, A.A. (1979). Economics and geographical aspects of the study of the development bases. *The theory of economic development of the territory*. Ed. by K.P. Kosmachev. Irkutsk: In-t geografii Sibiri i Dal'nego Vostoka Sibirskogo otdeleniya AN SSSR, 127 p. (In Russ.).

Turner, F.J. (1893). The Significance of the Frontier in American History, In *Annual Report of the American Historical Association for 1893*, 199–227. Washington, D.C.

We are from Igarka: Non-childish fate of a children's book (2000). Ed by M. Mishechkina and A. Toshchev. Moscow, Vozvrashcheniye, Igar. muzey vech. merzloty. 134 p. (In Russ.).

Zamiyatina, N. Yu. (2020). Igarka as a frontier: lessons from the pioneer of the Northern Sea Route. In *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 13(5), 783–799. DOI: 10.17516/1997–1370–0607

Zamyatina, N. Yu. (2020). Northern city-base: its special features and potential for the Arctic development. In *Arctic: Ecology and Economy*. No. 2 (38). Pp. 4–17. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–2–4–17. (In Russ.).

Zamyatina, N. Yu., Goncharov, R.V. (2020). Arctic urbanization: a phenomenon and a comparative analysis. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. No. 4. Pp. 69–82. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/718> (accessed 15.10.2020). (In Russ.).

Zamyatina, N. Yu., Pilyasov, A.N. (2015). *Innovative search in single-industry towns: development blockages, new industrial policy and a roadmap for change*. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).

For citation: Zamyatina, N. Yu. (2021). Bifurcations of the Fate of a Frontier City: Igarka Lessons. *ECO*. No. 1. Pp. 67–92. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-67-92.

Влияние социокультурных факторов на финансовое развитие¹

Ю.А. ДАНИЛОВ, кандидат экономических наук. E-mail: ydanilov@rambler.ru.

ORCID: 0000-0002-0005-651X

Д.А. ПИВОВАРОВ. E-mail: pivodanil@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6613-5050

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, Москва

Аннотация. В работе оценивается степень воздействия ряда социокультурных факторов, основу которых составляют переменные Хофстеде, на финансовое развитие. Используя межстрановой анализ, авторы выявили три социокультурных параметра, которые имеют значимое влияние на Индекс финансового развития, использованный в качестве интегральной оценки национального финансового развития: индивидуализм, терпимость (допустимость) и долгосрочная ориентация. На основании полученных результатов сформулированы рекомендации по корректировке государственного влияния на социокультурные факторы в Российской Федерации. На наш взгляд, необходимо сохранять долгосрочную ориентацию как преимущество и преодолевать недостаточность терпимости и индивидуализма. Так как финансовое развитие способствует экономическому росту и преодолению неравенства, такая корректировка социокультурных параметров (в целом крайне инерционных) будет в долгосрочной перспективе положительно воздействовать и на параметры социально-экономического развития России.

Ключевые слова: финансовое развитие; социокультурные факторы; социально-экономическое развитие; переменные Хофстеде; финансовая структура; индивидуализм; терпимость; долгосрочная ориентация

Введение

Проблема оценки влияния социокультурных факторов лежит на пересечении двух относительно новых направлений исследований.

¹ Статья написана по материалам научно-исследовательских работ, выполненных в РАНХиГС в рамках государственного задания. Авторы благодарят сотрудников РАНХиГС, принимавших активное участие в обсуждении идеи исследования, а также участников организованного в РАНХиГС научного семинара, посвященного обсуждению результатов данной научно-исследовательской работы, особенно О. Г. Солнцева (ЦМАКП) и М. Е. Сухова (НИУ ВШЭ). Отдельная благодарность Е. Н. Никишиной (экономический факультет МГУ), оказавшей бесценную консультационную помощь в области исследований социокультурных факторов, а также анонимному рецензенту, замечания которого заставили нас дать в ряде моментов более основательные пояснения.

Первое из них – междисциплинарное по своей природе – предполагает активизацию учета фактора культуры в исследованиях экономической динамики. Новая институциональная теория предполагает, что существуют не только формальные, но и неформальные институты, к которым относятся такие конструкции, как культурный и социальный капитал [Аузан, Никишина, 2013]. После формирования в конце 1980-х годов концепции культурного капитала начались исследования влияния культуры на социально-экономическое развитие, оформившееся в конце 1990-х годов в самостоятельное направление исследований [Никишина, 2015], получившее название Cultural Economics, или «социокультурная экономика» [Аузан, 2017a]. Одним из наиболее заметных результатов исследований в этом направлении стал вывод о том, что социокультурные факторы могут оказывать исключительно сильное влияние на темпы экономического роста, создавая во многих случаях «эффект колеи», препятствующий выходу той или иной национальной экономики на существенно более высокую траекторию экономического развития [Аузан, 2017b].

Второе направление относится к совершенно другой области – исследованиям финансового развития, включая изучение воздействия тех или иных факторов на финансовый сектор, с одной стороны, и влияния финансового развития на социально-экономическое развитие – с другой. В рамках этого направления активнее всего велись исследования связей между финансовым и социально-экономическим развитием (finance-growth nexus) (подробнее см. [Данилов, 2019]), в то время как вопросы влияния на финансовый сектор детерминант финансового развития разрабатывались менее интенсивно.

Исторически среди концепций таких детерминант первыми возникли те, которые объясняют финансовое развитие одним главным фактором. Сначала (с конца 1990-х годов) в роли такого фактора виделась правовая система (концепция «право и финансы»), затем (с середины 2000-х) – характер функционирования политической системы (концепция «политическая система и финансы»), предопределяющий типаж национальной системы капитализма как либеральный капитализм, либо капитализм связей. Впоследствии появились концепции, ставившие во главу угла социокультурные и исторические факторы. Лидер

данного направления исследований в настоящее время – Луиджи Зингалес, который ранее, совместно с Рагхурамом Раджаном, уже выдвигал тезис о том, что главным фактором финансового развития является политическая система. Сейчас он также стоит на позиции наличия главного фактора финансового развития, но в качестве такового называет набор социокультурных установок [Zingales, 2015].

В настоящее время большинство концепций исходят из того, что на финансовое развитие воздействует целый комплекс факторов (детерминант). Их наборы различаются у разных исследователей, но группа социокультурных факторов, как правило, называется в числе большинства из них.

Однако при наличии множества исследований, в которых статистически значимыми назывались самые разные детерминанты финансового развития, следует отметить, что до сих пор еще не разработана модель, в которой финансовое развитие объяснялось бы влиянием более или менее широкого комплекса факторов. Поэтому пока сторонники группы концепций о наличии главного фактора, определяющего финансовое развитие, в плане прикладных результатов добились большего успеха, чем их оппоненты, несмотря на численный перевес последних. В настоящей статье мы неявно становимся на точку зрения наличия «главного фактора», задаваясь вопросом о том, какие социокультурные факторы в наибольшей степени влияют на финансовое развитие.

Отметим, что здесь мы разделяем современный взгляд на понятие финансового развития, которое сегодня подразумевает не только увеличение емкости финансового сектора, но и поступательное продвижение по ряду направлений (финансовая глубина, финансовая инклюзия, финансовая стабильность и эффективность финансовых рынков и финансовых институтов). В этом смысле финансовое развитие, безусловно, оказывает позитивное влияние на долгосрочный экономический рост и ряд других социально-экономических показателей. Поэтому исследование влияния факторов финансового развития на финансовый сектор не ограничивается рамками последнего, речь идет о влиянии этих факторов и на социально-экономическое развитие, и именно в этом направлении ведутся современные исследования, в том числе в России (см. например [Мамонов и др., 2018]).

Измерение социокультурных факторов

Строго говоря, научные исследования влияния культуры на экономику стали возможны только после появления количественных методов социокультурных измерений. Сегодня таких методик насчитывается несколько десятков [Никишина, 2015]. Мы в настоящей работе использовали переменные Хофстеде. Эта система метрик, предложенная голландским социологом (или, как он сам себя характеризует, социальным психологом) Гертом Хофстеде, сегодня является наиболее активно используемым комплексом оценочных индикаторов социального поведения различных наций [Hofstede, 2001].

Шесть переменных Хофстеде характеризуют базовые качества социальной психологии: дистанцированность от власти, склонность к индивидуализму, мужественность, избегание неопределенности, долгосрочность ориентиров и терпимость. Каждая из них представляет собой оценку на шкале между двумя крайними проявлениями того или иного качества: преклонение перед властью, или партнерские отношения между властью и обществом; индивидуализм или коллективизм и т.д. В совокупности получается комплексная картина особенностей неформальных норм поведения (ценностей, установок) той или иной общности людей (как правило, нации).

Социокультурные факторы в современных экономических исследованиях

Неформальные нормы поведения, по данным последних исследований, оказывают значительное влияние на экономическую динамику. По мнению А.А. Аузана, траектория роста в той или иной национальной экономике поддерживается культурой, то есть не формальными институтами, а ценностями, поведенческими установками. При описании причин сохранения большинством стран низкой долгосрочной экономической динамики он активно использует понятие «эффект “колен”» (path dependence problem), являющееся элементом «культурной экономики» [Аузан, 2017b].

Влияние культурных факторов на экономическое развитие впервые системно начали исследовать три итальянских экономиста – Луиджи Гуизо, Паола Сапиенца и Луиджи Зингалес. В их работах первой декады XXI века рассматривалось влияние религии на экономические отношения [Guiso et al., 2003], а также

влияние социального капитала на использование финансовых инструментов [Guiso et al., 2004]. В более поздней работе [Guiso et al., 2009] рассматривается культурное измерение доверия между странами (история конфликтов, а также религиозное, генетическое и соматическое сходство между гражданами этих стран). Авторы показали, что более низкое двустороннее доверие соответствует более низкому объему торговли между двумя странами, более низким портфельным и прямым инвестициям между ними.

Есть исследования, показывающие зависимость национальных экономик от тех или иных социокультурных параметров. Низкий уровень избегания неопределенностей способствует специализации на инновационной экономике (Китай, США). Сочетание высокого индивидуализма, достаточно высокой склонности к самореализации и долгосрочной ориентации способствует производству штучных, уникальных продуктов, но препятствует развитию массовых индустриальных производств (Россия) [Аузан, Никишина, 2013. С. 54].

В одной из работ [Braguinsky, Mityakov, 2015] показано, что более тесные связи с транснациональными корпорациями ведут к повышению прозрачности отчетности по заработной плате в частных российских компаниях. Эта работа демонстрирует важный эффект, который часто игнорируется в литературе по корпоративному развитию, а именно – положительное косвенное влияние на местные нормы развивающихся стран, которое может оказывать появление там иностранных корпораций.

Социокультурные факторы в исследованиях финансового развития

«Культурная» революция, захватившая исследования общеэкономических закономерностей, входит в сферу финансов только с начала XXI века. Фактор культуры в финансах может быть частично исследован на основе ранее наработанных в общеэкономических трудах идей и методов, но при этом финансовый сектор предоставляет гораздо больше возможностей для исследования влияния культурных факторов. Связано это с тем, что, помимо социального, существует корпоративное измерение культуры, а также взаимодействие между ними [Zingales, 2015].

Вопрос влияния религии на экономические отношения в целом и на финансовый сектор, в частности, весьма неоднозначен. Многие исследователи решали его прямо противоположным образом. Например, некоторые авторы [Stulz, Williamson, 2003] считают, что религиозные факторы наряду с культурными и национальными оказывают существенное влияние на финансовое развитие. Они, в частности, указывают, что католические и мусульманские страны отличаются наличием более сложных систем поддержания контроля власти, ограничения конкуренции и частных прав, что негативно влияет на их финансовое развитие.

Другие авторы [Beck et al., 2003], напротив, не находят надежной и последовательной связи между основной религией страны и финансовым развитием. Таким образом, существующие результаты о взаимосвязи между финансовым развитием и религией неоднозначны.

Забегая вперед, отметим, что мы также не обнаружили значимого влияния религии на параметры финансового развития, даже несмотря на тот очевидный факт, что после кризиса 2007–2008 гг. началось активное развитие исламских финансов.

В одной из работ [Pevzner et al., 2015] рассматривается влияние факторов культуры на инвестиционные решения на рынке капитала. Авторы анализируют влияние общественного доверия на восприятие объявлений о доходах. Объявления о корпоративных доходах с большей готовностью воспринимаются в странах с более высоким уровнем доверия. Этот результат объясняет, почему один и тот же отчет о доходах может интерпретироваться по-разному во всех странах, приводя к различным инвестиционным решениям.

В многочисленных работах, преследующих цель определить более или менее широкий комплекс ключевых детерминант финансового развития, социокультурные факторы часто исключаются из рассмотрения по причине их инерционности. Если по показателям экономической динамики, инфляции, налоговой и долговой нагрузки, торговой и инвестиционной открытости, и даже по показателю доли сырья в экспорте существуют ряды с ежегодными показателями (и при этом большинство из них, используемые в качестве объясняющих, характеризуются высокой изменчивостью), то показатели социокультурных факторов

достаточно стабильны на протяжении десятилетий. Поэтому влияние социокультурных факторов на финансовое развитие приходится изучать отдельно, применяя иные инструменты анализа.

Относительный дефицит работ, исследующих комплексное влияние социокультурных факторов на финансовое развитие, частично компенсируется довольно многочисленными трудами, подтверждающими ключевое значение отдельных из этих факторов для формирования финансовой структуры. Так, значимость в этом процессе степени избегания неопределенности впервые была описана в работе Ч. Квока и С. Тадессе [Kwok, Tadesse, 2006]: чем выше в обществе степень избегания неопределенности, тем больше вероятность преобладания банковской системы по сравнению с другими финансовыми институтами, что, по мнению авторов, является доказательством тезиса о том, что национальная культура может быть важным детерминантом финансовой структуры страны. Аналогичный результат был получен в работе и других авторов [Beugelsdijk, Maseland, 2014]: чем выше уровень избегания неопределенности, тем большее значение в национальной финансовой системе имеют банки, и меньшее – финансовые рынки.

Итальянские экономисты [Guiso et al., 2004] исследовали взаимосвязь различий в человеческом капитале и уровне доверия и их влияние на финансовое развитие страны. Авторы обнаружили, что в областях Италии с высоким уровнем социального доверия домохозяйства предпочитают инвестировать в акции, нежели хранить деньги в наличной форме, чаще используют чеки, имеют больше доступа к институциональным кредитам и меньше пользуются услугами неформального кредитования. Они же показали, что эффект доверия сильнее проявляется в регионах с более слабой правовой системой и менее образованным населением.

Методика исследования и используемые данные

Для выявления влияния социокультурных факторов на финансовое развитие мы провели регрессионные исследования по нескольким наборам объясняющих переменных.

В качестве объясняющих переменных мы используем в основном метрики Хофстеде, взятые непосредственно с его

сайта² (их краткое обоснование и трактовка приводятся также в работе [Hofstede, 2011]):

1) PDI – Power Distance («Дистанция власти») – показывает восприятие власти в обществе (большая дистанция предполагает преклонение перед властью, почитание ее представителей, малая означает партнерские отношения между властью и обществом); характеризует степень неравенства распределения любой формы силы (например, политической, экономической, социальной, военной и пр.);

2) IDV – Individualism («Индивидуализм») – показывает, насколько люди в обществе независимы друг от друга, свободны от необходимости действовать совместно; переменная противопоставляет готовность действовать в одиночку, защищая свои интересы, коллективизму, в рамках культуры которого сильно ощущение «мы» и ориентация на защиту групповых целей;

3) MAS – Masculinity («Мужественность») – показывает, насколько развита конкуренция в обществе, или, иначе говоря, в какой степени люди предпочитают гнаться за внешним успехом, вместо того чтобы просто любить свою работу. Высокие значения данной переменной указывают на более жесткую конкуренцию, а низкие – на определенную «расслабленность». В данном показателе противопоставляются «мужские» национальные культуры, для которых характерны соперничество, уверенность в себе, целеустремленность, приверженность материальным ценностям, «женским» культурам, для которых свойственны высокая ценность взаимоотношений, культурных норм, забота о качестве жизни;

4) UAI – Uncertainty Avoidance («Избегание неопределенности») – характеризует восприятие незнакомых ситуаций и реагирование на них. Высокие значения показателя указывают на стремление к недопущению неясных ситуаций, к установлению формализованных правил поведения, следование сложившимся традициям, нетерпимость по отношению к иным жизненным установкам. Низкие значения показателя предполагают стремление к проявлению личной инициативы, приемлемость риска, терпимость к иным точкам зрения;

5) LTOWVS – Long-Term Orientation («Долгосрочная ориентация при принятии решений») – показывает, насколько люди

² URL: <http://www.geerthofstede.nl/>

в связи с принятием решений ориентируются на долгосрочные цели. Высокое значение данного параметра характеризует приверженность к принятию стратегических решений, низкое указывает на ориентацию на текущие цели и задачи;

6) IVR – Indulgence («Допустимость» или «Терпимость») – показывает, насколько люди контролируют свои импульсивные действия в принятии решений. Высокий показатель означает слабый контроль, допустимость относительно свободного удовлетворения желаний, связанных со стремлением к наслаждению жизнью и получением удовольствий, низкий указывает на наличие в обществе строгих норм, предполагающих контроль и регулирование удовлетворения социальных потребностей.

В дополнение к шестиразмерному комплексу метрик Хофстеде мы также использовали показатели доверия к банкам, взятые из World Values Survey³ (переменная V121 Confidence: Banks) и бинарные переменные, отражающие преобладание той или иной религии в стране.

В качестве зависимой переменной мы выбрали национальные показатели Индекса финансового развития (Financial Development Index – FDI), опирающегося на 20 показателей, оценивающих глубину, инклюзивность и эффективность финансового сектора (финансовых рынков и финансовых институтов). Обоснование данного подхода к оценке финансового развития содержится в работе группы сотрудников МВФ [Sahay et al., 2015], а методика расчетов – в работе К. Свиридзенки [Svirydzhenka, 2016].

Полученные результаты

Модель регрессионной зависимости FDI от всего набора объясняющих переменных: Хофстеде, доверия к банкам, господствующей религии – оказалась незначимой на 10%-м уровне. Также незначимыми оказались модели, в которых в дополнение к переменным Хофстеде использовались только переменные доверия к банкам, или только переменные господствующей религии. Одной из причин этого является различие размеров выборки – использование показателя доверия к банкам существенно ее снижало (с 244 до 144 значений).

³ URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>

При попытке построения регрессионной зависимости FDI от переменных религии и переменной доверия к банкам оказалось, что корректное регрессионное уравнение с их участием невозможно, поскольку в данном случае присутствует ошибка мультиколлинеарности (Near Singular Matrix Error).

Результаты же регрессионного анализа зависимости FDI от всех переменных Хофстеде оказались значимыми (табл. 1).

Таблица 1. Параметры регрессионной зависимости FDI от всех переменных Хофстеде за 2015 г.

Зависимая переменная: FDI.

Метод: Наименьших квадратов.

Количество наблюдений: 32.

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
C	0,247	0,248	0,998	0,328
IDV	0,003	0,002	1,504	0,145
IVR	0,003	0,002	1,815	0,082
LTOWVS	0,004	0,002	2,175	0,039
MAS	0,000	0,002	0,002	0,998
PDI	-0,001	0,002	-0,549	0,588
UAI	-0,001	0,002	-0,670	0,509
R-квадрат	0,425	Стандартная ошибка		0,172
F-статистика	3,079	Вероятность (F-статистика)		0,021

При оценке модели использовалась выборка из 32 стран⁴, 20 из которых с высоким уровнем дохода на душу населения по классификации Всемирного банка и 12 – со средним уровнем дохода, поэтому результат следует относить только к этим группам стран. Полная статистика по низкодоходным странам отсутствует.

Как видно из таблицы 1, модель оказалась значима на 5%-м уровне. Вместе с моделью оказались значимыми переменная терпимости (IVR) на 10%-м уровне значимости с положительной связью и переменная долгосрочной ориентированности при принятии решений (LTOWVS) на 5%-м уровне с положительной связью.

На следующем шаге мы подвергли полученную модель дополнительной проверке качества регрессии. Регрессоры были

⁴ Аргентина, Австрия, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Венесуэла, Индия, Италия, Канада, Колумбия, Люксембург, Мальта, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Перу, Польша, Россия, Словакия, США, Таиланд, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония.

проверены на корреляцию, в результате чего выяснилось, что переменная PDI имеет высокую корреляцию с двумя другими переменными, поэтому было решено её удалить.

После удаления переменной значимость уравнения улучшилась, и теперь уже три переменные оказались положительно значимы (см. табл. 2).

Таблица 2. Параметры регрессионной зависимости FDI от 5 переменных Хофстеде в 2015 г.

Зависимая переменная: FDI.
Метод: Наименьших квадратов.
Количество наблюдений: 32.

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
C	0,187	0,219	0,853	0,401
IDV	0,003	0,002	1,912	0,067
IVR	0,003	0,002	1,890	0,070
LTOWVS	0,004	0,002	2,247	0,033
MAS	0,000	0,002	0,010	0,993
UAI	-0,002	0,002	-0,981	0,336
R-квадрат	0,417992	Стандартная ошибка	0,170136	
F-статистика	3,734591	Вероятность (F-статистика)	0,011108	

В уравнении используются данные по тем же 32 странам. Данные по каждой переменной не следуют нормальному распределению, так же, как и ошибки регрессии не следуют нормальному процессу. Гетероскедастичность и серийная корреляция данных отсутствуют.

Малое количество наблюдений и отсутствие нормальности говорят о возможной смещенности оценок. Но эти недостатки построенной регрессионной модели неискоренимы из-за отсутствия временных рядов данных регрессоров. При этом сами регрессоры отражают относительно неизменные во времени характеристики (изменяющиеся крайне незначительно в течение длительных промежутков времени, что предопределяет несопоставимость их динамики с быстро изменяющимися параметрами финансовой системы). Это также представляется неисправимым фундаментальным обстоятельством.

Учитывая эти оговорки, которые свидетельствуют о недостаточно высокой надежности полученных данных, тем не менее отметим, что анализ влияния социокультурных факторов

на финансовое развитие привел к интересным и, на наш взгляд, вполне логичным результатам.

Переменная долгосрочной ориентации (LTOWVS) значима на 5%-м уровне с положительной связью – это означает, что чем более долгосрочные цели принято ставить в том или ином обществе, тем сильнее это проявляется в развитии финансового сектора. Нам представляется, это очень значимый результат, указывающий на то, что привычка ориентироваться на долгосрочные перспективы при принятии решений является одним из важнейших факторов, способствующих финансовому развитию. Такой стереотип социального поведения может быть признан ценным качеством нации, по крайней мере, в аспекте обеспечения финансового развития социально-экономической системы.

Значимость переменной IDV («Индивидуализм») с положительной связью на 10%-м уровне также представляется вполне логичной. Финансовое развитие непосредственно связано с удовлетворением потребностей отдельных индивидуумов, невозможно без эффективной защиты их интересов, но мало связано с реализацией интересов отдельных общественных групп (формирование которых, как правило, происходит совсем в иных конфигурациях, чем в рамках финансового сектора).

Значимость переменной допустимости, или терпимости (IVR) на 10%-м уровне с положительной связью, означает, что чем более свободны члены общества в принятии решений (что предполагает в том числе меньше формальных ограничений в проведении финансовых операций), тем выше уровень финансового развития. Такой вывод представляется весьма логичным – более высокая либеральность рынков способствует развитию финансового сектора.

В качестве отдельного интересного результата укажем, что нами не установлено значимого влияния степени избегания неопределенности (UAI) на финансовое развитие, притом, что, как показано в работах зарубежных коллег, данная характеристика оказывает влияние на финансовую структуру [Kwok, Tadesse, 2006] и [Beugelsdijk, Maseland, 2014]. По нашему мнению, это говорит о том, что финансовое развитие и финансовая структура – это два взаимодополняющих параметра, характеризующих состояние финансового сектора.

Таким образом, значимое влияние на финансовое развитие оказывают такие социокультурные качества национального поведения, как индивидуализм, терпимость, и особенно, – долгосрочная ориентация.

Стремление к индивидуализму по своей природе предполагает ориентацию на принятие рисков, что является обязательным условием обращения к финансовому сектору (покупки финансовых активов, обращения к финансовым организациям, потребления финансовых услуг), и оно же ориентирует финансовое регулирование на защиту частных интересов, что очень важно для финансового развития.

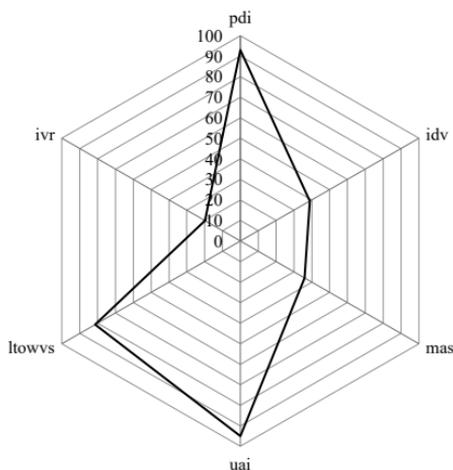
Терпимость позволяет предпочитать саморегулирование государственному регулированию и, соответственно, гибкие нормы жестким правилам, что положительно сказывается на инновациях, развитие которых исключительно важно для финансового сектора.

Значимое положительное влияние долгосрочной ориентации позволяет стратегически мыслящим нациям при принятии инвестиционных решений ориентироваться на долгосрочные цели, способствуя росту стабильности, формированию более крупного пенсионного национального капитала, а также в целом – повышению устойчивости финансовой структуры, обеспечивающей более поступательное наращивание финансовой глубины.

Выводы для России

В настоящей работе мы исследуем влияние социокультурных факторов прежде всего на финансовое развитие, но учитывая установленное положительное влияние последнего на экономический рост и некоторые другие параметры социально-экономического развития (в том числе, например, на сокращение бедности и неравенства) [Čihák et al., 2012], можно говорить, что в некоторой части мы изучаем влияние социокультурных факторов на национальное развитие в целом.

Из трех вышеназванных факторов, оказывающих положительное влияние на финансовое развитие, Россия имеет высокий показатель лишь по одному (долгосрочная ориентация), два других значимых, согласно нашему исследованию фактора, имеют в РФ весьма низкие значения, что отрицательно влияет на финансовое развитие (рисунок).

Источник. URL: <http://www.geerthofstede.nl/>

Значения показателей Хофстеде для России

Для улучшения влияния социокультурных характеристик на развитие нашей страны – как финансовое, так и социально-экономическое – необходимо корректирующее воздействие государственной политики, ориентированной как на сохранение «полезных» социокультурных характеристик, так и на улучшение тех параметров, которые тормозят развитие. Необходимость такого влияния со стороны государства не подвергается сомнению. Отмечая, что наблюдаемая в российском обществе высокая степень избегания неопределенности (UAI) препятствует инновациям, А. А. Аузан пишет, что «нам надо сначала поднять склонность к риску, к движению вперед» [Аузан, 2017а. С. 7].

Однако повторимся, социокультурные факторы отличаются чрезвычайной инерционностью. Существуют исследования, основанные на анализе сверхдолгосрочных трендов, показывающие, что заметные изменения неформальных институтов происходят в течение веков [Williamson, 2000]. Ускорение экономического развития привело к существенному сокращению этих сроков, но в любом случае для преодоления «эффекта колеи» требуется не менее 40 лет (при условии активного воздействия мерами государственных политик) [Аузан, 2017а. С. 10].

К сожалению, нынешние социокультурные тренды в России не вселяют оптимизма относительно возможности положительных

(с точки зрения влияния на финансовое и социально-экономическое развитие) изменений социокультурных факторов. Установка на борьбу с либеральной идеологией в терминах переменных Хофстеде означает стремление к снижению значений двух социокультурных параметров – индивидуализм и терпимость (допустимость). Если учесть, что еще один социокультурный фактор, подвергающийся давлению в связи с антилиберальной риторикой – дистанция власти – тесно связан с продвижением инноваций, (чем меньше дистанция власти, тем выше инновационность), следует признать, по крайней мере, нерациональность проводимой политики с точки зрения перспектив социально-экономического развития нашей страны.

Анализ реформ финансового сектора в странах-конкурентах России на глобальном финансовом рынке показывает, что существует набор «идеологических» препятствий, тормозящих эти реформы, в том числе в России [Данилов, 2016. С. 142–144]. Необходимо отдавать себе отчет в том, что сохранение таких препятствий снижает конкурентоспособность России на глобальном уровне, не давая никакой компенсации.

Мартин Вольф достаточно убедительно иллюстрирует широко известный тезис о том, что богатство страны (уровень ВВП на душу населения) положительно коррелирует с уровнем либерализма (измеренным композитным индексом либерализма) [Wolf, 2019]. Результаты нашего исследования также вполне соответствуют данному тезису, так как уровень финансового развития и уровень богатства тесно связаны – среди стран с высоким уровнем дохода нет ни одной с низким или средним уровнем финансового развития.

Поэтому, на наш взгляд, для улучшения долгосрочных перспектив финансового и социально-экономического развития необходимо скорректировать воздействие государства на социокультурные факторы. У России с этой точки зрения уже есть очевидное преимущество – высокий показатель долгосрочной ориентации⁵. Добавление к этому преимуществу

⁵ Среди развитых стран таким преимуществом обладают также Германия, страны Скандинавии и Япония; Китай, имея долгосрочную ориентацию, не сможет в ближайшей исторической перспективе «нарисовать» идеальную (для достижения глобального доминирования) конфигурацию переменных Хофстеде: этому мешают предельно высокий уровень дистанции власти и предельно низкий уровень индивидуализма.

улучшений по другим социокультурным параметрам, имеющим отношение к описанию либеральной повестки (индивидуализм и терпимость), может повысить уровень финансового развития России. В свою очередь, повышение уровня финансового развития означает и повышение потенциала экономического роста, и, учитывая влияние отдельных элементов финансового развития на неравенство [Čihák, Sahay, 2020], расширение инструментов преодоления неравенства доходов.

Литература

- Аузан А. А.* Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017а. № 2. С. 4–10.
- Аузан А. А.* Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017б. Т. 61. № 10. С. 96–105. DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–10–96–105
- Аузан А. А., Никишина Е. Н.* Долгосрочная экономическая динамика: Роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48–57.
- Данилов Ю. А.* Опыт реформ финансовых рынков в странах – конкурентах России на глобальном рынке капитала. М.: Изд-во Ин-та Гайдара (Научные труды № 171Р). 2016. 164 с.
- Данилов Ю. А.* Современное развитие глобальной научной дискуссии в области финансового развития // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 29–47. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–3–29–47
- Мамонов М., Солнцев О., Ахметов Р., Пестова А., Панкова В., Деико А.* Поиск оптимальной глубины и структуры финансового сектора с точки зрения экономического роста, макроэкономической и финансовой стабильности // Деньги и кредит. 2018. № 3. С. 89–123. DOI: 10.31477/tjmf.201803.89
- Никишина Е. Н.* Культурный капитал как фактор неопределенности и трансакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 5. С. 3–21.
- Beugelsdijk S., Maseland R.* Culture in economics. Cambridge, Cambridge University press. 2014.
- Beck T., Demirgüç-Kunt A., and Levine R.* Law, Endowments, and Finance // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 70. Issue 2. Pp. 137–181.
- Braguinsky S., Mityakov S.* Foreign corporations and the culture of transparency: evidence from Russian administrative data // Journal of Financial Economics. 2015. Vol. 117. Issue 1. Pp. 139–164. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.02.016
- Čihák M., Demirgüç-Kunt A., Feyen E., Levine R.* Benchmarking Financial Systems around the World // The World Bank Policy Research Working Paper., 2012. № 6175.
- Čihák M., Sahay R.* Finance and Inequality. IMF Staff Discussion Note, SDN/20/01. 2020.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* Cultural biases in economic exchange? // Quarterly Journal of Economics. 2009. Vol. 124. Issue 3. Pp. 1095–1131. DOI: 10.1162/qjec.2009.124.3.1095

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. The role of social capital in financial development // *American Economic Review*. 2004. Vol. 94. № 3. Pp. 526–556. DOI: 10.1257/0002828041464498

Guiso L., Sapienza P., Zingales, L. People's opium? Religion and economic attitudes // *Journal of Monetary Economics*. 2003. Vol. 50. Issue 1. Pp. 225–282.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2. № 1. DOI: 10.9707/2307–0919.1014.

Hofstede G. *Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Second edition. London, Sage Publication. 2001.

Kwok C., Tadesse S. National culture and financial system. *Journal of International Business Studies*. 2006. Vol. 37. № 2. Pp. 227–247. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8400188

Pevzner M., Xie, F., Xin X. When firms talk, do investors listen? The role of trust in stock market reactions to corporate earnings announcements // *Journal of Financial Economics*. 2015. Vol. 117. Issue 1. Pp. 190–223. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.08.004

Sahay R., Čihák M., N'Diaye P., Barajas A., Bi R., Ayala D., Gao Y., Kyobe A., Nguyen L., Saborowski Ch., Svirydzienka K., Yousefi S.R. Rethinking financial deepening: Stability and growth in emerging markets. IMF Staff Discussion Note, SDN/15/08. 2015.

Stulz R.M., Williamson R. Culture, Openness, and Finance // *Journal of Financial Economics*, 2003. Vol. 70. Issue 3. Pp. 313–349.

Svirydzienka K. Introducing a New Broad-based Index of Financial Development. IMF Working Paper WP/16/5. 2016.

Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*, 2000. Vol. 38. № 3. Pp. 595–613. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-0515%28200009%2938%3A3%3C595%3ATNIETS%3E2.0.CO%3B2-L> (accessed 22.01.2020)

Wolf M. Liberalism will endure but must be renewed. It is a work in progress, not a utopian project // *Financial Times*. 2019. July 2. URL: <https://www.ft.com/content/52dc93d2-9c1f-11e9-9c06-a4640c9feebb> (accessed 29.01.2020).

Zingales L. The “cultural revolution” in finance // *Journal of Financial Economics* 2015. Vol. 117. № 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1016/j.jfineco.2015.05.006

Статья поступила 14.02.2020.

Статья принята к публикации 02.06.2020.

Для цитирования: Данилов Ю.А., Пивоваров Д.А. Влияние социокультурных факторов на финансовое развитие // ЭКО. 2021. № 1. С. 93-111. DOI: 10.30680/EKO0131-7652-2021-1-93-111.

Summary

Danilov, Yu. A. Cand. Sci. (Econ.), Pivovarov, D. A., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

The Influence of Sociocultural Factors on Financial Development

Abstract. The work assesses the impact of a number of socio-cultural factors, which are based on Hofstede's variables, on financial development. Using

cross-country analysis, the authors identified three socio-cultural dimensions that have a significant impact on the Financial Development Index, which was used as an integral measure of national financial development: individualism, tolerance (acceptability), and long-term orientation. Based on the results obtained, recommendations were formulated for adjusting the state influence on socio-cultural factors in the Russian Federation. In our opinion, it is necessary to maintain a long-term orientation as an advantage and overcome the lack of tolerance and individualism. Since financial development contributes to economic growth and overcoming inequality, such an adjustment of socio-cultural parameters (in general, extremely inertial) will have a positive effect on the parameters of socio-economic development of Russia in the long term.

Keywords: *financial development; sociocultural factors; socio-economic development; Hofstede variables; financial structure; individualism; indulgence; long-term orientation*

References

- Auzan, A.A. (2017a). Sociocultural economy. *Nauka i innovatsii*. No. 2. Pp. 4–10. (In Russ.).
- Auzan, A.A. (2017b). Path dependence problem and possibilities of its overcoming. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 10. Pp. 96–105. DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–10–96–105 (In Russ.).
- Auzan, A.A., Nikishina, E.N. (2013). Long-Term Economic Dynamics: The Role of Informal Institutions. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*. No. 4. Pp. 48–57. (In Russ.).
- Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., and Levine, R. (2003). Law, Endowments, and Finance. *Journal of Financial Economics*. Vol. 70. Issue 2. Pp. 137–181.
- Beugelsdijk, S., Maseland, R. (2014). *Culture in economics*. Cambridge, Cambridge University press.
- Braguinsky, S., Mityakov, S. (2015). Foreign corporations and the culture of transparency: evidence from Russian administrative data. *Journal of Financial Economics*. Vol. 117. Issue 1, Pp. 139–164. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.02.016
- Čihák, M., Demirgüç-Kunt, A., Feyen, E., Levine, R. (2012). Benchmarking Financial Systems around the World. *The World Bank Policy Research Working Paper*. No. 6175.
- Čihák, M., Sahay, R. (2020). Finance and Inequality. *IMF Staff Discussion Note*, SDN/20/01.
- Danilov, Yu.A. (2016). *Experience in reforming financial markets in countries competing with Russia in the global capital market*. Moscow, Institut Gaidara Publ. (Nauchnye trudy № 171P). 164 p. (In Russ.).
- Danilov, Yu.A. (2019). Modern development of global scientific discussion in the field of financial development. *Voprosy ekonomiki*. No. 3. Pp. 29–47. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–3–29–47 (In Russ.).
- Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2003). People's opium? Religion and economic attitudes. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 50. Issue 1. Pp. 225–282.
- Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2004). The role of social capital in financial development. *American Economic Review*. Vol. 94. No. 3. Pp. 526–556. DOI: 10.1257/0002828041464498

Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2009). Cultural biases in economic exchange? *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 124. Issue 3. Pp. 1095–1131. DOI: 10.1162/qjec.2009.124.3.1095

Hofstede, G. (2001). *Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Second edition. London, Sage Publication.

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. Vol. 2, No.1. DOI: 10.9707/2307–0919.1014.

Kwok, C., Tadesse, S. (2006). National culture and financial system. *Journal of International Business Studies*. Vol. 37. No. 2. Pp. 227–247. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8400188

Mamonov, M., Akhmetov, R., Pankova, V., Solntsev, O., Pestova, A. and Deshko, A. (2018). Identification of Financial Sector Optimal Depth and Structure from the Perspective of Economic Growth, Macroeconomic and Financial Stability. *Russian Journal of Money and Finance*. Vol. 77. No. 3. Pp. 89–123. DOI: 10.31477/rjmf.201803.89 (In Russ.).

Nikishina, E.N. (2015). Cultural capital as a factor of uncertainty and transaction costs. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No. 5. Pp. 3–21. (In Russ.).

Pevzner, M., Xie, F., Xin, X. (2015). When firms talk, do investors listen? The role of trust in stock market reactions to corporate earnings announcements. *Journal of Financial Economics*. Vol. 117. Issue 1. Pp. 190–223. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.08.004

Sahay, R., Čihák, M., N'Diaye, P., Barajas, A., Bi R., Ayala, D., Gao, Y., Kyobe, A., Nguyen, L., Saborowski, Ch., Svirydenka, K., Yousefi, S. R. (2015). Rethinking financial deepening: Stability and growth in emerging markets. *IMF Staff Discussion Note*, SDN/15/08.

Stulz, R.M., Williamson R. (2003). Culture, Openness, and Finance. *Journal of Financial Economics*. Vol. 70. Issue 3. Pp. 313–349.

Svirydenka, K. (2016). Introducing a New Broad-based Index of Financial Development. *IMF Working Paper* WP/16/5.

Williamson, O.E. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, Vol. 38. No. 3. Pp. 595–613. Available at: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-0515%28200009%2938%3A3%3C595%3ATNIETS%3E2.0.CO%3B2-L> (accessed 22.01.2020).

Wolf, M. (2019). Liberalism will endure but must be renewed. It is a work in progress, not a utopian project. *Financial Times*. July 2. Available at: <https://www.ft.com/content/52dc93d2-9c1f-11e9-9c06-a4640c9feebb> (accessed 29.01.2020).

Zingales, L. (2015). The “cultural revolution” in finance. *Journal of Financial Economics*, Vol. 117. No. 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1016/j.jfineco.2015.05.006

For citation: Danilov, Yu.A., Pivovarov, D.A. (2021). The Influence of Sociocultural Factors on Financial Development. *ECO*. No. 1. Pp. 93-111. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-93-111.

Национальные стратегии устойчивого развития: сравнительный анализ¹

В.М. КОМАРОВ, кандидат экономических наук

E-mail: komarov-vm@ranepa.ru ORCID: 0000-0003-4503-7811

А.А. ВОЛОШИНСКАЯ. E-mail: voloshinskaya-aa@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-1991-413

Центр стратегий регионального развития Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва

Аннотация. Цель работы – комплексный анализ национальных стратегий устойчивого развития (НСУР) 20 стран и выявление их общих характеристик и лучших практик. Определены ключевые типы НСУР: презентационная, навигационная, классическая и детализированная. Показано, что лучшие мировые практики имеют выраженную ценностную и эмоциональную окраску. Установлено, что для их успешной реализации ключевое значение имеет наличие комплекса отраслевых стратегий, планов второго и последующих уровней вложенности, детализирующих цели НСУР. НСУР институализируют переход от редуционистского подхода, сводящего сложные процессы к росту экономических показателей, к широкому видению долгосрочного развития, ориентирующемуся на подлинное человеческое благополучие. Данные характеристики отсутствуют у типичных стратегий социально-экономического развития российских регионов и муниципальных образований, что ставит вопрос о пересмотре подходов к стратегированию на этих уровнях: необходим отказ от традиционных преимущественно экономических стратегий и переход к интегральным стратегиям устойчивого развития «Повестки дня XXI века».

Ключевые слова: устойчивое развитие; национальная стратегия устойчивого развития; НСУР; цели устойчивого развития; ЦУР; сравнительный анализ; лучшие мировые практики; стратегическое планирование; методология разработки стратегий

Во многих странах мира стратегии устойчивого развития выступают ключевыми высокоуровневыми стратегическими документами, включающими все актуальные вопросы долгосрочной повестки. В то же время не существует прямой взаимосвязи между качеством национальных стратегий устойчивого развития (НСУР) как стратегических документов и реальными достигнутыми результатами, что объясняется широким рядом причин. К ним относятся: недостаточная эффективность институтов, создающих систему стимулов для реализации стратегии; наличие

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

противодействующих групп лоббирования [Полтерович, 2008]; противостояние между доминирующей идеологией чиновников, отвечающих за реализацию стратегии, и заложенных в НСУР экономических положений [Полтерович, 2017]; «эффект колеи» – зависимость от траектории предшествующего развития [Аузан, 2015]; социокультурные факторы в экономике, препятствующие реализации намеченных целей [Аузан, 2020] и т.д.

В России реализации НСУР, в первую очередь, препятствует неэффективная система государственного управления [Белановский и др., 2016. С. 31, 37]: противодействие групп влияния, инертность госаппарата, отсутствие должной координации федеральных министерств, короткий горизонт планирования ведомств исполнительной власти, ограниченный потенциал ручного управления, отсутствие реального участия в разработке стратегии представителей министерств, отвечающих за ее реализацию, низкая эффективность институтов общественного участия и каналов обратной связи, наличие идейных разногласий между авторами разделов и ответственных за их реализацию представителей Правительства РФ и т.д.

Таким образом, НСУР является только отдельным элементом общей системы управления национальным развитием, эффективность которого зависит от специфических условий каждой из стран. Тем не менее ее разработка может запустить необходимые процессы институциональных преобразований: структурировать систему стратегического планирования вокруг ценностей и подходов устойчивого развития, консолидировать общество и наладить межведомственное взаимодействие, донести до лиц, принимающих решения, лучшие практики как в сфере устойчивого развития, так и государственного управления в целом.

Всплеск активности по разработке НСУР пришелся на начало 2000-х годов после проведения «саммита тысячелетия» ООН и принятия Стратегии устойчивого развития Европейского союза². В 2006 г. выход в свет ее обновленной версии³ придал

² European Commission. A Sustainable Europe for a Better World: A European Union Strategy for Sustainable Development (Commission proposal to the Gothenburg European Council). 2001

³ European Council. Review of the EU Sustainable Development Strategy (EU SDS). DOC10917/06. 2006

новый импульс разработке НСУР европейских стран, особенно в новых государствах – членах ЕС.

В сентябре 2015 г. 193 странами – членами ООН на Саммите Генеральной Ассамблеи ООН были приняты 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), зафиксированных в документе «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». К числу ЦУР относятся (в скобках указан номер цели): ликвидация нищеты (1); ликвидация голода (2); хорошее здоровье и благополучие (3); качественное образование (4); гендерное равенство (5); чистая вода и санитария (6); недорогостоящая и чистая энергия (7); достойная работа и экономический рост (8); индустриализация, инновации и инфраструктура (9); уменьшение неравенства (10); устойчивые города и населенные пункты (11); ответственное потребление и производство (12); борьба с изменением климата (13); сохранение морских экосистем (14); сохранение экосистем суши (15); мир, правосудие и эффективные институты (16); партнёрство в интересах устойчивого развития (17)⁴.

На сегодня практически у всех стран ЕС есть либо действующая НСУР, либо план действий по достижению Целей устойчивого развития⁵. Большинство стран мира включили ЦУР в свои отраслевые стратегии или разработали отдельные программы для их воплощения в жизнь.

Так, 159 стран из официально признанных 195 государств мира уже направили в ООН добровольные национальные обзоры о реализации «Повестки дня XXI века» и ЦУР⁶. Похожая ситуация наблюдается на региональном и муниципальном уровнях. ЦУР отражены в стратегиях многих ведущих городов мира, например, Нью-Йорка⁷ и Берлина⁸.

Вместе с тем, как указано в отчете ООН, при сохранении существующих тенденций в области долгосрочного развития

⁴ См. подробнее: ООН. Повестка дня в области устойчивого развития (URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>)

⁵ European Union. Europe's Approach to Implementing the Sustainable Development Goals: Good Practices and the Way Forward. Policy Department, Directorate-General for External Policies. 2019

⁶ United Nations. Handbook for Preparation of Voluntary National Reviews. UN Department of Economic and Social Affairs. 2020

⁷ The City of New York. OneNYC: The Plan for a Strong and Just City. 252 p. 2015

⁸ Senate of Berlin. Berlin Strategy Urban Development Concept Berlin 2030. 78 p. 2015

к 2030-му году ЦУР не будут достигнуты в полном объеме⁹. В этой связи актуальной задачей является выявление и анализ современных практик разработки НСУР с целью их дальнейшего тиражирования, в том числе в странах, не имеющих утвержденных НСУР (например, в России) или не включивших ЦУР в национальные системы стратегического планирования.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении ключевых характеристик национальных стратегий устойчивого развития 20 стран, разработанных к настоящему времени.

Названия практически всех отобранных для анализа стратегий содержат словосочетания «национальная стратегия» и «устойчивое развитие». В стратегиях Ирландии, Греции, Словении и Сингапура термин «устойчивое развитие» не отражен в названии, но присутствует в видении и приоритетах, поэтому они также были включены в анализ. Иногда в название добавляется аналог слогана, разъясняющего суть стратегии, например, «Обеспечение будущего» в стратегии Великобритании¹⁰ или «Наш дом, наша природа, наше будущее» в стратегии Сингапура¹¹.

В итоговый список вошли стратегии следующих стран: Австрии¹², Бельгии¹³, Великобритании¹⁴, Венгрии¹⁵, Германии¹⁶, Греции¹⁷, Египта¹⁸, Ирландии¹⁹, Испании²⁰, Канады²¹, Латвии²²,

⁹ United Nations. The Future is Now: Science for Achieving Sustainable Development: Global Sustainable Development Report 2019.

¹⁰ Government of the United Kingdom. (2005). Securing the Future – Delivering UK Sustainable Development Strategy.

¹¹ Government of Singapore (2015). Our Home. Our Environment. Our Future. Sustainable Singapore Blueprint.

¹² Government of Austria (2010). ÖSTRAT – Strategy for Sustainable Development of the Federal Government and Federal Provinces.

¹³ Government of Belgium (2013). Federal Sustainable Development Strategy towards 2050.

¹⁴ Government of the United Kingdom (2005). Securing the Future – Delivering UK Sustainable Development Strategy.

¹⁵ Hungary National Assembly (2013). National Framework Strategy on Sustainable Development (NFSSD) for 2012–2024.

¹⁶ Federal Government of Germany (2018). German Sustainable Development Strategy 2016 (update 2018).

¹⁷ Government of Greece (2018). National Strategy for Sustainable and Fair Growth 2030.

¹⁸ Egypt Ministry of Planning, Monitoring and Administrative Reform (2016). Sustainable Development Strategy (SDS): Egypt Vision 2030.

¹⁹ Government of Ireland (2018). Project Ireland 2040 National Planning Framework.

²⁰ Council of Ministers of Spain (2007). Spanish Sustainable Development Strategy.

²¹ Government of Canada (2019). A Federal Sustainable Development Strategy for Canada 2019 to 2022.

²² Saeima of the Republic of Latvia (2010). Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030.

Литвы²³, Норвегии²⁴, Румынии²⁵, Сингапура²⁶, Словении²⁷, Финляндии²⁸, Франции²⁹, Швейцарии³⁰ и Швеции³¹.

Методологические подходы включали анализ как структурно-содержательных характеристик НСУР, так и процесса их разработки и заложенных в них долгосрочных ценностей, видения и понимания прогрессивности развития.

Обзор теоретических подходов к анализу национальных стратегий устойчивого развития

Работы, посвященные исследованию НСУР, в зависимости от предмета анализа, можно условно разделить на две группы:

- исследования механизмов достижения ЦУР;
- исследование непосредственно текстов стратегий.

Исследования *первой группы отвечают на вопрос о том, как планируется обеспечить достижение ЦУР* – с помощью каких политик, инструментов и механизмов. Соответственно, НСУР рассматриваются как один из элементов системы достижения ЦУР (наряду с другими программами и планами, институтами развития и т.д.). Как правило, анализируется только факт наличия НСУР, а вопрос о взаимосвязи качества национальной стратегии и прогресса в достижении целей устойчивого развития выносится за рамки исследований.

Так, механизмы реализации ЦУР в глобальном масштабе подробно изучены в исследовании Ассоциации городов и местных правительств³², отмечается факт наличия стратегий устойчивого развития у 200 стран и 140 мегаполисов мира, включая

²³ Government of Lithuania (2011). National Strategy for Sustainable Development.

²⁴ Royal Norwegian Ministry of Foreign Affairs (2007). Norway's Strategy for Sustainable Development. Published as part of the National Budget 2008.

²⁵ Government of Romania (2018). Romania's Sustainable Development Strategy 2030.

²⁶ Government of Singapore (2015). Our Home. Our Environment. Our Future. Sustainable Singapore Blueprint.

²⁷ Government of Slovenia (2017). Slovenia's Development Strategy 2030.

²⁸ Government of Finland (2006). National Strategy for Sustainable Development (Towards Sustainable Choices. A Nationally and Globally Sustainable Finland).

²⁹ Government of France (2015). The National Strategy for Ecological Transition towards Sustainable Development 2015–2020.

³⁰ Swiss Federal Council (2016). Sustainable Development Strategy 2016–2019.

³¹ Government of Sweden (2015). A Swedish Strategy for Sustainable Development – Economic, Social and Environmental.

³² United Cities and Local Governments (2019) The Localization of the Global Agendas: How Local Action is Transforming Territories and Communities. Fifth Global Report on Decentralization and Local Democracy.

национальный и отраслевой уровни. Тексты стратегий детально не изучаются, НСУР рассматриваются в качестве одного из инструментов реализации ЦУР.

В одной из работ [Swanson, Pintér, 2004] проведен анализ подходов для достижения ЦУР: в выборку включено 19 стран, внимание уделяется процессу разработки и механизму реализации НСУР, а не их содержанию. В работе Ланьшиной с соавторами [Ланьшина и др., 2019] показано, как проблематика устойчивого развития отражена в стратегиях стран, лидирующих с точки зрения внедрения ЦУР. В исследовании [Gubaidullina et al., 2018] описаны политики устойчивого развития стран Европы и ряда развивающихся государств, дан анализ особенностей НСУР каждой из них.

Ряд работ посвящен рассмотрению механизмов реализации ЦУР в Европе. В исследовании Европейской сети устойчивого развития³³ изучается достижение ЦУР в 32 странах Европы. В частности, рассматриваются наличие у стран НСУР и отражение в них целей развития, изучаются механизмы реализации НСУР, в том числе горизонтальная и вертикальная интеграция; интеграция национальной и европейской политики в области устойчивого развития. Тексты стратегий не анализируются.

В аналогичном ключе изучается механизм реализации ЦУР в 28 странах Евросоюза³⁴: одним из критериев достижения прогресса является наличие НСУР и планов, отражающих ЦУР. В одном из докладов ООН³⁵ подробно изучены национальные системы стратегического планирования девяти стран, включая наличие НСУР. В исследовании [Игнатов et al., 2019] проанализированы механизмы внедрения ЦУР в национальных стратегиях у ведущих стран – доноров международной помощи.

Исследования *второй группы предполагают анализ НСУР как стратегических документов*, в том числе поэлементный анализ текстов стратегий. ОЭСР проанализировала НСУР 30 стран по восьми критериям, среди которых отражение

³³ European Sustainable Development Network (2019). The Implementation of the 2030 Agenda and SDGs at the National Level in Europe – Taking Stock of Governance Mechanisms.

³⁴ European Union (2019). Europe's Approach to Implementing the Sustainable Development Goals: Good Practices and the Way Forward. Policy Department, Directorate-General for External Policies.

³⁵ United Nations Development Programme (2016). Integrated Planning & Sustainable Development: Challenges and Opportunities. Synthesis Report.

основных направлений устойчивого развития, наличие аналитического блока и альтернативных сценариев развития, участие ключевых стейкхолдеров³⁶. В работе ООН выполнена поэлементная оценка ряда стратегий стран Средиземноморского региона: НСУР, национальных планов и программ охраны окружающей среды³⁷.

Таким образом, в большинстве зарубежных работ национальные стратегии рассматриваются в качестве одного из механизмов достижения целей устойчивого развития. Текст НСУР изучается преимущественно с точки зрения полноты отражения целей и процессов реализации стратегий, или вообще не исследуется.

Методология сравнительного анализа

Методологические подходы к проведению сравнительного анализа представлены в таблице.

Методологические подходы к анализу НСУР

Вид анализа	Ключевые параметры для анализа
Структурно-содержательный	1. Формальные критерии (объем, структура, принявший орган, оформление и т.д.) 2. Структура и основные содержательные блоки 3. Индикаторы для измерения прогресса при реализации НСУР
Ценностный	4. Видение (целевое состояние) 5. Приоритеты
Процессный	6. Процесс разработки 7. Органы, ответственные за разработку 8. Механизм реализации

Источник: разработано авторами.

Структурно-содержательный анализ предполагал выявление схожих параметров НСУР с точки зрения формальных признаков, содержания основных разделов и ключевых индикаторов. В рамках ценностного анализа обобщались ключевые ценности и концептуальные решения, заложенные в НСУР. Процессный анализ сконцентрирован на исследовании лучших практик организации процессов разработки НСУР.

³⁶ OECD (2006). Good Practices in the National Sustainable Development Strategies of OECD Countries. OECD. Sustainable Development Studies

³⁷ United Nations Environment Programme (2005). Review and Assessment of National Strategies for Sustainable Development in the Mediterranean Region.

Результаты и их обсуждение

Структурно-содержательный анализ

Формальные критерии. В зависимости от числа страниц и глубины проработки элементов можно выделить следующие типы стратегий.

«Презентационная» – краткая стратегия, которая может быть оформлена в виде буклета и призвана представить общее видение долгосрочного развития и создать имидж власти как проводника ценностей и идеологии устойчивого развития (НСУР Бельгии, Швеции).

«Навигационная» – стратегия, объемом около 40–60 страниц, включающая видение, цели и задачи, основные направления, ссылки на планы, программы и мероприятия, механизм реализации. Навигационная стратегия как документ верхнего уровня содержит общие векторы долгосрочного развития, но не включает конкретные детали, которые расшифровываются в стратегиях более низкого уровня и планах мероприятий (НСУР Германии, Египта, Норвегии, Словении, Франции).

«Классическая» – стратегия универсального формата объемом около 100 страниц и имеющая типовую структуру (вступительное слово, анализ ситуации, видение, цели, приоритеты, механизм реализации, индикаторы). Приоритеты, цели и индикаторы раскрываются в отраслевых или территориальных стратегиях. Может включать расчеты, научные данные и обоснования выбранных решений (НСУР Великобритании, Венгрии, Греции, Испании, Канады, Латвии, Литвы, Румынии, Финляндии, Швейцарии).

«Детализированная» (расширенная) – стратегия объемом более 200 страниц, содержащая подробные дорожные карты по каждому из направлений; часто применяется на уровне мегаполисов³⁸, на страновом уровне – достаточно редко (НСУР Ирландии).

Структура и основные блоки. В большинстве случаев НСУР имеет древовидную (вложенную) структуру и состоит из разделов, которые могут детализироваться в специализированных отраслевых стратегиях второго и последующих уровней. Фактически НСУР аналогична фракталу: раздел по экологии НСУР может раскрываться в подразделах «Устойчивый город», «Повышение энергоэффективности» и т.д. В свою очередь, подраздел

³⁸ The City of New York (2015). OneNYC: The Plan for a Strong and Just City. 252 p.

«Устойчивый город» может раскрываться в отдельной стратегии «Устойчивого города» и ее приоритетных направлениях (например, «сокращение генерации отходов»).

Основные блоки НСУР соответствуют трем направлениям устойчивого развития: экологическому, социальному и экономическому, реже – всем 17 ЦУР (НСУР Германии). Акцент может быть сделан на круговой экономике, зеленых технологиях и зеленом экономическом росте (НСУР Канады), изменении потребительских привычек населения, структуре производства и потребления (НСУР Великобритании) или на здоровом образе жизни (НСУР Финляндии).

Типичное содержание НСУР включает следующие части:

- вводную или аналитическую (публичное обязательство власти, история разработки, анализ ситуации и SWOT-анализ);
- концептуальную (видение или миссия, цели и задачи);
- основную (главные направления и приоритеты, индикаторы, пространственный блок и привязка к местности);
- механизм реализации (вертикальная и горизонтальная интеграция, финансирование, мониторинг и контроль, индикаторы, общественное участие);
- приложения (оценка регулирующего воздействия, список ответственных, перечень ключевых мер или дорожных карт и др.).

Выделяется отчетливый тренд на повышение удобства восприятия стратегий обществом и бизнесом: стратегии отличаются качественной визуализацией (цветное оформление, инфографика, фотографии, схемы), представляя собой научно-популярные документы, доступные для широкого круга заинтересованных лиц. Сочетание обосновывающих материалов, картографических данных и эмоционального воздействия на аудиторию отличает зарубежные НСУР от многих стратегий социально-экономического развития регионов и муниципальных образований России, составленных формально и наукообразно.

Индикаторы. Большинство НСУР содержат показатели, измеряющие прогресс в области устойчивого развития. Отсутствовать они могут лишь в двух случаях: если это «презентационный» тип стратегии (НСУР Бельгии) или если идет ссылка на уже существующие регулярно отслеживаемые индикаторы (НСУР Швейцарии-2016, система индикаторов MONET-2030).

Большинство НСУР содержат от 20 до 70 индикаторов, сгруппированных по разделам.

Индикаторы отражают три традиционных направления устойчивого развития (экология, экономика и социальная сфера), делая акцент на специфических национальных приоритетах в рамках каждого из направлений (например: состояние жилого фонда (НСУР Великобритании), гендерное равенство (НСУР Швеции) или показатели деятельности «зеленого» правительства (НСУР Канады)).

При этом рост экономических показателей (объемов ВВП, промышленного производства, инвестиций) не отождествляется с социально-экономическим прогрессом, как это традиционно происходит в России («удвоение ВВП»). Зарубежные НСУР исходят из современного понимания прогресса и включают индикаторы, характеризующие качество жизни, уровень неравенства или биоразнообразия и другие альтернативные валовому внутреннему продукту интегральные индикаторы, характеризующие прогрессивность развития [Costanza et al., 2014; Stiglitz et al., 2009].

Ценностный анализ

Видение и миссия. Ключевое место в НСУР занимает видение – описание целевого состояния, к которому должна двигаться страна: оно выделяется в специальный раздел, расположенный в преамбуле. Видение имеет ярко выраженную ценностную и эмоциональную окраску, фиксируя консолидированное понимание обществом прогрессивного (наиболее предпочтительного) пути развития.

Концептуально видение строится на базе следующих смысловых блоков: учет принципов устойчивого развития ООН, национальная специфика и призыв к совместной реализации стратегии. Фактически оно отражает ценности демократии, социальной ответственности перед будущими поколениями, а также идеологический выбор общества в пользу устойчивого развития как парадигмы будущего [Бобылев, 2017].

Ключевые приоритеты. На основе концептуального видения в стратегиях фиксируются ключевые приоритеты, которые могут отличаться в зависимости от национальной специфики. Ключевыми приоритетами называются «зеленый рост» и развитие «зеленых» технологий, устойчивое производство и потребление (НСУР

Канады, Финляндии, Норвегии, Испании), повышение эффективности государственного управления (НСУР Великобритании, Швейцарии, Швеции), глобальная конкурентоспособность (НСУР Швеции, Словении), новые модели социального развития, в том числе инклюзивная и социальная экономики (НСУР Франции, Словении) и др.

В целом современные подходы к национальному развитию, заложенные в НСУР, в значительной степени ориентированы на человека (человеко-ориентированный подход, *people-centered*) и рост возможностей для самореализации личности [Sen, 1999], а не на достижение количественных экономических показателей. Социальная (достижение «подлинного человеческого благополучия», социальной справедливости) и экологическая (сохранение биоразнообразия, качественная окружающая среда) повестки рассматриваются сквозь призму качества человеческой жизни, которая выступает главной ценностью [Kubiszewski et al., 2013; Комаров, 2015].

Процессный анализ

Процесс разработки. При подготовке НСУР особое внимание уделяется организации процесса разработки стратегии: открытая и демократичная разработка позволяет обеспечить вовлеченность общества и консолидировать его вокруг ценностей устойчивого развития.

Процесс разработки НСУР разделен на несколько этапов. На первом из них определяются или создаются органы, ответственные за разработку НСУР (например, межведомственная рабочая группа по устойчивому развитию), создается специализированная страница в Интернете. На втором – организуются публичные консультации, опросы населения, конференции, проект стратегии вывешивается в открытом доступе. На третьем этапе продолжается публичное обсуждение проекта, которое завершается утверждением стратегии как документа общего консенсуса.

В процесс разработки НСУР вовлекаются представители предприятий, профсоюзов, некоммерческих организаций, академических кругов, гражданского общества. Ряд стран целенаправленно привлекает ведущих ученых (Венгрия). Помимо интернет-опросов, стратегических сессий и публичных

конференций (Германия, Испания), тематических семинаров (Финляндия), национальных и региональных форумов (Латвия) и пр. могут использоваться и другие формы публичного обсуждения: проведение публичных дебатов, сбор рационализаторских предложений от граждан, обеспечение возможности онлайн-редактирования. Так, в Канаде населению была предоставлена возможность оставлять комментарии в интерактивной электронной стратегии.

Процесс разработки, обсуждения и согласования НСУР может длиться несколько лет, но и утвержденная стратегия продолжает определять действия властей на многие годы вперед. Это отличает зарубежные практики от российских, когда стратегии зачастую разрабатываются в срочном порядке, чтобы выполнить положения нормативно-правовой базы или вышестоящие поручения, а после утверждения теряют актуальность и «угасают» в течение нескольких лет [Белановский и др., 2016. С. 60].

Ответственные органы. Как правило, для разработки НСУР создается рабочая группа при правительстве, куда входят представители министерств и ведомств, регионов. В функции рабочей группы входит организация совещаний, конференций и других публичных мероприятий, направленных на обсуждение проекта стратегии (НСУР Австрии, Бельгии, Великобритании, Испании, Канады, Румынии, Словении, Финляндии, Швейцарии). Такой подход подчеркивает межведомственный и междисциплинарный характер вопросов устойчивого развития и необходимость реализации проектного подхода к разработке НСУР.

Механизм реализации. Механизм реализации НСУР обычно включает финансирование, организационную структуру (ответственные органы и их полномочия), программу мероприятий (дорожную карту), оценку регулирующего воздействия, систему мониторинга и контроля, публичную отчетность. Предусматриваются механизмы горизонтальной (межведомственное взаимодействие) и вертикальной (реализация на региональном и местном уровнях) интеграции (НСУР Венгрии, Германии, Канады, Финляндии, Швейцарии, Швеции). Правительство может продвигать идеи устойчивости на собственном примере, например, устанавливая зеленые стандарты на госзакупки или обеспечивая энергоэффективность правительственных зданий и принимая ряд аналогичных мер.

Заключение: выводы для экономической политики

Таким образом, можно сделать вывод о сложившихся де-факто международных стандартах разработки НСУР, включающих:

- длительный процесс разработки и согласования НСУР, где обязательно присутствует взаимодействие власти, бизнеса и общественности;

- четкую и понятную структуру стратегического документа, которая отражает и детализирует долгосрочное национальное видение, названия разделов фактически фиксируют приоритетные направления стратегии;

- явное упоминание о ценностных предпочтениях, связанных с реализацией идеологии устойчивого развития (развитие без ущерба для будущих поколений);

- холистический (интегральный) подход: развитие одной из сфер, например, экономической, за счет деградации других – социальной или экологической – не может считаться устойчивым развитием, также не может считаться устойчивым развитием достижение прогресса в одной или нескольких ЦУР из 17, при деградации других ЦУР, например, достижение цели по экономическому росту при одновременном увеличении социального неравенства;

- наличие элементов, которые делают стратегию более адресной, понятной для широких кругов общества и бизнеса, а также встраивают ее в национальную систему стратегического планирования – таких как видение, приоритеты развития, описание процесса разработки стратегии с акцентом на вовлечение общественности, ссылки на стратегические документы второго уровня (отраслевые стратегии, планы и программы развития), ссылки на индикаторы, упоминание научных концепций или результатов опросов населения в качестве доказательной базы для разработки;

- акцент на идеях устойчивого развития, включая заботу о подлинном благополучии человека, охрану окружающей среды, сохранение культурных ценностей, развитие городской среды «человеческого масштаба» и т.д., при этом правительство реализует указанные в НСУР идеи устойчивого развития на собственном примере;

– качественное оформление, представление НСУР в отдельном разделе веб-сайта правительства, наличие полной и краткой версий документа, текстовое описание основных положений стратегии на веб-странице.

На базе сложившихся международных стандартов и лучших мировых практик, а также проведенного анализа НСУР стран мира предложены следующие рекомендации, которые актуальны и для России:

– необходим качественно организованный публичный и неспешный процесс разработки НСУР, цель которого не формально утвердить документы, а продвинуть ценности устойчивого развития в обществе и консолидировать общество вокруг общих целей развития;

– процесс разработки НСУР должен быть максимально публичным, с участием как представителей академических кругов и экспертного сообщества, так и широких слоев общественности и бизнеса, включая представителей бизнес-ассоциаций; при разработке НСУР необходим анализ опыта реализации предыдущих НСУР;

– стратегия как публичный и адресный документ, призванный выражать мнение избирателей, должна иметь ценностную и эмоциональную окраску, обращаться напрямую к гражданскому обществу и содержать понятное и разделяемое гражданским обществом видение долгосрочного развития;

– стратегия должна опираться на научно-обоснованную методологическую базу, включающую лучшие международные практики и стандарты разработки НСУР, рекомендации международных организаций и научные подходы к пониманию прогресса;

– стратегия должна быть качественно оформлена с применением иллюстраций, диаграмм и инфографики, иметь четкую структуру, краткую и полную версию; она должна иметь представление в сети Интернет в специальном разделе, посвященном стратегическому планированию;

– правительство должно на практике подавать пример реализации идей устойчивого развития, например, через «зеленые закупки», повышение энергоэффективности собственных зданий, переводение государственных услуг в электронный формат, внедрение «цифрового правительства»;

– необходимо предусмотреть в стратегии механизмы горизонтальной и вертикальной интеграции, четче прописывать механизм реализации стратегии на региональном и местном уровнях;

– важно внедрение механизма отслеживания промежуточных результатов НСУР и коррекции хода реализации стратегии в интересах бенефициаров;

– первичное значение имеет не столько разработка НСУР в виде единого документа, сколько наличие комплекса отраслевых стратегий, планов второго и последующих уровней вложенности, детализирующих и «приземляющих» цели НСУР как стратегии верхнего уровня.

Стратегии подразумевают изменение ценностной парадигмы: переход от материалистического и редуционистского подхода, сводящего сложные общественные процессы к росту экономических показателей, к интегральному, холистическому и цивилизационному видению долгосрочного развития, не сводимому к уровню доходов, а ориентирующемуся на подлинное человеческое и общественное благополучие (включая создание качественной, комфортной городской окружающей среды).

В то же время НСУР как стратегический документ, даже если он разработан на самом высоком уровне, еще не является гарантией достижения заявленных целей. Для этого необходим комплекс дополнительных институциональных факторов и условий для преодоления «эффекта колес» и повышения степени реализации стратегий [Полтерович, 2008, 2017; Аузан, 2020; Белановский и др., 2016].

Отмеченные методологические подходы актуальны для России с двух точек зрения. Во-первых, в аспекте смены парадигмы подготовки отечественных стратегий: перехода от экономических стратегий к стратегиям устойчивости, от первичности достижения количественных показателей к оценке качества развития [Белановский и др., 2016]. Во-вторых, с точки зрения разработки методологии и последующей подготовки стратегии устойчивого развития Российской Федерации, фиксирующей ценностный и цивилизационный национальный выбор [Бобылев, Соловьева, 2016; Данилов-Данильян, Рейф, 2016].

Литература/References

Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.

Auzan, A.A. “E’ffekt kolei”. (2015). Path dependence problem: the evolution of approaches. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 6: E’konomika. No. 1. Pp. 3–17. (In Russ.).

Аузан А. А., Бахтигараева А. И. и др. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91.

Auzan, A.A., Baxtigaraeva, A.I. et al. (2020). Sociocultural factors in economics: milestones and perspectives. *Voprosy` e`konomiki*. No. 7. Pp. 75–91. (In Russ.).

Белановский С. А., Дмитриев М. Э., Комаров В. М., Комин М. О., Коцюбинский В. А., Никольская А. В. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня/ Центр стратегических разработок. 2016. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/issledovaniya/analizfaktorov-realizatsii-dokumentov-strategicheskogo-planirovaniya-verhnego-urovnya/> (дата обращения: 14.07.2020).

Belanovskiy, S.A., Dmitriev, M.E., Komarov, V.M., Comin, M.O., Kotsyubinsky, V.A., Nikol’skaya, A.V. (2016). Analysis of the Factors in Implementation of Strategic Planning Documents of the Upper Level. Center for Strategic Research. Available at: <https://www.csr.ru/issledovaniya/analiz-faktorov-realizatsii-dokumentov-strategicheskogo-planirovaniya-verhnegourovnya/> (accessed 27 May 2020). (In Russ.).

Бобылев С. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-107-113>

Bobylev, S. (2017). Sustainable Development: Paradigm for the Future. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 3. Pp. 107–113. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-107-113. (In Russ.).

Бобылев С., Соловьева С. ООН: смена целей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 30–39.

Bobylev, S., Solovyeva, S. (2016). OON: smena celej. *World Economy and International Relation*. Vol. 60. No. 5. Pp. 30–39. (In Russ.).

Данилов-Данильян В. И., Рейф И. Е. Биосфера и цивилизация. М.: Энциклопедия, 2016. 432 с.

Danilov-Danil’yan, V., Rejf, I. (2016). *The Biosphere and Civilization*. Moscow. Encyclopedia. 432 p. (In Russ.).

Игнатов А. А., Михневич С. В., Попова И. М., Сафонкина Е. А., Сахаров А. Г., Шелепов А. В. Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 1. С. 164–187.

Ignatov, A., Mikhnevich, S., Popova, I., Safonkina, E., Sakharov, A., Sheleпов, A. (2019). Leading Donors’ Approaches to SDGs Implementation. *International Organisations Research Journal (IORJ)*. Vol. 14. No. 1. Pp. 164–187. (In Russ.).

Комаров В. М. Стратегия экономического развития: время обновить парадигму? // Экономическая политика. 2015. № 6. С. 24–39.

Komarov, V.M. (2015). The Strategy of Economic Development: Is It Time to Update the Paradigm? *Jekonomicheskaja Politika. Economic Policy*. No. 6. Pp. 24–39. (In Russ.).

Ланшина Т.А., Баринова В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В. Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах – лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 1. С. 207–224. DOI: 10.17323/1996–7845–2019–01–12

Lanshina, T., Barinova, V., Loginova, A., Lavrovsky, E., Ponedelnik, I. (2019). Localizing and Achieving the Sustainable Development Goals at the National Level: Cases of Leadership. *International Organisations Research Journal (IORJ)*. Vol. 14. No. 1. Pp. 207–224. Available at: DOI: 10.17323/1996–7845–2019–01–12. (In Russ.).

Полтерович В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

Polterovich, V.M. (2008). Modernization strategies, institutions and coalitions. *Voprosy` e`konomiki*. No. 4. Pp. 4–24. (In Russ.).

Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. 35 (3). С. 198–206.

Polterovich, V.M. (2017). Designing the Strategies for Socio-Economic Development: Science vs. Ideology. *Zhurnal Novoj e`konomicheskoy associacii*. 35 (3). Pp. 198–206. (In Russ.).

Costanza, R., Kubiszewski, I., Giovannini, E., Lovins, H., McGlade, J., Pickett, K.E., Ragnarsdóttir, K.V., Roberts, D., De Vogli, R., & Wilkinson, R. (2014). Development: Time to Leave GDP Behind. *Nature*. Vol. 505. No. 7483. Pp. 283–285. DOI: 10.1038/505283a

Gubaidullina T., Ivanova N., Absalyamova S., Yerina T. (2018). Analysis of National Strategies for Sustainable Development with Regard to Fundamental Conceptual Premise. *Journal of Physics: Conference Series 2018*. С. 012018.

Kubiszewski, I., Costanza, R., Franco, C., Lawn, P., Talberth, J., Jackson, T., Aylmer, C. (2013). Beyond GDP: Measuring and Achieving Global Genuine Progress. *Ecological Economics*. Vol. 93. September. Pp. 57–68.

Sen, A. (1999). *Development as Freedom*. New York: Oxford University Press.

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris.

Swanson D., Pintér L. (2004). *National Strategies for Sustainable Development: Challenges, Approaches and Innovations in Strategic and Co-ordinated Action Based on a 19-country Analysis*. International Institute for Sustainable Development.

Статья поступила 02.09.2020.

Статья принята к публикации 28.09.2020.

Для цитирования: Комаров В.М., Волошинская А.А. Национальные стратегии устойчивого развития: сравнительный анализ // ЭКО. 2021. № 1. С. 112–129 DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-112-129.

For citation: Komarov, V.M., Voloshinskaya, A.A. (2021). National Sustainable Development Strategies: Comparative Analysis. *ECO*. No. 1. Pp. 112-129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-112-129.

Summary

Komarov, V.M., Cand. Sci. (Econ.), Voloshinskaya, A.A., Center for Regional Development Strategies, Institute of Applied Economic Research, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

National Strategies of Sustainable Development: Comparative Analysis

Abstract. We conducted a comparative analysis of the national sustainable development strategies (NSDS) of 20 countries to identify their common characteristics and best international practices. The research methodology included structural-content, value and process analyses. We have identified the key types of NSDS: presentation, navigation, classical and detailed. We found that the strategies under consideration have a strong value and emotional coloring, and the NSDS elaboration process is long and public, which allows consolidating society around the goals of sustainable development. The NSDSs set top-level goals, which are detailed in strategies of second and subsequent levels. In this way, strategies promote values of sustainable development and consolidate society around common goals, appeal directly to the civil society, and contain a clear and shared vision of long-term development. We found that the key importance is not so much the development of the NSDS as a single document, but rather the availability of a set of industry strategies, as well as plans for the second and subsequent levels of nesting, detailing the goals of the NSDS. These international experiences differ from typical Russian practices, so we propose to follow the recommendations of the 21st century Agenda in strategic planning.

Keywords: *sustainable development; National sustainable development strategy; NSDS; Sustainable Development Goals; SDG; comparative analysis; best practices; strategic planning system; strategic planning methodology*

Анализ и оценка последствий наводнения в г.Тулуне (Иркутская область)¹

Г.Б. ДУГАРОВА, кандидат географических наук.

E-mail: geldugarova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7423-370X

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена результатам оценки и анализа последствий наводнения, произошедшего в июне 2019 г. в г.Тулуне Иркутской области. Изучены теоретико-методологические аспекты социально-экономических исследований наводнений. Особое внимание автор уделяет обоснованию выбора методики оценки прямых экономических потерь. Определен ряд недостатков и проблем при использовании различных существующих методик. Проведен анализ отдельных составляющих экономического ущерба с учетом их разнородной природы и специфических особенностей. Несмотря на ограниченность, разрозненность и несопоставимость информации, поступающей из разных источников, представленный анализ и оценка охватывают ключевые виды жизнедеятельности и сектора экономики. В целом, по мнению автора, они дают реальную картину последствий наводнения в г. Тулуне. Исследование и его результаты основаны на обработке первичных данных.

Ключевые слова: наводнение; социально-экономические последствия; методика оценки ущерба; прямой экономический ущерб; Тулун; Иркутская область

Введение

Наводнения по числу жертв и размеру причиняемого материального ущерба занимают одно из первых мест среди стихийных бедствий. При этом происходят эти явления с удручающей регулярностью, так что актуальность темы исследования никогда не снижается. Особенно это касается проблемы корректной оценки ущерба с целью разработки долговременной стратегии борьбы с наводнениями и их последствиями.

Объективная оценка последствий и ущерба необходима не только для фиксации потерь от произошедших наводнений и внедрения рыночных механизмов его компенсации, но и для обоснования наиболее эффективных защитных мероприятий. В России оценка ущерба часто применяется только для получения

¹ Исследование выполнено за счет средств по государственному контракту № 05–66–57–41/19 и при поддержке Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН.

компенсации, хотя она должна быть в основе общей системы рационального управления паводкоопасными территориями (наряду с управлением рисками, превентивными мероприятиями и т.д.), частью общей отлаженной системы борьбы с наводнениями. Кроме того, в нашей стране ущерб от наводнений покрывается на 97% за счет бюджетных средств (резервный финансовый фонд Правительства России, финансовые резервы субъектов РФ, федеральный резерв материальных ресурсов и др.) и менее 3% – за счет страхования. В развитых странах объемы покрытия составляют 70% и 30% соответственно [Токарева, 2015].

К сожалению, приходится полностью согласиться с коллегами, что «создание системы управления наводнениями не является стандартной практикой государственного управления и местного самоуправления в России. Ответственность за формирование подобного комплекса задач и мероприятий разделена между множеством ведомств и инстанций, практическое взаимодействие между которыми ограничено до момента наступления чрезвычайного события. После сильного наводнения происходит краткий всплеск интереса к проблеме наводнения и снижения ущербов. Но так как нет четкой процедуры согласований взаимодействия заинтересованных лиц и планирования по устранению последствий, то и его результаты часто оказываются неоптимальными» [Мы и амурские..., 2016].

О справедливости этого утверждения говорит, в частности, тот факт, что в июне-августе 2020 г., несмотря на незавершенность работ по зонированию паводкоопасной территории г. Тулуна, началось активное строительство домов и принятие генерального плана города. Такие несогласованные решения ведут к неэффективному использованию бюджетных средств и повторению одних и тех же ошибок.

Следует отметить, что до сих пор в России нет общей концепции «управления ущербами» [Добровольский, Истомина, 2016], а значит – нет и системных отлаженных мер, направленных на уменьшение материальных и социальных потерь, снижение степени их влияния на материально-финансовое положение предприятий, как и в целом на экономику региона и всей страны. В мировой практике к таким мерам, в частности, относятся анализ и выделение паводкоопасных зон с наибольшим риском, оценка земель и разработка соответствующих кадастров с целью

дифференциации ставок страховых взносов, стоимости земельных участков, развитие страхования рисков, оценка вероятностного ущерба и т.д.

К настоящему времени за рубежом накоплены солидный опыт исследований и богатые материалы по наводнениям. Мировым лидером по степени изученности, статистической и методологической проработки проблемы являются США [White, 1964; Grigg, Helweg, 1975; Smith, 1981].

В России же имеется лишь сравнительно небольшая статистика по наводнениям за последние десятилетия, что обусловлено, помимо прочего, на наш взгляд, отсутствием единого центра, осуществляющего сбор и анализ информации, научный мониторинг наводнений и связанных с ними ущербов. Сбор информации о наводнениях в какой-то степени ведет Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС). Однако его данные не унифицированы и довольно эпизодичны, поскольку это ведомство больше ориентировано на оперативную работу по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций [Добровольский, Истомина, 2016].

Целью нашего исследования является комплексный социально-экономический анализ последствий наводнения в г. Тулуне Иркутской области, определение прямого экономического ущерба, обоснование наиболее корректной, по нашему мнению, методики оценки.

Особое внимание было уделено изучению методологической и методической части, так как в данном направлении ощущается недостаток научных работ. Имеющиеся отечественные исследования наводнений (см., например [Авакян, 1999; Шаликовский, 2004; Борщ, Мухин, 2000; Порфирьев, 2015] и др.) в основном посвящены конкретным кейсам.

Понятия и основные факторы ущерба

Понятие «последствие» в применении к тем или иным событиям, стихийным бедствиям носит обобщенный, неэкономический характер, в то время как понятие «ущерб» есть экономическая количественная величина. Иными словами, ущерб – оцененные последствия. Оценка ущерба заключается в определении его величины в натуральном или денежном выражении (экономическая оценка ущерба).

Существуют разные классификации ущерба. Например, по объекту воздействия негативных факторов различают медико-биологический, социально-экономический, социально-политический (ущерб государству), экологический; по характеру и времени воздействия – прямой и косвенный [Парфенова, 2017].

Прямой ущерб – фактические потери, понесенные непосредственно от физического контакта паводковых вод с хозяйственными объектами. К ним относятся: ущерб здоровью и материальным ценностям населения (домохозяйств), включая полную или частичную утрату жилья и имущества; ущерб социальной и производственной инфраструктуре; ущерб основным и оборотным фондам предприятий (включая полную или частичную утрату запасов котельного топлива предприятий энергетики, потерю плодородия, загрязнение почв сельскохозяйственных предприятий), затраты на ликвидацию последствий и на аварийно-восстановительные работы.

Косвенный ущерб включает сумму потерь и упущенных выгод хозяйствующих субъектов из-за нарушения хозяйственных связей, временного прекращения работы транспортных коммуникаций, сокращения производства, ухудшения условий жизни населения и т.д. Последствия косвенного ущерба, в отличие от прямого, могут проявляться через продолжительное время после наводнения, причем затраты могут быть выражены не только в стоимостной форме, но и в натуральных единицах (такие как утрата нематериальных активов, потеря товарного вида, моральный ущерб и т.д.), что осложняет процесс оценки. Поэтому на практике трудно (а иногда невозможно) определить размер косвенных потерь [Парфенова, 2017].

В данной работе рассматривается только прямой экономический ущерб.

Размер ущерба, наносимого наводнением, зависит от множества факторов: площади и продолжительности затопления, высоты и скорости подъема уровня воды, обеспеченности паводка или половодья², степени заселенности и сельскохозяйственной освоенности территории, капитальности зданий и сооружений, наличия защитных сооружений, обеспечения точным

² Обеспеченность – вероятность появления паводка этого уровня в течение определенного промежутка времени (1% – один раз в 100 лет, 10% – один раз в 10 лет и т.д.).

и своевременным прогнозом, подготовленности населения и др. По некоторым из этих показателей специалисты делят наводнения на четыре категории [Раткович, Раткович, 2000].

Низкое (малое) наводнение, наносящее незначительный материальный ущерб, с повторяемостью примерно один раз в 5–10 лет. Затапливаются при этом менее 10% сельскохозяйственных угодий.

Высокое наводнение, сопровождаемое значительным материальным ущербом, в том числе причиняемым населению. Часть населения, материальных ценностей и скота эвакуируется. Повторяемость – примерно один раз в 10–25 лет. Затапливаются 10–15% сельскохозяйственных угодий.

Выдающееся наводнение охватывает крупную речную систему и парализует хозяйственную деятельность региона, нанося большой материальный и моральный ущерб. Возникает необходимость массовой эвакуации населения. Повторяемость – примерно один раз в 50–100 лет. Затапливаются 50–70% сельскохозяйственных угодий.

Катастрофическое наводнение распространяется на несколько крупных речных бассейнов, надолго парализует хозяйственную деятельность, сопровождается человеческими жертвами. Повторяемость – один раз в 100–200 лет и реже. Затапливается более 70% сельскохозяйственных земель.

По этой классификации рассматриваемое в данной работе наводнение, произошедшее в 2019 г. в Иркутской области, относится к категории катастрофических [Исследование..., 2019]. Оно охарактеризовано как наводнение редкой повторяемости, вероятность которого оценивается примерно в 0,3% (т.е. один раз в 300 лет). По данным Центра регистра и кадастра, максимальный уровень воды превысил критическую отметку почти в два раза (1387 см при критической отметке 700 см)³. Максимальная продолжительность превышения критических отметок на р. Ия (г. Тулун) составила семь дней. Ситуацию усугубила вторая волна наводнения спустя месяц, что, как правило, увеличивает размер ущерба [Алексеев, 1988]. Предварительный материальный ущерб был оценен в 35 млрд руб. по Иркутской области в целом⁴.

³ Центр регистра и кадастра. URL: <http://gis.vodinfo.ru>. (дата обращения: 02.11.2019).

⁴ Минстрой оценил ущерб от наводнений в Иркутской области в 35 млрд рублей // URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2225381/> (дата обращения: 22.08.2019).

По размеру ущерба это одно из крупнейших бедствий, произошедших в России за последние 20 лет. Всего за этот период в стране было зафиксировано 11 наводнений с катастрофическими последствиями. Некоторые из них представлены в таблице.

Наводнения в России в 2001–2019 гг.

Год	Место	Число пострадавших (в том числе погибших), тыс. чел.	Кол-во населенных пунктов, ед.	Ущерб, млрд руб.
2001	Якутия (Ленск)	43 (8)	59	8
2002	Южный федеральный округ (Ставрополье, Краснодарский край, Карачаево-Черкесия)	330 (114)	377	16
2010	Краснодарский край	7,5 (17)	30	2,5
2012	Краснодарский край	53 (171)	10	20
2013	Дальний Восток (Амурская область, Хабаровский край, ЕАО)	190 (1)	235	527
2016	Дальний Восток (Приморский край)	40	170	Нет данных
2019	Иркутская область	43 (26)	109	35

Источник: данные получены из Интернета.

Методика оценки ущерба как важнейший этап исследования

Информационной базой исследования послужили материалы оперативных сводок федеральных и региональных ведомств, данные местных органов власти (муниципалитетов), данные организаций, публикации в СМИ, содержащие оценки местных и региональных руководителей, в сочетании с детальной (крупномасштабной) космической съемкой.

В настоящее время в Российской Федерации нет единой методики расчета ущерба от наводнений. Проведенный нами анализ методической литературы выявил их большое разнообразие. Наиболее подробно мы рассмотрели несколько различных методов оценки ущерба, имеющих как определенные достоинства (по своей постановке), так и недостатки, приведем их краткое описание.

Одной из первых в отечественной литературе работ, посвященных методике комплексной оценки ущерба, является труд Н. А. Алексеева [Алексеев, 1988]. Автор предлагает оценивать потери отдельно по отраслям хозяйства, а потом рассчитать суммарный ущерб, который соответствует определенной процентной обеспеченности паводка. Однако на практике рассчитать

ущерб по отраслям оказалось сложно из-за неполной и неточной информации по ним. Кроме того, не хватает информации для построения кривых зависимости ущерба и обеспеченности, из-за недостаточно продолжительного периода наблюдений.

В методике, разработанной Б. В. Воробьевым и Л. А. Косолаповым [Воробьев, Косолапов, 1987], предлагается помимо фактического прямого экономического ущерба от затопления существующих объектов включать еще и потери от сдерживания хозяйственного освоения приречных территорий. Однако, на наш взгляд, этот подход, хотя и дает наиболее полную информацию о возможных потерях на пойменных землях с развитым сельскохозяйственным производством, не представляет совокупный ущерб.

Интересна методика А. В. Шаликовского [Шаликовский, 2004], где ущерб определяется на основе зонирования паводкоопасных территорий и экспертных оценок состояния имущественного объекта. Определив уровень физического износа зданий после наводнения, можно построить графическую зависимость ущерба от стадии и глубины затопления и рассчитать математически размер ожидаемого ущерба по населенному пункту. Главным недостатком данного подхода мы считаем экспертную оценку ущерба, допускающую долю субъективизма.

В методике А. Б. Авакяна [Авакян, 1999] вероятный ущерб определяется путем установления зависимостей между величиной ущерба и обеспеченностью паводка или половодья на каждом отдельно взятом участке между определенными створами. Общий ущерб определяется путем экстраполяции на весь водосборный бассейн. Недостаток подхода заключается в значительных погрешностях при экстраполяции ущербов, особенно при неравномерности хозяйственного освоения водосборного бассейна или различии в типах использования пойменных земель.

Изучив достоинства и недостатки различных подходов, мы остановили свой выбор на предложенной Всесоюзным НИИ экономики минерального сырья «Методике оценки вероятного ущерба от вредного воздействия вод и оценки эффективности осуществления превентивных водохозяйственных мероприятий» (далее Методика) [Методика оценки..., 2006]. Ее несомненные плюсы – подробное и доступное описание механизма оценки ущерба, а также наличие необходимых данных. Очевидно, этим

объясняется то, что в последнее десятилетие при оценке ущерба от наводнений часто использовали именно ее (Крым, 2012; Дальний Восток, 2013; Якутия, 2017).

В Методике приведены расчеты стоимости годового ущерба (Y_{ϕ}) фактического (среднемноголетнего) для конкретного региона и прогнозные ущербы (Y_{π}), при отсутствии подробной информации.

Подчеркнем, что наиболее достоверным считается стоимостная оценка фактического годового ущерба (Y_{ϕ}) для конкретного региона, учитывающая все возможные виды ущерба от полного или частичного разрушения объектов производственного и непромышленного назначения, от повреждения многолетних насаждений, гибели сельскохозяйственных животных и т.д. [Парфенова, 2019]. Формула расчета (Y_{ϕ}) весьма объемная и доступна в методическом руководстве [Методика оценки..., 2006] (здесь мы ее не приводим). Однако не можем не отметить, что оценка была затруднена в силу некоторых причин.

Во-первых, отсутствовала детальная и полная информация об объектах и их состоянии до момента повреждения. Как показывает мировая практика, такого рода информация накапливается методом непрерывной инвентаризации активов профессиональными оценочными и страховыми организациями, в том числе посредством дистанционного мониторинга. Даже в странах с развитыми системами страхования и мониторинга такого рода информация имеется далеко не по всем административным единицам. В нашем случае мы, разумеется, в полной мере ощутили недостаток данных, которые приходилось исключать из расчетов.

Во-вторых, нередко возникали сложные и спорные моменты по оценке производственных и непромышленных объектов, требующих восстановления или нового строительства. В частности, по нашему мнению, базовые показатели были занижены, что привело к занижению совокупного ущерба; вызвала сомнения незначительная разница между базовыми показателями на восстановление и новое строительство, в результате чего восстановительная стоимость объектов оказалась ниже балансовой.

В-третьих, после катастрофического наводнения очень сложно зафиксировать потери оборотных фондов на производственных объектах (сырье, топливо, полуфабрикаты, семенной фонд и т.д.); потери машин и оборудования, смыв многолетних

насаждений, потери готовой промышленной и сельскохозяйственной продукции; потеря личной собственности граждан. Поэтому эти показатели ущерба, как правило, вовсе не учитываются (что произошло и в нашем случае).

Таким образом, с учетом всех вышеперечисленных недостатков и трудностей оценка фактического экономического ущерба (Y_{ϕ}) от наводнения в г. Тулуне оказалась заведомо заниженной.

Для того чтобы верифицировать полученные результаты оценки, нередко прибегают к сопоставлению (или сочетанию) различных методик и подходов. Мы решили полученные результаты сопоставить с альтернативной оценкой вероятного (прогнозного) ущерба на основе метода обобщения данных.

Величина вероятного экономического ущерба ($Y_{\text{в}}$) определялась путем умножения затопливаемых площадей земельных участков разных видов разрешенного использования на нормативные укрупненные удельные показатели стоимости ущерба, наносимого окружающей среде наводнениями различной процентной обеспеченности (выраженные в текущих ценах) [Методика оценки..., 2006]:

$$Y_{\text{в}} = \sum Y_i \times \Pi \times K_{\text{н}},$$

где Y_i – удельная стоимость ущерба, наносимого окружающей среде наводнениями различной процентной обеспеченности, млн руб.; Π – площадь затопления, подверженная вредному воздействию вод, тыс. га; $K_{\text{н}}$ – индекс-дефлятор для перевода стоимости ущерба в ценах 2006 г. в действующие цены.

Был также применен территориальный коэффициент, учитывающий природно-климатические и местные условия, опасность затопления, подтопления, водной эрозии, рекомендованный авторами методики по Сибирскому федеральному округу. Для Иркутской области он составляет 1,55.

Однако данный подход также имеет свои недостатки. Одним из основных является опора на слишком укрупненные показатели – единые для каждого субъекта Федерации, несмотря на наличие огромных внутрирегиональных различий. Кроме того, в числе недостатков можно назвать пренебрежение показателем продолжительности стояния паводковых вод. Между тем доказано, что от длительного стояния паводковых вод ущерб может увеличиться в несколько раз [Парфенова, 2019], а также тот

факт, что не учитывается степень разрушения производственных и непроизводственных объектов.

Вообще, последняя проблема является общей для всех методик оценки ущерба. Поскольку в России нет законов, устанавливающих четкие единые критерии для отнесения имущества к категории «частично» либо «полностью» утраченного, местные власти сами устанавливают их. Чаще всего для этого используются данные об инвентаризации объектов. Однако качество инвентаризации (кадастризации) недвижимости оставляет желать лучшего, поэтому такие оценки нельзя признать вполне достоверными.

Таким образом, проведенный анализ различных методик по оценке экономического ущерба от наводнений выявил ряд основных проблем.

1. Многообразие методик приводит к расхождениям полученных результатов из-за применения разных критериев, недостаточной полноты и достоверности используемых данных, невысокого качества анализа и т.д. Для получения более достоверных сведений о размере ущерба нужна некоторая унификация и стандартизация методов оценки, или, по крайней мере, верификация расчетов с помощью одной-двух альтернативных методик. Основываясь на личном опыте, мы представили те подходы, которые на наш взгляд, наиболее пригодны для оценки ущерба.

2. Большинство методик ограничиваются прямым материальным ущербом, не учитывая утрату других активов (человеческого, природного капитала), в том числе природных экосистем, объектов культурного наследия, а также ущерб, наносимый жизни и здоровью пострадавшего населения. Например, тяжелые стрессовые состояния (из-за ощущения безысходности, возможной потери близких и нажитого имущества) в будущем сказываются на здоровье и благополучии пострадавших, приводя к различным заболеваниям, депрессии, алкоголизму и т.д.

3. Отсутствие в методиках косвенного ущерба. Очевидно, из-за сложности его определения и расчета (в своей работе мы тоже не ставили такую задачу). Сложности возникают, во-первых, из-за отсутствия достаточной статистики, необходимой даже для примерного подсчета; во-вторых, из-за значительной вариативности величины косвенного ущерба, обусловленной ее нелинейной зависимостью от величины прямого ущерба и других факторов, связанных с конкретной чрезвычайной ситуацией [Порфирьев, 2015].

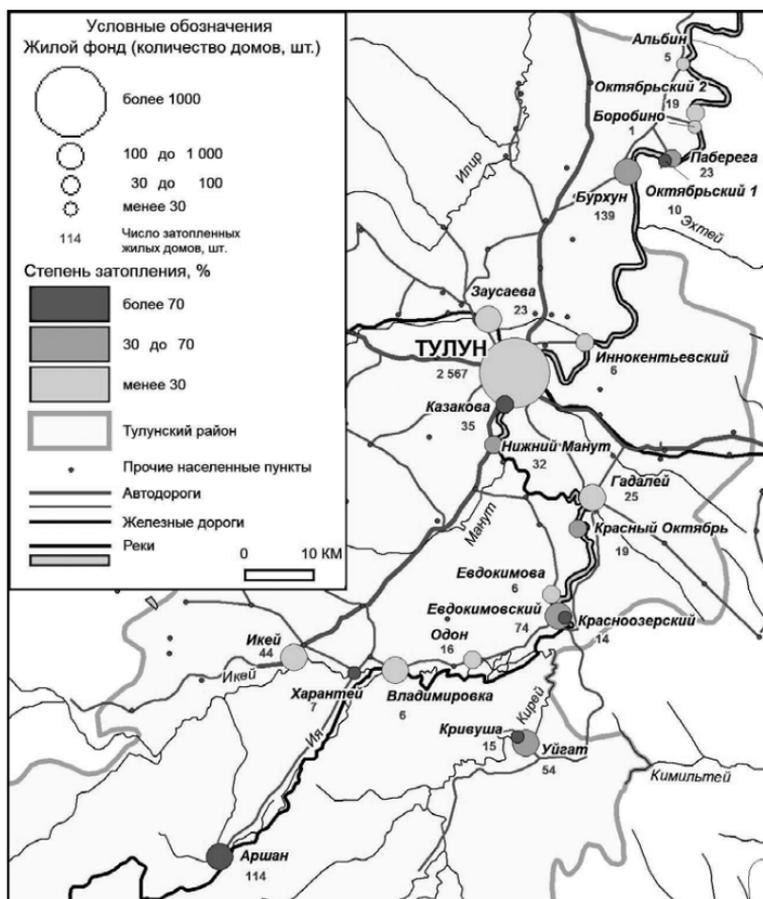
Объект исследования

В июне-июле 2019 г. произошло катастрофическое наводнение в Иркутской области – из берегов вышли сразу несколько рек. В зону бедствия попали Нижнеудинский, Тайшетский, Чунский, Зиминский и Куйтунский районы, а больше всего пострадали Тулунский район и г. Тулун.

Основной причиной катастрофического паводка были обильные осадки, превысившие за несколько дней трехмесячную норму, и все это – в условиях высокой увлажнённости бассейнов и накопления значительных запасов воды в русловых сетях в результате прохождения двух циклонов в предшествующие две недели [Шаликовский, 2019].

В соответствии с указом Президента от 03.07.2019 г. «О мерах по ликвидации последствий наводнения на территории Иркутской области» наводнение было признано чрезвычайной ситуацией федерального характера, в его зоне был установлен особый уровень реагирования. В Тулунском районе затоплению и подтоплению подверглась огромная территория, на которой расположено 25 населенных пунктов с общим числом жителей свыше 54 тыс. чел. (рис. 1). Большинство из них имеют численность жителей до 500 чел., два поселка насчитывают около 1000 жителей, а самым крупным и наиболее пострадавшим является г. Тулун (41279 чел.).

Этот город находится на реке Ия, которая берёт свое начало на северных склонах Восточного Саяна слиянием рек Холба и Хиаи. Более трети водосбора расположены в горах Восточного Саяна, а остальная часть – в пределах плоской заболоченной равнины Предсаянского краевого прогиба. Исследуемая территория является наиболее уязвимой к наводнениям, так как река характеризуется большими петлеобразными изгибами русла реки, сужениями и расширениями на отдельных участках [Шаликовский, 2019]. В частности, в г. Тулуно, по данным архивных и литературных материалов, в XIX–XX вв. было зафиксировано 11 наводнений (в 1820, 1870, 1906, 1937, 1944, 1952, 1960, 1959, 1962, 1980, 1984 гг.). Особенно масштабные с превышением критического уровня произошли в 2006 и 2019 гг. [Кичигина, 2019].

Источник. Авторские расчеты по данным администрации Тулунского района.

Рис. 1. Пострадавшие населенные пункты Тулунского района

Результаты анализа и оценки ущерба в г. Тулуне

Оценку экономического ущерба от наводнения в г. Тулуне мы проводили по методике ВИЭМС [Методика оценки..., 2006], в частности расчеты стоимости фактического (Y_{ϕ}) и прогнозного годового ущерба ($Y_{п}$).

С учетом названных выше недостатков оценка фактического ущерба (Y_{ϕ}) от наводнения в г. Тулуне оказалась заниженной и составила всего 7,8 млрд руб.

Для расчета прогнозного ущерба ($Y_{п}$) были применены укрупненные показатели оценки по семи основным категориям объектов: жилищный фонд, промышленные объекты, а также социально значимые, коммуникации и инженерные сооружения, склады и хранилища, приусадебные участки, дачные участки и дома. Величина прогнозного ущерба по этим объектам составила 24,4 млрд руб.

По результатам обследования, в Тулунском районе было затоплено и подтоплено более 4 тыс. жилых домов. Почти 77% из них находятся в г. Тулуне (в зоне затопления оказались 2567 домов, а в зоне подтопления – 549). Соотношение полностью и частично утраченного жилого фонда составило 81% и 19% соответственно. В районе также затопило 900 дачных участков в девяти садовых некоммерческих товариществах. Прямой экономический ущерб жилому сектору г. Тулуна нами оценен в 7,2 млрд руб.

При этом, по данным управления соцзащиты и администрации г. Тулуна, гражданам было выплачено почти 10 млрд руб. только по жилищным сертификатам, более 1 млрд руб. составили другие социальные компенсации. Такая разница, на наш взгляд, получилась из-за того, что фактический (или компенсационный) размер ущерба определялся по заявительному принципу от пострадавших лиц, а наши расчеты были основаны на количестве и площади жилого фонда.

Что касается оценки степени разрушения жилья, то на практике в связи с экстренностью ситуации и необходимостью быстрого возмещения ущерба населению, эта работа производится силами оценочных комиссий, а позже оценка корректируется на основании заявлений от пострадавших. Так, по данным оценочной комиссии, было подтоплено 2392 дома (по актам послепаводкового комиссионного обследования, август 2019 г.), а по заявительному принципу – 3505 домов (Постановление мэра Тулунского района от 12.12.2019 г.).

Сопоставление полученных результатов и возникновение конфликтов по поводу жилищных компенсаций, широко освещенные в СМИ, указывают на большие трудности с выбором методики определения ущерба. Этот вопрос требует очень тщательного подхода.

В г. Тулуне затоплению и подтоплению подверглись 20 социально значимых объектов (СЗО): четыре учебных заведения

(в том числе две школы), три дошкольных детских учреждения, одно общежитие, три учреждения здравоохранения, одно учреждение культуры и др. Также в зоне затопления оказались более 80 торговых объектов, были повреждены одно очистное сооружение и три котельных, семь спортивных сооружений открытого и закрытого типа. Ущерб по СЗО нами оценен в 2,2 млрд руб.

По сведениям администрации г. Тулуна, восстановление СЗО планируется в полном объеме за счёт привлечения бюджетных средств различных уровней. Часть объектов уже строилась на момент написания статьи, часть – проектировалась или шла подготовка документации. В Тулуне намерены построить 14 новых СЗО (в том числе четыре детских дошкольных учреждения, две школы, центр развития детей и юношества, новое здание автостанции, спортивный зал в школе № 6, легкоатлетический манеж, физкультурно-оздоровительный комплекс с ледовым полем, инфекционную больницу и диагностический центр)⁵. Для сопоставления с нашими результатами не было возможности получить данные по реальным (компенсационным) выплатам, так как все работы по восстановлению объектов СЗО ведутся различными подрядчиками за счет федеральных и региональных средств.

В зону затопления попал 31 промышленный объект (предприятия легкой и пищевой промышленности, бытового обслуживания, коммунально-бытового хозяйства, химической промышленности, строительные организации, автотранспортные предприятия и т.д.). Наиболее пострадавшими были строительные и деревообрабатывающие предприятия, а также легкой и пищевой промышленности.

Последствия наводнения для промышленного сектора оценены в 3,9 млрд руб. Данная цифра, по нашему мнению, сильно занижена: во-первых, не учтены такие показатели, как потеря машин и оборудования, готовой продукции, сырья, топлива, полуфабрикатов и др.; во-вторых, здесь особо важную роль играет учет косвенного ущерба (недополученная или упущенная выгода), который может сказываться на экономике не только

⁵ В Тулуне намерены построить 14 новых социальных объектов [Эл. ресурс]. URL: <https://i38.ru/ nedvizhimost- obichnie/v-tulune-namereni-postroit-14-novich-sotsialnich-obektov> (дата обращения: 24.06.2020).

самых предприятий (бизнес-единиц), но и всего района в течение многих лет после наводнения.

На наш взгляд, промышленный сектор г. Тулуна приходится признать наиболее пострадавшим, так как его восстановление ложится на плечи самих предприятий. Незначительные компенсационные выплаты для последних от государства (в основном в размере от 200 до 500 тыс. руб.) не покрывают даже минимальный ущерб (по данным администрации г. Тулуна). О страховых возмещениях сложно говорить, так как страхование рисков от чрезвычайных ситуаций развито крайне слабо. Достаточно сказать, что уровень страхования недвижимости от чрезвычайных ситуаций в нашей стране не дотягивает даже до 3% против 55% в наиболее развитых странах мира [Nordhaus, 2006; Порфирьев, 2015].

Что касается транспортной и энергетической инфраструктуры, то в г. Тулуна затоплено свыше 25 км автодорог (в том числе федеральных и региональных), 2,5 км водопроводных сетей, 1,3 км сетей теплоснабжения, свыше 90 км ЛЭП, опор и т.д., требуется ремонт двух мостов. В городе затоплены автостоянки площадью 2,5 тыс. м². Общий ущерб по ним составил 10 млрд руб. Восстановление мостов, водопроводных и тепловых сетей, ЛЭП повлечет довольно крупные расходы, поэтому финансируются по большей части за счет федеральных и региональных средств.

Согласно выбранной методике, итоговые величины прямого экономического ущерба населению, секторам экономики и социальной инфраструктуре в г. Тулуна нами определены в 24,4 млрд руб., в том числе на коммуникации и инженерные сооружения пришлось 10 млрд руб. (41%), на жилой сектор – 7,2 млрд руб. (34%), промышленность – 3,9 млрд руб. (16%), социально значимые объекты – 2,2 млрд руб. (9%) (рис. 2).

На наш взгляд, полученный результат наиболее приближен к реальным убыткам, так как сопоставлен с некоторыми фактическими показателями ущерба (затратами на аварийно-восстановительные работы, организацию финансово-материальной помощи пострадавшим) и согласован с администрацией г. Тулуна.

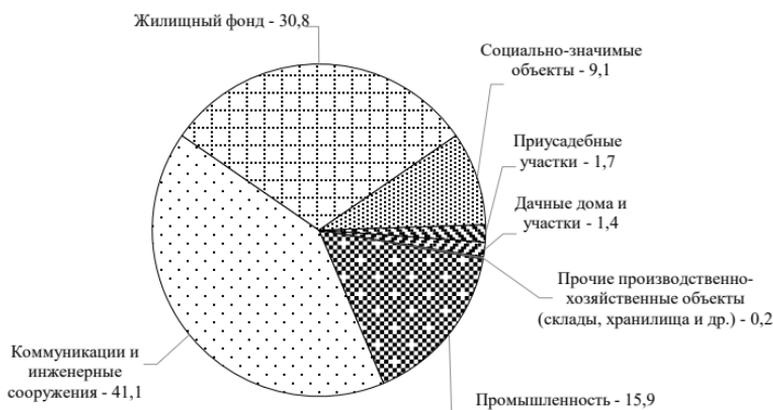

Рис. 2. Структура прямого экономического ущерба
в г. Тулуне, %

Однако практика восстановления разрушенных объектов и компенсационного возмещения по ущербам еще раз доказывает преобладание патерналистской модели в России в отличие, скажем, от американской и европейской моделей, где наиболее развиты система страхования и личная ответственность за имущество. Нам кажется, что у значительной части населения еще сохраняется «советский менталитет» о социальной гарантии со стороны государства в случае чрезвычайных ситуаций, и они надеются на него.

Заключение

С нашей точки зрения, наиболее существенными выводами проведенного исследования можно считать следующие.

Анализ методологических разработок и методических материалов зарубежных исследователей по оценке экономического ущерба выявил существенные расхождения, предопределяющие отсутствие универсального подхода к данной проблеме. Использование возможностей государственного финансирования и страхования также варьируется по странам. Однако во многих странах страхование позволяет несколько облегчить бремя расходов государства по компенсации последствий стихийных бедствий.

Сравнительный анализ существующих методик в России показал их несовершенство и плохую сопоставимость (итоговые цифры оценок ущерба сильно расходятся). Отечественный методический аппарат, по нашему мнению, нуждается в совершенствовании и унификации подходов. Это необходимо не только в целях более достоверного определения размеров компенсации и страховых сумм, но и для принятия общей концепции «управления ущербом». Утверждение ее на федеральном уровне позволит избежать хаотичности в действиях федеральных и региональных властей. В настоящее время их реакция, как правило, остается несогласованной, запаздывающей и ориентированной на решение сиюминутных задач, связанных с уже произошедшими наводнениями. Также, например, нет четкой организованности и согласованности в работе по оценке ущерба.

Во-первых, выбор методики оценки отдается на откуп исполнителям (как правило, это научно-исследовательские и инженерно-изыскательские организации), отсюда, следовательно, большие расхождения полученных результатов; во-вторых, совершенно не известно, на какие цифры для компенсаций ориентируются заказчики (как правило, это министерства субъекта Федерации); в-третьих, почти 70–80% компенсаций, как правило, выплачиваются до окончания всех исследовательских работ, в том числе и по оценке ущерба (из исследований разных наводнений). Поэтому практическая значимость многих работ теряется.

Несмотря на ограниченность, разрозненность и несопоставимость информации из разных источников, нам удалось сделать комплексный анализ и оценку ущерба основных видов жизнедеятельности и секторов экономики г. Тулуна. В целом, на наш взгляд, они дают реальную картину последствий наводнения и указывают на некоторые существующие проблемы с чрезвычайными ситуациями, в частности с жилищными компенсациями, помощи промышленности и т.д.

Литература

Авакян А.Б. О воде с тревогой и надеждой. Екатеринбург: РосНИИВХ, 1999. 174 с.

Алексеев Н.А. Стихийные явления в природе: проявление, эффективность защиты. М.: Мысль, 1988. 254 с.

Борщ С. В., Мухин В. М. Метод прогноза возможного ущерба от наводнений: на примере Московской области // *Метеорология и гидрология*. 2000. № 7. С. 98–107.

Воробьев Б. В., Косолапов Л. А. Водотоки и водосемы: взаимосвязь экологии и экономики. Л.: Гидрометеиздат, 1987. 267 с.

Добровольский С. Г., Истомина М. Н. К разработке концепции «управления ущербом» от наводнений в Российской Федерации // *Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования*. М.: ЦСЗ ГЗ МЧС. 2016. № 1 (6). С. 30–36.

Исследование и комплексный анализ факторов опасного развития гидрологической обстановки и разработка научно-обоснованных рекомендаций для предотвращения катастрофических паводков и обеспечения безопасности территорий Тулунского района Иркутской области (этап 1) // *Отчет о НИР*. Т. 2 «Анализ факторов опасного развития гидрологической обстановки в бассейне р. Ии летом 2019 г.». Иркутск, 2019. 340 с.

Кичигина Н. В. Опасность паводочных наводнений в городах Иркутской области // *Географические исследования Сибири и сопредельных территорий*. Материалы Международной географической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения акад. В. В. Воробьева. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 393–396.

Методика оценки вероятностного ущерба от вредного воздействия вод и оценки эффективности осуществления превентивных водохозяйственных мероприятий. М.: ВИЭМС, 2006. 153 с.

Мы и амурские наводнения: невыученный урок? / Под ред. А. В. Шаликовского. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2016. 216 с.

Парфенова О. Т. Экономическая оценка и возмещение ущерба от наводнений на северных реках Республики Саха (Якутия): дисс. канд. экон. наук. Якутск: ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», 2017. 168 с.

Парфенова О. Т. Совершенствование методики оценки вероятного ущерба от наводнений на северных реках Республики Саха (Якутия) // *Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации*. Материалы Международной научно-практической конференции. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. С. 166–178.

Порфирьев Б. Н. Экономические последствия катастрофического наводнения // *Регион: экономика и социология*. 2015. № 3 (87). С. 257–272.

Раткович Д. Я., Раткович Л. Д. Типы наводнений и пути сокращения наносимых ими ущербов // *Водные ресурсы*. 2000. Т. 27. № 3. С. 261–266.

Токарева Е. А. Мировой опыт страхования рисков природных катастроф / Под ред. Л. И. Цветкова. М.: Анкил, 2015. 88 с.

Шаликовский А. В. Основы рационального использования паводкоопасных территорий: дисс. доктора географических наук. Екатеринбург, 2004. 231 с.

Шаликовский А. В. Причины катастрофического наводнения в городе Тулун // *Кулагинские чтения: техника и технологии производственных процессов*. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2019. Ч. 3. С. 34–39.

Grigg N., Helweg O. State of the art of estimating flood damage in urban areas. JAWRA Journal of the American Water Resources Association. 1975. No. 1. Pp. 379–390.

Nordhaus W. The Economics of Hurricanes in the United States: Working Paper. New Haven, Yale University. 2006. 46 p.

Smith D. I. Assessment of urban flood damage. In *Proceedings of Flood Plain Management Conference*. Australian Water Council. Canberra, Australia. 1981. Pp. 145–180.

White G. F. Human Adjustment to Floods. Research Paper. Chicago, University of Chicago, Dept. of Geography. 1964. No. 29.

Статья поступила 14.07.2020.

Статья принята к публикации 30.11. 2020.

Для цитирования: Дугарова Г.Б. Анализ и оценка последствий наводнения в г. Тулуне (Иркутская область) // ЭКО. 2021. № 1. С. 130-150. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-130-150

Summary

Dugarova, G.B., Cand. Sci. (Econ.), Sochava Institute of Geographe, SB RAS, Irkutsk

Analysis and Evaluation of Flood Impact in Tulun (Irkutsk region)

Abstract. The paper considers the evaluation and analysis of the flood impacts. The disastrous flood happened in June 2019 in the Irkutsk region due to extreme precipitation. The city of Tulun was the most affected by the flood. Theoretical and methodological aspects of flood impact are studied. The paper presents a case study of economic consequences appraisal. Various methods are reviewed for appraising economic consequences. There are a shortcomings and problems in various methods. We have chosen the most optimal method. The total flood damage was 24 billion rubles. Estimating economic consequences of the flood is an urgent scientific and practical task. The analysis and evaluation provide a real “picture” of the flood consequences in Tulun. The materials and results of the study are based on processing the primary data. A geographical approach plays a special role in the study of flood consequences.

Keywords: *flood, socio-economic consequences; evaluation methods; flood damage; Tulun; Irkutsk region*

References

Avakyan, A.B. (1999). *About water with anxiety and hope*. Ekaterinburg, RosNIIVKH Publ. 174 p. (In Russ.).

Alekseev, N.A. (1988). *Natural phenomena in nature: a manifestation and protection effectiveness*. Moscow, Mysl' Publ. 254 p. (In Russ.).

A study and comprehensive analysis of potential hazards in the local hydrological environment and development of science-based recommendations to prevent catastrophic floods and ensure the safety in the Tulunsky district Irkutsk region (phase 1) (2019). *In research report. Vol. 2: «Analysis of dangerous development*

factors of the hydrological situation in the II river basin in the summer of 2019». Irkutsk. 340 p. (In Russ.).

Assessing methodology for the damage probability from the water harmful effects and the effectiveness of preventive water management measures. (2006). Moscow, VIEHMS. 153 p. (In Russ.).

Borshch, S.V., Mukhin, V.M. (2000). Predicting method of possible flood damage: an example the Moscow region. *Meteorologiya i gidrologiya*. No. 7. Pp. 98–107. (In Russ.).

Dobrovol'skii, S.G., Istomina, M.N. (2016). Development of the flood damage management concept in the Russian Federation. In *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya*. Moscow, TSSZ GZ MCHS. No.1 (6). Pp. 30–36. (In Russ.).

Grigg, N., Helweg, O. (1975). State of the art of estimating flood damage in urban areas. *JAWRA Journal of the American Water Resources Association*. No 1. Pp. 379–390.

Kichigina, N.V. (2019). Danger of floods in the cities of the Irkutsk region. *Materialy Mezhdunarodnoi geograficheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V.V. Vorob'eva Geograficheskie issledovaniya Sibiri i sopredel'nykh territorii. International conf.* Geographical research of Siberia and adjacent territories. Irkutsk, Institute geografii im. V.B. Sochavy SO RAN Publ. Pp. 393–396. (In Russ.) Nordhaus, W. (2006). *The Economics of Hurricanes in the United States: Working Paper*. New Haven, Yale University. 46 p.

Parfenova, O.T. (2017). Economic assessment and compensation for flood damage on the northern rivers of the republic Sakja (Yakutiya). Diss. kand. ehkon. nauk. Yakutsk, FGAOU VO «Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet imeni M.K. Ammosova». 168 p. (In Russ.).

Parfenova, O.T. (2019). Improving the methodology for assessing possible flood damage on the Northern rivers of the Republic of Sakha (Yakutia). *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Resursnaya ehkonomika v kontekste sovremennykh tendentsii globalizatsii. International conf.* Resource economy in the context of modern globalization trends. Izdatel'skii dom SVFU Publ. Pp. 166–178. (In Russ.).

Porfir'ev, B.N. (2015). Economic consequences of a catastrophic flood. Region: ehkonomika i sotsiologiya. No. 3 (87). Pp. 257–272. (In Russ.).

Ratkovich, D.YA., Ratkovich, L.D. (2000). Types of floods and ways to reduce their damage. *Vodnye resursy. Water Resources*. Vol. 27. No. 3. Pp. 261–266. (In Russ.).

Shalikovskii, A.V. (2004). Fundamentals of rational use of flood-prone areas. Diss. dokt. geogr. nauk. Ekaterinburg. 231 p. (In Russ.).

Shalikovskii, A.V. (2019). Causes of catastrophic flooding in the city of Tulun. *Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kulaginskie chteniya: tekhnika i tekhnologii proizvodstvennykh protsessov. XIX International conf.* Kulaginsky readings: techniques and technologies of production processes. Chita, ZabGU. Vol. 3. Pp 34–39. (In Russ.).

Smith, D.I. (1981). Assessment of urban flood damage. In *Proceedings of Flood Plain Management Conference. Australian Water Council*. Canberra, Australia. Pp. 145–180.

Tokareva, E.A. (2015). *The international experience of risk insurance from natural disasters*. Moscow, Ankil. 88 p. (In Russ.).

Vorob'ev, B.V., Kosolapov, L.A. (1987). *Watercourses and reservoirs: the relationship between ecology and economy*. Leningrad, Gidrometeoizdat. 267 p. (In Russ.).

We and the Amur floods: a lesson not learned? (2016). Moscow, Vsemirnyi fond dikoi prirody (WWF). 216 p. (In Russ.).

White, G.F. (1964). Choice of Adjustment to Floods. Chicago, University of Chicago, Dept. of Geography. No. 93. 150 p.

For citation: Dugarova, G.B. (2021). Analysis and Evaluation of Flood Impact in Tulun (Irkutsk region). *ECO*. No. 1. Pp. 130-150. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-130-150

Аукционы – сердце рыночной экономики. Нобелевская премия по экономике 2020 г.

Ю.П. ВОРОНОВ, кандидат экономических наук. E-mail: corpus-cons@ngs, ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
ООО «Корпус», Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследований, за которые в 2020 г. была присуждена Нобелевская премия по экономике. Теория аукционов, разработанная П. Милгромом и Р. Уилсоном, находит широкое применение во всем мире, равно как и конкретные форматы аукционов, предложенные ими. Отмечается, что в российской экономике аукционы, а следовательно, и инновации лауреатов, используются в сравнительно меньшей степени, чем за рубежом. Хотя премия присуждена за «развитие теории аукционов», в данной статье показано, что работы лауреатов вписаны в более широкий контекст экономических проблем. П. Милгром, в частности, соавтор учебника «Экономика, организация и менеджмент», изданного на русском языке в 2004 г. Разнообразные исследования лауреатов объединяет принцип взаимодополняемости (комплементарности), которому они следуют как в разработке форматов аукционов, так и в обучении организации промышленного производства.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике; аукционы; правила торговли; теория аукционов; государственные закупки; проклятие победителя; радиочастоты; промышленные кластеры; быстрая перестройка производства; принцип взаимодополняемости

Лауреатами Нобелевской премии по экономике в 2020 г. стали два профессора Стэнфордского университета (США) – Пол Милгром и Роберт Уилсон «за усовершенствование теории аукционов и разработку новых форматов аукционов».

П. Милгром получил степень бакалавра в Мичиганском университете, магистра по статистике и доктора по специальности «бизнес» – в Стэнфордском. Р. Уилсон все эти три степени получил в Гарвардском университете. Оба сейчас преподают в Стэнфордском университете. Никакой сенсации. Нобелевская премия по экономике в 2020 г. досталась как обычно профессорам из США.

Сама тема, которой занимались лауреаты, также не нова для Нобелевского комитета, который ранее отметил несколько выдающихся экономистов, на труды которых опирались П. Милгром

и Р. Уилсон. Прежде всего назовем лауреата 1978 г. Герберта Саймона¹, который сформулировал концепцию ограниченной рациональности [Simon, 1995]¹. По Г. Саймону, в процессе принятия решения человек испытывает проблемы, связанные как с его личными предубеждениями, верованиями, привычками, ожиданиями, так и с объективным недостатком информации, времени, ресурсов. Поэтому он не может предвидеть будущее «идеально» и строить точные прогнозы. Еще один предшественник П. Милгрона и Р. Уилсона – нобелевский лауреат 2001 г. Майкл Спенс, получивший премию «за анализ рынков с асимметричной информацией»² [Spence, 1977]. Он подробно исследовал результаты разного рода торгов, включая аукционы.

Нельзя не вспомнить в ряду предшественников лауреата 1996 г. Уильяма С. Викри³, работы которого они активно развивали. Кстати, Пол Милгром в 1996 г. читал нобелевскую лекцию вместо У.С. Викри, поскольку тот умер через 10 дней после присуждения. Один из видов аукционов даже получил его имя.

Наконец, большой вклад в теорию аукционов внесли лауреаты 2007 г. Эрик Маскин⁴ и Роджер Майерсон⁵, которые рассматривали ее как часть более общей проблемы разработки (дизайна) рыночных механизмов. Они показали, что среди всех этих механизмов аукцион – это наиболее эффективный способ распределения ресурсов и частных (не общественных) благ среди данной совокупности покупателей. Он не только приносит максимальную возможную выгоду продавцу, но и имеет преимущества перед другими механизмами по ряду других критериев, например, позволяет максимизировать эффективность проданного права (лицензии)⁶ [Воронов, 2020].

Работающих в Стэнфордском университете Пола Милгрона и Роберта Уилсона можно (с небольшими оговорками) отнести к чикагской экономической школе. Об этом свидетельствует

¹ Герберт Александр Саймон (1916–2001) – профессор Университета Карнеги-Меллона.

² Майкл Спенс (р. 1943) – профессор Калифорнийского университета (Беркли).

³ Уильям Спенсер Викри (1914–1996) – профессор Колумбийского университета.

⁴ Эрик Маскин (р. 1950 г.) – профессор Принстонского университета.

⁵ Роджер Майерсон (р. 1951 г.) – профессор Чикагского университета.

⁶ Интересно, что в отечественной литературе критерий дохода продавца в аукционах (во многих случаях это – государство) полагается определяющим.

хотя бы то, что их важнейшие публикации появились в чикагском «Журнале политической экономии». Интерес последователей этой школы к проблеме монополизации рынков вполне объясним.

Если монополизм присущ экономической реальности, то описываемые в либеральной теории идеальные рыночные механизмы содержат явные дефекты. Рынок, в который легко может прокрасться монополизация, не в состоянии обеспечить нормальное, равновесное развитие экономики. А это противоречит общим принципам чикагской школы, согласно которым свободные рынки лучше всего распределяют ресурсы в экономике, а наилучшим способом хозяйственной организации является минимальное вмешательство государства.

Впрочем, многие исследователи считают обоих лауреатов приверженцами относительно нового направления в экономической науке – неонституционализма. Создателем этого направления считается Рональд Козз⁷, наиболее значительным представителем – Дуглас Норт⁸ и окончательно оформившим направление – Оливер Уильямсон⁹. Все трое, каждый в свое время, также стали нобелевскими лауреатами.

Функции аукционов в экономике

История аукционов начинается в глубокой древности. Такого рода торги практиковали в Вавилонии, античной Греции, Римской империи, а также в древнем Китае и Японии¹⁰. Но было бы неправильно выделять их как нечто, не связанное с другими рыночными механизмами. В настоящее время аукционы вписываются в общую линейку рыночных институтов, на одном краю которых находятся биржи (товарные, валютные и фондовые), занятые торговлей унифицированными однородными товарами, без них современная рыночная экономика практически невозможна. На другом полюсе – механизм оптимизации парных

⁷ **Рональд Гарри Коуз** (1910–2013) – английский экономист, профессор Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике 1991 г.

⁸ **Дуглас Сесил Норт** (1920–2015) – американский экономист, профессор Вашингтонского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. Получил ее совместно с Робертом Фогелем.

⁹ **Оливер Итон Уильямсон** (1932–2020) – профессор Калифорнийского университета (Беркли), лауреат Нобелевской премии по экономике в 2009 г.

¹⁰ До сих пор наилучшим обзором истории аукционов считается книга [Cassady, 1967].

сочетаний (matching), разработанный нобелевскими лауреатами по экономике 2012 г. Л. С. Шепли¹¹ и Э. Ротом¹².

Между этими крайностями – разнообразные механизмы купли-продажи разнородных товаров, за которые готовы торговаться покупатели с разными вкусами и предпочтениями. С некоторой натяжкой любой торг на рынке при отсутствии фиксированной цены можно считать аукционом. Однако существует значительная часть сделок, которые официально квалифицируются как аукционы. Общее для всех аукционов – принцип состязательности. Право покупки (заключения контракта) предоставляется лицу, выигравшему аукцион в соответствии с его правилами.

Аукционная торговля применяется в следующих условиях: когда торгуемые товары или услуги уникальны; время на установление цены сделки ограничено; оценка каждым участником продаваемого товара осуществляется индивидуально, она базируется на известной ему частной информации, и решение принимается на ее основе; в целях выравнивания прав покупателей торги должны идти по стандартной (типовой) процедуре.

Есть еще два условия, которые напрямую связывают поведение организатора торгов (или продавца) с концепцией ограниченной рациональности: он, как правило, старается избежать случайных победителей (к торгам допускается строго определенный круг участников), и у него часто существуют цели помимо достижения максимальной выручки от торгов [Wilson, 1979].

В течение столетий существования аукционов как формы торгов их организация постоянно совершенствовалась. Сегодня через них торгуются предметы искусства, идут государственные закупки, приватизируется государственное имущество и предприятия, продаются лицензии на добычу полезных ископаемых, квоты на вылов рыбы, совершаются многие другие сделки.

Два основных типа аукционов называют голландским и английским, соответственно, с понижением или повышением стартовой цены. В рамках других классификаций выделяют аукционы открытых и закрытых ставок (во втором случае участники не знают ставки друг друга), аукционы первой и второй цены

¹¹ Ллойд Стауэлл Шепли (1923–2016) – профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), лауреат Нобелевской премии по экономике 2012 г. (совместно с Э. Ротом).

¹² Элвин Элиот Рот – профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике 2012 г. (совместно с Л. Шепли).

(second-price auction, или аукцион Викри)¹³. В последнем случае право покупки получает тот, кто назначил самую высокую цену, но покупает он по цене, названной предыдущим (вторым) участником. Смысл такого подхода в том, что на принятие решения потенциальным покупателем действует ожидание следующего предложения, которое может «перебить» его собственное. Поэтому в аукционе Викри игроки торгуются более агрессивно, смелее объявляют свою цену, не боясь переплатить. Экономисты говорят, что такой аукцион обеспечивает более высокую рыночную эффективность, потому он приобретает все большее распространение в мире.

Пример аукциона с большой историей – продажа цветов в Голландии. В пяти огромных залах цветы движутся по конвейеру. Покупатели сидят за специально оборудованными столами, расположенными амфитеатром. В распоряжении каждого из них находится кнопка, связанная с большим циферблатом, на котором стрелка движется от максимальной до минимальной цены. На принятие решения по покупке партии цветов отводится несколько секунд. Покупателем становится тот, кто первым нажмет кнопку, уже через 10–15 мин. он получает счет на оплату, после чего цветы упаковываются и доставляются в холодильниках по месту назначения. За четыре часа продается 12 млн срезанных и миллион горшечных цветов. В целом на 12 аукционных площадках в Нидерландах продается более 6 млрд цветов в год.

Начиная с XVII века в Токио в три часа ночи каждого буднего дня открывается знаменитый рынок Цукидзи, где рыбаки выгружают свежий улов (в основном это тунец), оценивают объем и качество товара и готовят его к продаже. Покупатель должен заранее приобрести лицензию, которая дает ему право участвовать в торгах, которые продолжаются с пяти до семи утра. Процедура продаж настолько необычна, что аукцион представляет собой туристическую достопримечательность.

Существует огромное количество видов аукционных торгов, различающихся теми или иными нюансами. Например, на биржевых торгах используется механизм двойного аукциона – когда одновременно и продавцы, и покупатели торгуются за право

¹³ Получил название по фамилии **Уильяма Викри** (1914–1996) – американского экономиста, профессора Колумбийского университета, лауреата Нобелевской премии по экономике 1996 г.

совершения сделок. За всеми этими нюансами стоит большая теория, которую и оценил Нобелевский комитет.

История аукционов, связанная именно с работами нобелевских лауреатов 2020 г., началась 38 лет назад [Milgrom, Stokey, 1982; Milgrom, Weber, 1982]. Но еще до первой публикации 1982 г. они занимались разработкой технологии проведения аукционов по заказам различных фирм-организаторов. Об этом опыте Пол Милгрэм рассказал в статье 2000 г. «Заставляя теорию аукционов работать» [Milgrom, 2000], которая затем была превращена им в книгу с тем же названием [Milgrom, 2004].

С чего все началось

Еще в 1960-е годы многие стали отмечать, что в радиодиапазонах на ультракоротких волнах нет порядка. Тогда большое распространение получили УКВ-радиостанции, которые радиолюбители собирали самостоятельно из готовых деталей. Радиус их действия был незначительный – до километра, и использовались они для связи любителей между собой. При этом если на одной и той же частоте (в узком ее радиодиапазоне) одновременно действовало несколько передатчиков, нередко возникали помехи радиосигнала. Таким образом мог быть нанесен вред авиасообщению, действиям во время чрезвычайных ситуаций, что вынуждало государственные органы строго следить за чистотой эфира и отлавливать нарушителей.

Решить эту проблему можно было путем распределения диапазонов радиочастот, в результате чего государство избавляло себя от забот по преследованию нарушителей эфира. А когда затем возникла идея продавать радиочастоты, оно смогло еще и получать доходы¹⁴. Однако от общей идеи торговли правами на использование радиодиапазонов до практических продаж еще нужно было дойти. И сделали это нобелевские лауреаты 2020 г.

По этому пути они продвигались в три этапа. Прежде всего, это разработка новых форматов аукционов и их экспериментальное апробирование в 1994 г. Далее – практическое внедрение разработанных правил торговли радиочастотами. И, наконец, третий

¹⁴ Кстати, без этих двух составляющих – вмешательства государства в распределение эфирных частот и внедрения многоаундовых аукционов – вряд ли можно было организовать нормальную работу появившейся позднее сотовой связи.

этап – обобщение эмпирических результатов, полученных на этом и других рынках, и развитие на их основе теории аукционов.

В 2000 г. именно разработка лауреатов для рынка радиоволн прошла классическую экспериментальную проверку: одно- временно в Великобритании и в Швейцарии прошли аукционы по продаже лицензий на радиочастоты. В первом случае соблюдались рекомендации ученых, во втором – нет. В результате в Великобритании аукцион принес в бюджет 650 евро на душу населения, а в Швейцарии – всего 20 евро¹⁵.

Новые форматы

Наиболее показательным форматом аукциона, придуманным двумя лауреатами, можно считать пакетный, или веерный. Чаще всего он используется на рынке продажи лицензий на использование диапазонов радиоволн в отдельных регионах, когда на продажу одновременно выставляются до двух десятков диапазонов частот в разных точках страны. Приобрести эти частоты можно только единым пакетом, что гарантирует более высокий доход, чем при продаже «в розницу». Пол Милгром объясняет это тем, что продажа пакетом вызывает у покупателей соображения о разных стратегиях будущего использования своего приобретения. Больше разнообразие диапазонов в лоте – больше вариантов выбора наилучшей стратегии [Bulow et al., 2009]³.

Торги могут быть организованы как в один раунд, так и в несколько (этот подход, кстати, годится для любого формата аукциона). Выбор конкретных параметров зависит от особенностей лотов и тех целей, которые ставит перед собой организатор (собственник). Так, например, открытый синхронный аукцион с повышением ставок, по мнению лауреатов, целесообразен, когда на торги выставляется несколько лицензий и стартовая оценка их стоимости, равно как и предпочтения участников, неопределенны.

Одним из вариантов открытого многораундового аукциона с повышением ставок является «тактовый» аукцион. Лауреаты рекомендуют использовать его для продажи лотов, примерно равных по стоимости, когда у участников нет оснований предпочесть один из них другому. На лоты устанавливается единая цена, которая с каждым раундом поднимается, пока общее количество

¹⁵ Результаты пересчитаны в евро для единой базы сравнения.

участников торгов не сравняется с количеством лотов. В пакетном варианте такого аукциона лоты объединяются в пакеты, примерно равнозначные для участников. Цена устанавливается для усредненного лота каждой группы [Володина и др., 2013].

При организации открытого многоаундового синхронного аукциона с повышением ставок могут применяться разные правила. Стандартный вариант такой формы торгов предполагает продажу нескольких лотов, цена на каждый из которых поднимается только тогда, когда кто-то делает на него ставку. Таким образом, в процессе торгов цены на отдельные лоты меняются. При этом участники могут корректировать свои ставки, то есть начать делать ставки на тот лот, цена которого ниже.

В «тактовом» аукционе цена за один лот каждой группы является в начале раунда. Участники сообщают, сколько лотов каждой группы они готовы приобрести на указанных условиях. Для группы лотов, на которые спрос больше предложения, цена за лот повышается. В следующем «такте» алгоритм повторяется. Так происходит до тех пор, пока спрос по всем группам лотов не сравняется с предложением [Ausubel et al., 2006].

Комбинаторный открытый многоаундовый аукцион используется, когда лоты дополняют друг друга. В отличие от стандартного аукциона, участники могут делать несколько ставок – как на отдельные лоты, так и на их произвольные комбинации. Определяется комбинация ставок с максимальной суммой, и победителями признаются участники, которые сделали на нее ставки. Интерес к комбинаторным формам аукционов, по-видимому, со временем будет расти.

Одной из лучших разработок П. Милгрона и Р. Уилсона и в науке, и в хозяйственной практике считается прокси-аукцион с возрастающей ценой. В таком аукционе от лица участников выступают прокси-агенты, которые повышают ставки итеративно по правилам английского аукциона, но лишь до заранее оговоренного с клиентом предельного уровня (впрочем, до окончания торгов участник при желании может повысить предельную цену). Участники не знают предельные цены друг друга. Торги заканчиваются, когда прекращаются ставки. При этом, как и в аукционе Викри, окончательная цена определяется по ставке претендента, следующего сразу за победителем. В работе 2002 г. лауреаты показали, что такая форма эффективнее препятствует

сговорам и лучше учитывает бюджетные ограничения, чем ее предшественники – классический английский аукцион и аукцион Викри [Ausubel, Milgrom, 2002]. Начиная с 1998 г. прокси-формат стал использовать известный аукционный сайт eBay, в настоящее время им же пользуются Yahoo и Amazon.

К достижениям лауреатов можно отнести изобретение «дешевеющих лицензий» (depreciating licenses), которые показали свою эффективность при аукционах на частоты 3,5 ГГц. Проблема, которую они решали таким образом, состояла в следующем. Иногда победители аукциона приобретали частоты не для их реального освоения, а для дальнейшей перепродажи. Следовало уже в формате аукциона пресечь развитие вторичного рынка лицензий. Лауреаты разработали несколько вариантов таких аукционов. В одном из них ежегодно происходило удешевление лицензии на 10%, а налогообложение не корректировалось, в другом было заложено повышение налоговых ставок при перепродаже по цене приобретения или выше. В некоторых случаях (чаще всего при неиспользовании лицензии по прямому назначению) предусматривается возврат лицензии организатору аукциона со скидкой [Milgrom et al., 2017].

Сейчас по всему миру государства продают право на использование диапазонов радиочастот на аукционах по методикам П. Милгрона и Р. Уилсона. В России судьба таких аукционов сложилась неудачно. Особенно это заметно на рынке сотовой связи, где не так уж много игроков. Только в 2010 г. Минкомсвязи РФ согласилось на переход к аукционной торговле радиочастотами, но на данный момент состоялись всего одни торги. Аукцион по продаже лицензий на право использования радиочастот для сетей связи четвертого поколения (4G) начался 29.09.2015 г. и продолжался семь дней. Это был стандартный аукцион с постепенным повышением цены с шагом 5% без каких-либо усовершенствований, придуманных нобелевскими лауреатами 2020 г. По итогам торгов шесть лотов были поделены между четырьмя участниками. На следующие торги – в 2016 г. и 2018 г. – не было подано ни одной заявки¹⁶. В 2020 г. полосы миллиметрового диапазона для создания пилотных зон сетей

¹⁶ Подробнее см. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38690/> (дата обращения: 10.12.2020).

5G были без какого-либо конкурса предоставлены совместному предприятию «Мегафона» и «Ростелекома», созданному специально для их получения.

В этом плане наша экономика развивается при последовательном игнорировании современных научных достижений. Причины – на поверхности: олигархическая экономика терпит аукционы только в тех сферах, которые без них не могут обойтись в принципе.

Российские аукционы: нефть, газ и рыба

В нашей стране аукционы используются в сфере государственных закупок, при продаже лицензий, рыбы, пушнины и еще в нескольких областях (но заметно менее активно). Их проведение регулируется двумя федеральными законами: 44-ФЗ¹⁷ и 223-ФЗ¹⁸.

Закон 44-ФЗ от 05.04.2013 г. регулирует все правила государственных закупок в стране. Нарушение порядка процедур влечет за собой отмену сделки и наложение штрафных санкций на заказчика. Поставщик, в свою очередь, может быть уверен, что все заказчики будут действовать исключительно в определенных законом рамках. По 44-ФЗ в аукционах участвуют государственные и муниципальные бюджетные учреждения, а также унитарные предприятия, за исключением тех, которые правительством признаны особо значимыми. Закон неоднократно подвергался существенным изменениям.

Закон 223-ФЗ от 18.07.2011 г. определяет только основную идею и принципы проведения закупок. Детали и порядок процедур прописываются заказчиками в положениях, которые могут сильно отличаться друг от друга, так что поставщикам, участвующим в аукционе, приходится каждый раз учитывать новые условия закупки. По этому закону иницируют аукционы организации, в уставном капитале которых доля государства превышает 50%, организации, деятельность которых относится к регулируемым видам (электро-, тепло-, водоснабжение и т.п.), субъекты естественных монополий («РЖД», «Ростелеком» и т.п.), предприятия, признанные государственно важными,

¹⁷ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

¹⁸ Федеральный закон № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г.

а также организации, делающие закупки за счет безвозмездных бюджетных грантов¹⁹. О практических проблемах участия и организации торгов по этим двум законам писал журнал «ЭКО» [Сычева, 2020]⁵.

При госзакупках в РФ используется всего шесть форматов аукционов. Начиная с 2006 г. в отечественную практику государственных закупок активно внедряются классические английские аукционы, которые занимают сейчас основную долю на рынке (примечательно, что во всем мире их доля уменьшается с 1980-х годов [Хвалынский, 2015], вместо них все более широкое распространение получает аукцион Викри, что считается одним из основных успехов теории аукционов).

При продаже прав, лицензий дело обстоит не лучше. Здесь напомним, что одна из классификаций аукционов делит их на те, где ценность объекта продажи одинакова для всех (*common value*, общая ценность), и те, где ценность его для каждого своя (*private value*, частная ценность). В первом случае участник аукциона смотрит на поведение соперников, пытаясь уточнить эту общую оценку. Во втором случае его наблюдения направлены на то, чтобы оценить разницу в *private value*. Пример преобладания *private value* – аукцион по продаже предметов искусства. В большинстве продаж коммерческих объектов, напротив, преобладает *common value* по той причине, что их использование однотипно и экономический эффект от их использования у разных участников сопоставим, но тут возникают нюансы, вызванные уже особенностями покупателей [Wilson, 1998].

В России при продаже лицензий на добычу нефти и/или газа (именно в этой сфере проводятся наиболее масштабные аукционы) участникам предоставляется информация о месторождениях, на основании которой они могут оценить сроки эксплуатации, объемы инвестиций, текущих затрат и выручки. Исходно ценность участка общая, поскольку любой игрок извлечет из него один и тот же объем сырья. Но, во-первых, в точности неизвестно, каков этот объем – собственные оценки участников в этих вопросах могут расходиться, поэтому они следят за ставками соперников, чтобы сверить их оценки со своей и, если надо, скорректировать цену.

¹⁹ Последняя корректировка 44-ФЗ и 223-ФЗ прошла в 2020 г. до получения Нобелевской премии П. Милгромом и Р. Уилсоном. В этих корректировках учитывались и разработки лауреатов, но без ссылок на них даже в комментариях.

Во-вторых, играют роль некоторые факторы положения покупателя на этом рынке: возможность доступа к трубопроводной системе, наличие технологических компетенций для разработки именно этого типа месторождений и т.п.

Сильно отстает от мировых достижений и организация рыбных аукционов в РФ. Нужно сказать, что рынок рыбных ресурсов возможен (и являлся таким изначально) только как аукционный – в силу своей сильной раздробленности. В большинстве стран до 80% вылова приходится на мелкие предприятия, а доля маломерного флота в совокупном тоннаже рыболовецких судов доходит до 90%.

Исторически в Японии, Франции и других странах рыбу для розницы продавали с помощью открытого голландского аукциона. Сейчас аукционные площадки рыбороторговли существуют в 22 государствах, и форматы их работы отличаются большим разнообразием (во многом благодаря разработкам нобелевских лауреатов 2020 г.). В России с рыбной продукцией работают несколько коммерческих биржевых площадок (рыбных бирж), но пока это направление только развивается, так как рыбаки используют преимущественно другие каналы сбыта²⁰.

Существуют исследования, доказывающие эффективность применения на отечественном рыбном рынке четырех типов аукционов [Корнейко, 2016] (таблица), но пока эти предложения не дошли до практической реализации, и российские рыбаки предпочитают продавать свой улов за рубежом.

Виды аукционов при продаже рыбных ресурсов

Цена	Тип аукциона	
	Закрытый	Открытый
Первая	Запрос котировок	Английский аукцион (с восходящей ценой)
Вторая	Аукцион Викри	Голландский аукцион (с нисходящей ценой)

Лишь в июле 2020 г. во Владивостоке прошел первый рыбный аукцион по продаже икряной сельди, использующий мировой опыт, с участием зарубежных покупателей. Для этого пришлось построить сопутствующую инфраструктуру, включая современный холодильный комплекс²¹.

²⁰ URL: <https://fishretail.ru/news/auksioni-po-prodage-ribi-pereezgayut-v-rossiyu-409937> (дата обращения: 10.12.2020).

²¹ URL: <https://fishretail.ru/news/auksioni-po-prodage-ribi-pereezgayut-v-rossiyu-409937> (дата обращения: 10.12.2020).

Впрочем, новые форматы аукционов, не нашедшие пока свое место в российской экономической практике, не единственная сфера, где лауреаты добились заметных результатов.

Помимо аукционов

Пол Милгром известен в России совсем не как разработчик теории аукционов, а прежде всего – как один из авторов знаменитого учебника «Экономика, организация и менеджмент», написанного в 1990 г. [Milgrom, Roberts, 1990] и переведенного на русский язык в 2004-м [Милгром, Робертс, 2004]. Этот двухтомник посвящен изучению фирм и организаций «такими, какие они есть» и содержит более сотни примеров из деятельности известных компаний.

Значительная часть примеров взята не из литературы или информационных сообщений, а из практики контактов и консультаций, которые проводили сами авторы учебника, что приближает его к монографии о практике экономической деятельности в США. Можно только удивляться, как в стандартную программу для подготовки МВА удалось вставить столько результатов собственных аналитических исследований.

В учебнике всего семь частей. В первой из них на конкретных примерах из жизни дана характеристика внутренней структуры экономической организации, мотивации работников и форм их сотрудничества. Во второй читателю показывают «невидимую руку рынка», движения которой объясняются не только динамикой цен, как у классиков, но и конкретными действиями менеджеров и собственников бизнеса.

Третья часть посвящена контрактам и долговременным связям между фирмами и организациями. В четвертой рассмотрены стимулы, которые движут не только людьми, но и организациями. При этом частная собственность рассматривается как один из стимулов, а не как основа рыночной экономики. Авторы убеждены, что именно система стимулов, а не частная собственность сама по себе должна быть обязательным условием существования рыночной экономики.

Пятая часть учебника представляет систему трудовых отношений, заключения трудовых договоров, вознаграждений, продвижения по служебной лестнице и т.д. В шестой части – финансовые решения, структура капитала, инвестиции,

окупаемость и прочее. Наконец, последний раздел посвящен динамике способов организации: на примере развития и роста отдельных крупных компаний показано, как жесткие иерархические структуры постепенно заменяются более развитыми формами управления.

Остановлюсь на двух ключевых проблемах, к которым авторы привлекают внимание читателей: расширение возможностей быстрой перестройки производства и кластеризация. Для иллюстрации первой из них авторы приводят пример фирмы «Дженерал Моторс», где переход на новую модель автомобиля занимал обычно около месяца. Но вот в 1988 г. инженеры компании, выйдя на работу в понедельник после обычного уик-энда, начали выпуск новой модели автомобиля (правда, для обеспечения такого быстрого перехода в первый раз потребовалось несколько лет подготовки, зато впоследствии это вошло в обычную практику).

Кластеризация, то есть формирование постоянных хозяйственных связей между юридически самостоятельными предприятиями, в учебнике определяется тем, что какую-то часть функций предприятия кластера объединяют (в маркетинге, НИ-ОКР, технологии и организации производства). Они согласуют между собой изменения цен, направления повышения качества продукции, помогают друг другу максимально быстро удовлетворять потребности рынка, реализуя тем самым общую стратегию действий на рынке.

Авторы выделяют 66 положительных эффектов такого согласованного поведения, для оценки воздействия которых используют 12 параметров. Это позволяет провести достаточно строгую формализацию происходящих процессов кластеризации и быстрой перестройки производства на новую продукцию. Два этих процесса рассматриваются в учебнике как взаимосвязанные. Если твои партнеры не способны быстро перестроиться, эффективность твоих инвестиций в увеличение адаптивности будет ниже. И все эти тезисы подкреплены в учебнике примерами из деятельности конкретных компаний.

В предисловии к русскому изданию авторы пишут, что материалы курса введены в учебные программы во многих странах мира для подготовки не только экономистов и менеджеров, но и юристов, и политологов. На учебник часто ссылаются в научных публикациях.

Принцип взаимодополняемости (комплементарности)

Может показаться, что кластеризация и быстрые перестройки технологии очень далеки от теории аукционов, за развитие которой лауреаты получили премию. Но это не так. «Центральный способ рассуждения», на котором основан учебник П. Милгрота и Дж. Робертса – это принцип взаимодополняемости. Авторы дают такое определение: «два вида деятельности являются взаимодополняемыми, когда осуществление одного делает осуществление другого более привлекательным» [Милгром, Робертс, 2004]. Экономический эффект, получаемый взаимодополнением, выше, чем сумма двух эффектов для взаимодействующих сторон.

По их мнению, все экономические институты, виды деятельности и направления экономической политики в той или иной степени содержат элементы взаимодополняемости. Если какой-то институт не дополняет другие, он нежизнеспособен. Кластеры и быстрые перестройки хороши именно тем, что повышают уровень взаимодополняемости.

Тот же принцип взаимодополняемости реализован и при разработке пакетных многоаундовых форматов аукционов. Участник такого аукциона принимает решение о покупке того или иного диапазона радиочастот на определенной территории, ориентируясь на то, как этот пакет будет дополнять его деятельность на этой же или другой территории, на которой он уже закрепился. Организатор аукциона о таких взаимодополнениях обычно только подозревает, но вся процедура строится так, чтобы сделать такие взаимодополнения возможными.

Таким образом, единый принцип реализуется как в торгах, так и на производстве, как в учебнике, так и в практических рекомендациях организаторам аукционов. Несомненно, в практической сфере у лауреатов накоплен большой опыт, но информация о нем в открытых источниках крайне скупа. Я думаю, это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, консультантов могут сдерживать обязательства о неразглашении коммерческой тайны, которые особенно строги, если речь идет о взаимодействии фирм. Во-вторых, как настоящих ученых, П. Милгрота и Р. Уилсона постоянно влечет к обобщению эмпирического опыта в формулах и уравнениях, какими они, в частности, описывают и эффект взаимодополняемости.

По этим двум причинам поясню принцип взаимодополняемости на примерах из российской практики. В 1990-е гг. в стране встала проблема загрузки промзон, занимаемых крупными промышленными предприятиями, которые были вынуждены значительно сократить объемы выпуска и стали активно искать арендаторов на освободившиеся площади. В Новосибирске на территории Завода низковольтной аппаратуры²² был успешно реализован проект индустриального парка, опыт которого описывался в «ЭКО»²³.

Резидентами парка стали более сотни малых производственных фирм-арендаторов, которых управляющая компания парка пыталась простимулировать к налаживанию хозяйственных связей. Приведу два удачных результата нашей работы, иллюстрирующие принцип взаимодополняемости²⁴. Одна из компаний испытывала необходимость в приобретении мощного промышленного лазера, но мешали отсутствие средств на его покупку и невозможность обеспечить его полную загрузку своими силами. И вот однажды нам удалось собрать в кабинете управляющего промзоной директоров трех фирм, которые подписали трехсторонний договор. Одна компания обязалась приобрести лазер и сдать его другой в лизинг, вторая – запустить его и гарантировать бесперебойную работу, а третья – обеспечить своими заказами загрузку лазера не менее, чем в одну смену.

Еще один пример на той же площадке. Компания, которая изготавливала изделия из пластмасс, стала задерживать арендные платежи из-за отсутствия заказов. Одновременно выяснилось, что другие компании приобретают термопластавтоматы для организации пластмассового производства у себя. Руководители промзоны созвали совещание с участием всех заинтересованных сторон, где были приняты соглашения о том, что в первую очередь нужно загружать мощности «соседей», которые на таком

²² В период всеобщей открытости всем, а не только избранным, стало известно, что под этим названием работал крупнейшей крупнейший в мире завод по производству патронов. Пользуюсь случаем выразить благодарность за сотрудничество директору завода Петру Яковлевичу Добрынину и руководителю управляющей компании промзоны Осадчму Александру Семеновичу

²³ См.: *Веселова Э. Ш.* Инициатива снизу. Опыт создания частного индустриального парка в Новосибирской области // ЭКО. 2015. № 10. С. 43–63.

²⁴ В этой работе моя команда представляла компанию «Корпус», но параллельно с нами по той же части промзоны и со сходными задачами работал коллектив сотрудников ИЭ и ОПП СО РАН под руководством В. В. Титова.

производстве специализируются. А те обязались установить «для своих» льготные цены и условия поставки. Для верности охране промзоны было дано указание без особого разрешения не пропускать на территорию новые термопластавтоматы.

Мне искренне жаль, что в то время, более четверти века назад, я не был знаком с работами П. Милгрона и Р. Уилсона по взаимодополняемости. Такое знание сделало бы нашу работу еще более полезной и интересной.

* * *

Аналитики отмечают, что Нобелевский комитет мог бы обратить свое внимание и на других разработчиков успешно внедренных новых форматов аукционов: Лоуренса Аузубеля [Ausubel, 2006] и Питера Крэмптона из Мэрилендского университета [Ausubel, Cramton, 2004], Престона Макафи и Филиппа Рени из компании Майкрософт [McAfee, Renu, 1992] и многих других, работающих в той же сфере. Всем, разумеется, невозможно стать нобелевскими лауреатами. Но не упомянуть их хотя бы в этой статье было бы неправильно.

Литература /References

Володина Е. Е., Десяткин Е. Е., Суходольская Т. А. Классификация и характеристика способов проведения аукционов по продаже радиочастотного спектра// Труды НИИР. 2013. № 4.

Volodina, E.E., Deviatkin, E.E., Suchodolskaya, T.A. (2013). Classification and description of auction conducting methods for the sale of radio frequency spectrum. Trudy NIIR. No. 4.

Воронов Ю. П. Нобелевские лауреаты по экономике (1995–2019)/ Новосибирск: Автограф, 2020. С. 229.

Voronov, Yu.P. (2020). Nobel laureates on economics (1995–2019). Novosibirsk. Avtograf Publ. (In Russ.).

Корнейко О. В. Теория аукционов как инструмента повышения эффективности рыбопромышленных предприятий// Вестник ВГУЭС. 2016. № 1. С. 44–52.

Kornejko, O.V. (2016). Theory of Auctions as Fishing Enterprises Efficiency Improvement Instruments. *Vestnik VGUES*. No. 1. Pp. 44–52. (In Russ.).

Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент. 2004. Т. 1 и 2. СПб. ВШЭ.

Milgrom, P., Roberts, J. (2004). *Economy, organization and management*. Vol. 1 and 2. SPb. HSE. (In Russ.).

Сычева Н. В. Будни бюджетного образовательного учреждения // ЭКО. 2020. № 3. С. 61–77. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–61–77.

Syczewa, N.V. (2020). Everyday life of a budget educational institution. *ECO*. No. 3. Pp. 61–77. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–61–77.

Хвалынский Д. С. Оптимизация классических моделей аукциона в целях увеличения дохода аукциониста // Конкурентоспособная Россия. 2015. Т. 9. № 3 (53). С. 67–81.

Hvalynski, D.S. (2015). Optimization of classic auction models in order to increase the auctioneer's income. *Competitive Russia*. Vol. 9. No. 3 (53). Pp. 67–81. (In Russ.).

Ausubel, L. (2006). An Efficient Dynamic Auction for Heterogeneous Commodities. *American Economic Review*. Vol. 96. No. 3. Pp. 602–629.

Ausubel, L. M., Cramton, P., Milgrom, P. (2006). The Clock-Proxy Auction: A Practical Combinatorial Auction Design. In Cramton P., Shoham Y., Steinberg R. (eds.) *Combinatorial Auctions*. MIT Press. Pp. 115–138.

Ausubel, L., Cramton, P. (2004). Vickrey auctions with reserve pricing. *Economic Theory*. Vol. 23. No. 3. Pp. 493–505.

Ausubel, L.M., Milgrom, P.R. (2002). Package Bidding: Vickrey vs Ascending Auctions. *Revue économique*. Vol. 53. No. 3. Pp. 391–402.

Bulow, J., Levin, J. Milgrom, P. (2009). Winning Play in Spectrum Auctions. NBER Working Paper Series. Working Paper 14765.

Cassady, R.J. (1967). *Auctions and Auctioneering*. University California Press.

McAfee, R.P., Reny, Ph J. (1992). Correlated Information and Mechanism Design. *Econometrica*. Vol. 60. No. 2. Pp. 395–421.

Milgrom, P.R. (2000). Putting Auction Theory to Work: The Simultaneous Ascending Auction. *Journal of Political Economy*. Vol. 108, No. 2. Pp. 245–272.

Milgrom, P.R. (2004). *Putting Auction Theory to Work*. Cambridge University Press.

Milgrom, P.R., Stokey, N. (1982). Information, Trade and Common Knowledge. *Journal of Economic Theory*. Vol. 26, No 1. Pp. 17–27.

Milgrom, P.R., Weber, R.J. (1982). A Theory of Auctions and Competitive Bidding. *Econometrica*. Vol. 50, No. 5. Pp. 1089–1122.

Milgrom, P., E. Weyl, G., Zhan, A.L. (2017). Redesigning Spectrum Licenses. *Regulation*. Vol. 22. Fall. Pp. 22–26.

Milgrom, P., Roberts, J. (1990). The Economics of Modern Manufacturing: Technology, Strategy and Organization. *American Economic Review*. No. 1. Pp. 511–528.

Simon, H.A. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69, No. 1. Pp. 99–118.

Spence, A.M. (1977). Entry, Capacity, Investment and Oligopolistic Pricing. *The Bell Journal of Economics*. No. 8. Pp. 534–544.

Wilson, R. (1979). Auctions of Shares. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 93, No. 4. Pp. 675–689.

Wilson, R. (1998). Sequential Equilibria of Asymmetric Ascending Auctions: The Case of Log-Normal Distributions. *Economic Theory*. Vol. 12, No. 2. Pp. 433–440.

Статья поступила 07.12.2020.

Статья принята к публикации 17.12.2020.

Для цитирования: *Воронов Ю. П.* Аукционы – сердце рыночной экономики. Нобелевская премия по экономике 2020 г.// ЭКО. 2021. № 1. С. 151-169. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-151-169.

For citation: Voronov, Yu.P. (2021). The Auction as the Heart of Market Economy. Nobel Prize in Economics 2020. *ECO*. No. 1. Pp. 151-169. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-151-169.

Summary

Voronov, Yu.P., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, OOO "Korpus", Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk

The Auction as the Heart of Market Economy. Nobel Prize in Economics 2020

Abstract. The paper reviews the results of research for which the Nobel prize in economic sciences was awarded in 2020. The auction theory developed by the laureates is widely used all over the world, as well as specific auction formats they proposed.

The prize was awarded for “development of auction theory”, but this paper shows that the laureates’ works fit into the broader context of problems of market economy.

The most effective formats were auctions proposed by the laureates for the sale of radio frequency band licenses by the state.

It is noted that the Russian economy uses auctions to much lesser extent, and, consequently, the innovations put forward by the laureates. This means that Russian economists have a lot of work to do in this direction.

The author shows that many achievements of the laureates that go beyond the theory of auctions were not taken into account by the Nobel Committee. In particular, these are their works on the role of companies’ prestige in the market, as well as in organization of industrial production.

Keywords: *Nobel prize on economics; auctions; rules of trade; auctions theory; public procurement; winner curse; radiofrequencies; industrial clusters; rapid restructuring of production; complementarity principle*

Экономический журнал, экономическая наука и экономическая жизнь. (Размышления по случаю 50-летия журнала «ЭКО»)

Д.А. ФОМИН, кандидат экономических наук, E-mail: fomin-nsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4337-3697

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации; Сибирский институт управления –
филиал РАНХиГС, Новосибирск

Аннотация. Согласно информации eLibrary.ru, в период с 2006 г. я опубликовал в журнале «ЭКО» 21 статью. Кроме того, довольно длительное время входил в состав его редакционного совета. Это не самые выдающиеся достижения, однако, опыт как автора статей журнала, так и члена его редсовета, думаю, позволяет мне сформулировать некоторые представления о роли «ЭКО» в современной экономической науке и жизни и о том, как поднять его значимость и влияние.

Ключевые слова: научный журнал; академическая наука; история СССР;

история экономической мысли; советология; экономические измерения

Прошлое

Журнал «ЭКО», вне всякого сомнения, можно отнести к весьма значимому феномену союзного масштаба времен позднего социализма. В чем были причины колоссальной популярности журнала и не менее колоссальных тиражей, превышавших в лучшие годы 170 тыс. экз.? Думаю, таких причин было несколько. Прежде всего, в СССР отсутствовала качественная деловая журналистика и деловые журналы. «ЭКО», хотя и возник на базе сугубо академического института, тем не менее сумел уйти от канонов сухой официальной науки и отказаться от малопонятной даже специалистам математизации. Последнее, с учетом специфики направленности научных изысканий того времени, было не просто. Взамен этого журнал приобрел массового (и благодарного) читателя, а также преодолел границы, жестко очерченные тематикой государственного научного задания.

«ЭКО» имел ярко выраженный реформаторский (но не диссидентский) характер. Наверняка постороннему наблюдателю его успех в позднем СССР покажется непонятным и трудно объяснимым. В самом деле, каким образом журнал, не имеющий традиций, опыта, профессионального коллектива и издающийся в провинции, сумел стать столь массовым и популярным? Однако если знать время и место появления журнала, то ответ довольно очевиден. Новосибирский академгородок был типичной территорией опережающего развития, точнее, технократического развития.

Имея значительные научные достижения и не менее значительный потенциал, технократическая элита сталкивалась с косностью бюрократического аппарата и неповоротливостью советского хозяйственного механизма, которые обесценивали ее достижения и сдерживали развитие. Инструментом разрешения противоречия между стремительным научно-техническим прогрессом и общественно-политическим застоём стала политика, получившая впоследствии наименование «ускорение», а ее основным идеологом стал А. Г. Аганбегян – директор ИЭиОПП Сибирского отделения Академии наук СССР и, самое главное в контексте данных размышлений, главный редактор всесоюзного журнала «ЭКО». Журнал «ЭКО» того времени – это каталог всего самого лучшего и ценного, накопленного в позднем СССР. Это инвентаризация и оценка самых смелых и оригинальных идей. Это спокойный и уверенный взгляд в будущее, которое, вне всякого сомнения, будет более счастливым и более свободным.

Как теперь хорошо известно, политика ускорения – это последняя отчаянная попытка технократической элиты удержать власть и заявить свои права на будущее. Эта политика провалилась, политическая мутация 1990-х годов не пустила в дальнейшую историю все самое лучшее и ценное, копившееся в позднем СССР. Вне всякого сомнения, последовавший и затянувшийся до сегодняшнего дня кризис журнала «ЭКО» стоит рассматривать в этой связи как проявление крушения в России технократических тенденций, потерю веры в общественный и научно-технический прогресс и общую утрату исторического оптимизма.

Наконец, еще один немаловажный фактор популярности «ЭКО» – это оригинальная подача материала, нетрадиционный формат журнала. Когда-то Г. И. Ханин объяснил мне, почему многие западные экономисты не понимали советскую экономику.

Оказывается, они не читали журнал «Крокодил». Конечно, это шутка. Но с шутками в «ЭКО» было все в порядке. Точно также все в порядке было (и, к счастью, остается) с картинками.

Если не конкретизировать причины достижений журнала «ЭКО», а дать обобщенную характеристику успеха, то она будет звучать так: журнал «ЭКО» сумел сделать то, чего другие не сумели, и найти такую аудиторию читателей, которую другие обходили своим вниманием. Думаю, это самое главное, чему может научить история журнала.

Настоящее

Тем не менее в 1990-е годы следование традиционной стратегии, ориентация на традиционного читателя и сохранение традиционной подачи материала сослужили журналу плохую службу. Дело, конечно же, в изменениях, которые произошли в экономической и общественной жизни.

В начале рыночных реформ появилось большое количество деловых изданий, ориентированных на освещение текущего положения дел в экономике, составление разного рода рейтингов, глубокие и содержательные интервью с руководителями предприятий и крупными чиновниками. Деловая журналистика – это одно из немногих бесспорных российских достижений последних десятилетий. Начав практически с нуля (хотя и не без иностранной кадровой, финансовой и информационной поддержки), деловые издания превратились в крупные влиятельные многопрофильные средства массовой информации, а многие их руководители – в известных общественных деятелей.

Современные деловые издания располагают профессиональными коллективами, имеют богатых спонсоров и рекламодателей, влиятельных покровителей в высших эшелонах власти. Соревноваться журналу «ЭКО» с деловыми изданиями на поприще освещения текущей экономической конъюнктуры совершенно бессмысленно. Время от времени такие попытки предпринимаются, но вряд ли их можно назвать удачными. То, что было уникальным и ярким в СССР, стало обыденным и само собой разумеющимся в сегодняшней РФ.

Предпринимаются также отчаянные попытки сохранения традиций журнала в сфере обслуживания интересов провластных элит. Речь идет об освещении на его страницах разного

рода федеральных, отраслевых и региональных программ экономического развития. Тупиковость этого направления мне представляется очевидной по двум причинам. Во-первых, освещение и популяризация одиозных программ и прогнозов, не имеющих ничего общего с экономической реальностью и перспективой, в принципе не способствует привлечению читателей и популяризации журнала. Во-вторых, освещать эту деятельность должны те, кто эту деятельность ведет и получает за нее соответствующее вознаграждение. Если в позднем СССР и в начальной РФ крупные экономические заказы получали академические институты и аффилированные с ними рабочие группы, то теперь подрядчиками таких работ выступают специализированные аналитические научные центры и независимые институты, а также ангажированные учебные заведения.

Отлучение от финансовых потоков рассматривается многими представителями академического истеблишмента весьма болезненно. Однако я убежден, что не все так однозначно, в отсутствии государственных заказов (и даже перспектив их получения) на разработку программных экономических документов вполне можно найти светлую сторону.

Наконец, журнал по-прежнему старается слыть приверженцем научных и прогрессивных общественных тенденций. Речь идет о таких «перспективных» темах, как инновационное развитие, цифровая экономика, шестой технологический уклад. Но проблемой здесь является понимание (точнее, отсутствие такого понимания) возможностей современной экономики. Люди, которые формируют научно-технический образ будущего, вполне могут не задумываться о цене этого будущего. Но об этом должны думать экономисты и об этом должен писать экономический журнал. Между тем на страницах «ЭКО» я не встречал статей, посвященных, например, определению стоимости построения новой экономики в России. Или, шире, определению потребностей (финансовых, инвестиционных, кадровых) для модернизации экономики. Убежден, что если бы такие расчеты проводили авторы статей, то от их оптимизма в отношении научно-технического прогресса и его достижений мало бы что осталось.

Конечно, ситуация с журналом «ЭКО» является отражением того, что происходит в научных академических институтах и в целом в экономической науке. Некогда единые коллективы,

ориентированные на достижение общих централизованно поставленных целей, превратились в рыхлые аморфные образования, практически лишённые всяких объединяющих моментов. Следствием этого стала атомизация научных сотрудников, деквалификация, деморализация и деградация многих из них. Поэтому нет ничего удивительного в том, что произошло с «ЭКО»: какие у журнала авторы, такой и сам журнал.

Изменилась жизнь. Но не изменился журнал «ЭКО». В этом состоит причина перехода от яркого прошлого к серому настоящему.

Будущее

Тем не менее я не склонен драматизировать создавшуюся ситуацию. Убежден, что «ЭКО» вполне под силу улучшить свою репутацию и повысить значимость. В свое время причиной успеха журнала «ЭКО» стало нахождение на рынке свободной ниши, обладающей колоссальным читательским спросом. Следовательно, вопрос заключается в том, что сегодня является такой нишей и что нужно сделать для того, чтобы ее занять.

Вне всякого сомнения, журнал «ЭКО» – это печатный орган главным образом академического экономического научного общества. Как к нему ни относиться, невозможно не признать, что в этом сообществе до сих немало квалифицированных исследователей, сохранены вполне дееспособные коллективы, есть стабильное (не временное грантовое), пусть и небольшое финансирование. Это потенциал, который при правильном использовании способен на многое.

Прежде всего, экономической науке нужно вернуть утраченные в прошлом веке академические позиции. И с высот этих позиций понять, что научное сообщество не обязано выражать интересы государственной, политической и деловой элиты. Научные работники не должны служить государству и обществу (для этого есть специальные категории граждан), а наука не должна стоять на службе экономики и производства. Экономическая наука должна иметь не внешнюю, а внутреннюю логику развития и мотивацию, решать свои сугубо академические задачи по приращению научных знаний и пониманию экономики. Что можно и нужно делать в рамках такого представления? Я бы выделил несколько направлений академической деятельности.

Первое – это осмысление и систематизация научного экономического наследия. Очевидно, что даже карлики смотрят далеко, если стоят на плечах гигантов. Если бы российские экономисты знали и понимали достижения своих предшественников, наверняка не было бы среди них такого массового невежества и дилетантства. Однако в России нет сколько-нибудь системных попыток изучения этого наследия.

Рассмотрим издательскую деятельность. В 1991 г. в издательстве «Наука» появилась замечательная книжная серия – «Памятники экономической мысли», которая просуществовала до 2002 г., после этого, наверное, «памятники» кончились¹.

Стоит обратить внимание на современные книги по экономике издательства «Наука»². Трудно понять, какой логикой руководствуется редакционный совет при формировании портфеля, но большая часть книг имеет весьма сомнительную ценность. В этом плане деятельность издательства «Наука» не идет ни в какое сравнение с такими издательствами, как «Дело» (издательство РАНХиГС), издательствами Высшей школы экономики и института Е. Т. Гайдара. Все они выпускают весьма качественные книги (главным образом переводные), которые пользуются спросом и вызывают многочисленные дискуссии.

В России до сих пор не изданы полные собрания сочинения таких выдающихся экономистов, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. Л. Вайнштейн, М. И. Туган-Барановский (список далек от завершения). Мне знакомы практически полные собрания сочинений только трех отечественных экономистов – С. Г. Струмилина [Струмилин, 1963–1965], Я. Б. Кваши [Кваша, 2003] и Е. Т. Гайдара [Гайдар, 2012–2017]. Вполне возможно, что я что-то упустил, не знаю. Наконец, в России отсутствует такой научный жанр, как интеллектуальная биография. Ярким примером подобной работы является двухтомник Роберта Скидельски «Джон Мейнард Кейнс» [Скидельски, 2005]. А что, например, знают современные российские экономисты об А. В. Чаянове или Н. Д. Кондратьеве? О них довольно много писали в 90-е годы (хотя очень часто – не столько с точки зрения их жизни и вклада в отечественную и мировую

¹ Памятники экономической мысли. Серия сборников. [Эл. ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/collections/series/2765579/?&p=1>

² URL: https://naukabooks.ru/knigi/katalog/?section=558&PAGEN_1=1

науку, сколько с точки зрения преступлений против советской власти), теперь интереса практически нет.

Понятно, что при таком отношении к своему прошлому и своим выдающимся экономистам российскую экономическую науку ничего хорошего не ожидает.

Можно привести более близкие примеры. В 2019 г. вышла книга воспоминаний о В.Э. Шляпентохе [Социолог..., 2019]. Ее значительную часть написали новосибирские экономисты и социологи, хорошо знающие ученого и долго с ним работающие. Книгу выпустило частное московское издание, но не ИЭОПП, в котором В.Э. Шляпентох долго работал, и не НГУ, в котором он преподавал. В эмиграции В.Э. Шляпентох опубликовал 46 научных работ, многие из них посвящены России. Почему бы не перевести и не издать их?

Еще один очень хороший экономист, имеющий отношение к Новосибирску – С.М. Меньшиков. Я знаю немало людей, которые считают его своим учителем. Между тем российские экономические журналы (включая «ЭКО») даже не опубликовали некролог после его смерти в 2014 г. Сам я о судьбе С.М. Меньшикова знаю исключительно по Википедии. Те экономисты старшего поколения, которые его хорошо знали и должны были бы рассказать о нем и его работах, молчат.

И самый свежий пример. На прошлой неделе Г.И. Ханин сообщил мне, что бывшие советологи пишут коллективную монографию о советских экономистах. Главу о Л.В. Канторовиче пишет профессор Амстердамского университета Майкл Эллман. Раньше была наука, представители которой получали Нобелевские премии. Теперь в науке нет людей, которые способны даже описать эти достижения. Не хочется, конечно, в это верить. Но факты говорят именно об этом.

Второе, тесно связанное с первым направление академической научной деятельности – это переводная и издательская деятельность. Нет никакого сомнения в том, что экономическое прошлое нашей страны представляет и будет представлять интерес для западных исследователей. Советское общество – это вариант современного общества модерна, основанного не на западных ценностях, частной собственности и рыночных отношениях. Вопрос, на который многие хотели бы найти ответ, таков: была ли гибель СССР закономерным результатом отклонения от цивилизационного

западного пути или определялась стечением ряда негативных обстоятельств, исключив которые можно предложить современному миру альтернативную систему мироустройства и экономическую модель.

Интерес к работам западных ученых в России, уверен, колосален. И в определенной степени он удовлетворяется. Наиболее массовое издание книг западных ученых выходит в серии «История сталинизма». Она выпускается издательством политической энциклопедии (РОССПЭН), а финансируется Фондом Первого Президента России Б. Н. Ельцина. На сегодняшний день в этой серии вышло более 180 томов, примерно половина из них – это переводные издания³. Ничуть не умаляя заслуг издательства, все-таки стоит отметить, что переводные работы акцентируют внимание исключительно на самых тяжелых и драматичных моментах советской истории, они зачастую тенденциозны и не дают общего системного представления о развитии советского общества и экономики.

Что можно было бы сделать в этом направлении? Для начала организовать работу по изданию работ советских советологов. Это целый пласт очень качественных научных исследований, практически незнакомый российским экономистам. Стоит отметить, что такая работа была начата в начале текущего десятилетия в издательстве РАНХиГС, но ограничилась выпуском книг только двух авторов – А. Эрлиха и Н. Ясного [Эрлих, 2010; Ясный, 2012].

Не угас интерес к советской истории у западных исследователей и после распада СССР и официальной кончины советологии. Сужу об этом по рецензиям, которые периодически публикует Г.И. Ханнин. В последние несколько лет он опубликовал отзывы на книгу М. Элмана по истории советского планирования (2014 г., изд-во Кембриджского университета), книги Р. Дэвиса по истории советской индустриализации в семи томах (1996–2019 гг., изд-во Кембриджского университета), книгу В. Конторовича о советских военных расходах (2019 г., изд-во Оксфордского университета). Книг о советской и российской экономике, достойных перевода, выходит довольно много. Нужна

³ Научно-издательский проект «История сталинизма». Электронная база данных. [Эл.ресурсы]. URL: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/48-issledovaniya>

систематическая работа по их поиску, переводу, выпуску. Для этих целей можно создавать небольшие специализированные научные группы, главы из книг публиковать в журнале «ЭКО», там же размещать информацию о выпусках и рецензии.

Еще одним, третьим направлением научной деятельности может стать написание крупных обобщающих работ по истории, например, советской или современной российской экономики. В качестве примера можно привести семитомник «История социалистической экономики СССР» [История..., 1976–1980]. Этот труд писался в ИЭ АН СССР – на протяжении пяти лет, над ним работали десятки специалистов по самым разным направлениям экономической истории.

Такие крупные исследовательские проекты спланируют единомышленников, придадут смысл научной деятельности. Более чем очевидно, что они под силу только академическим институтам, не погрязшим в деловой государственной рутине и повседневной учебной суете. Благоприятствует написанию таких работ также и то, что современные научные работники (в отличие от своих предшественников) не испытывают идеологического давления, имеют доступ к экономическим архивам, могут использовать работы западных коллег. Вряд ли такая деятельность требует и больших материальных затрат. Накопленный в этой работе материал можно размещать в журналах, причем не только экономического, но и исторического профиля.

Работа по экономической истории СССР имеет и общественную значимость, связанную с избыточной и зачастую неоправданной ностальгией по СССР у среднего и старшего поколения и его идеализацией у молодежи. По мере углубления кризиса внимание населения неизбежно будет направлено на поиск иных вариантов организации общественной жизни и экономики. В этой связи советская мифология (бесплатное образование, медицина, жилье, отсутствие безработицы и т.д.) может сыграть такую же негативную роль, как западная рыночная мифология в конце 1980-х годов.

Прежде чем перейти к следующим направлениям научных академических изысканий, нужно напомнить, что на протяжении веков одними из основных вопросов экономической науки были вопросы описания и измерения как уровня и динамики экономического развития, так и объема накопленного обществом

материального богатства. Поиск ответов на эти вопросы задавал траекторию развития экономической мысли.

Лишь после Второй мировой войны, в ходе которой сформировалась развитая государственная статистика и счетоводство (учет) на уровне национального государства, удалось найти на них ответы. Речь идет о показателях ВВП и национального богатства. Собственно говоря, именно с появления этих показателей начинается современная и хорошо всем знакомая квантифицируемая (измеряемая) экономическая наука.

С момента появления этих макроэкономических показателей экономическая наука проделала большой путь. Речь идет, прежде всего, о ретроспективных оценках ВВП. Наиболее авторитетным специалистом в этой области был английский историк и статистик Энгас Мэддисон, который рассчитал и обобщил данные о мировом экономическом развитии. В созданной им базе данных можно найти сведения о ВВП Древнего Рима, Египта, Эллады. Наиболее полные данные об объеме ВВП и его динамики собраны по развитым странам: Великобритании (с 1252 г.); Франции (с 1280 г.); Испании (с 1285 г.); Италии (с 1310 г.); Голландии (с 1405 г.). ВВП Польши рассчитан с 1409 года, Чехословакии – с 1820 г.; Эстонии – с 1855 г.; Румынии – с 1862 г. Для бедных и отстающих стран показатель ВВП рассчитан начиная с 1950 г., то есть с года внедрения в их статистическую практику международных стандартов и принципов национального счетоводства⁴. Что касается ВВП России, то в базе данных Мэддисона его годовые показатели присутствуют начиная с 1960 г. Эти расчеты более двадцати лет назад выполнил А. Н. Пономаренко [Пономаренко, 2002].

Можно с уверенностью сказать, что если у страны нет ретроспективных расчетов макроэкономических показателей, значит, не написана ее экономическая история. В этой связи перед экономической наукой стоит задача расчетов рядов исторической динамики. Это может быть следующим, четвертым направлением усилий академической экономической науки. Первоначально работы можно было ограничить советским периодом развития экономики.

⁴ Центр роста и развития университета Гронинген. Историческая статистика Мэддисона. Эл.ресурсы]. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/>

Наконец, пятое направление деятельности науки может быть связано с оценкой национального богатства России. Положение в этой отрасли экономических знаний смело можно назвать катастрофическим.

Прежде всего, стоит отметить, что в России (и в этом ее отличие от развитых стран) отсутствуют крупные национальные аналитические агентства, оценочные и аудиторские компании, развитый и эффективный корпоративный сектор экономики, исследовательские центры, деятельность которых направлена на изучение элементов национального богатства и определение их стоимости. Единственной организацией, которая занимается такой оценкой, является Федеральная служба государственной статистики (Росстат). На протяжении многих последних лет в рамках статистики национальных счетов Росстат давал стоимостную оценку трем элементам национального богатства – основным фондам (включая незавершенное строительство), материальным оборотным средствам и имуществу домашних хозяйств. Вместо того, чтобы расширять номенклатуру статистических работ и приближаться к оценочной практике развитых стран, Росстат пошел в другом направлении. Начиная с 2015 г. стоимостная оценка проводится только по одному элементу богатства – основным фондам.

Что касается передовой мировой статистической практики, то она определяет стоимость национального богатства по таким элементам, как недра (с выделением видов полезных ископаемых), лесные угодья (с разбивкой на древесные и недревесные ресурсы), заповедные земли, пахотные земли, пастбища, земли поселений, естественный капитал, производственный капитал, иностранные активы и нематериальный капитал [The World Bank, 2011. P. 34].

Но и в исчислении стоимости основных фондов Росстат явно не преуспел, декларируемые им показатели по запасам фондов и их динамике являются недостоверными. Вместе с тем сегодня многие экономисты убеждены, что проблема правильного исчисления стоимости запасов капитала, определение его восстановительной стоимости имеют исключительно статистическую и учетную значимость.

Впервые в современной России достоверная оценка стоимости фондов и выводы из этой оценки были опубликованы

в журнале «ЭКО» двадцать лет назад – в статье К.К. Вальтуха [Вальтух, 2000]. Автор на основе результатов переоценок основных фондов исчислил восстановительную стоимость (то есть стоимость в современных ценах) основных фондов и сопоставил ее с размерами амортизационных отчислений и инвестиций. Результаты расчетов показали следующее. Первое – падение производства было более сильным по сравнению с падением производственного потенциала [Вальтух, 2000. С. 8]. Следовательно, в России в самое ближайшее время состоится восстановительный рост экономики за счет увеличения загрузки сохранившихся производственных мощностей. Второе – размеры выбытия фондов примерно в пять раз выше ввода новых фондов [Вальтух, 2000. С. 10]. А это значит, что при неизменности инвестиционной политики российскую экономику после краткого восстановительного периода ждет длительный затяжной кризис. Справедливость выводов статьи сейчас более чем очевидна. А вот понимание важности работ по оценке фондов, увы, потеряно.

В одном из совсем недавних номеров журнала «ЭКО» была опубликована статья, у авторов которой «методологическая ценность статистики восстановительной стоимости основных производственных фондов вызывает вопросы» [Клисторин, Тесля, 2020. С. 179]. В этой же статье авторы отмечают, что метод восстановительной стоимости фондов не всегда уместен и не всегда лучше балансового метода оценки [Клисторин, Тесля, 2020. С. 181], а затраты на получение такой оценки называют непомерными и непосильными [Клисторин, Тесля, 2020. С. 178].

Однако положение в сегодняшней науке и статистической практике таково, что определить реальную рыночную стоимость основных фондов и характер их воспроизводства без расчета восстановительной стоимости невозможно. Призывы к отказу от расчета восстановительной стоимости фондов – это не что иное, как призывы к упрощению и примитивизации статистики, отказу от достижений современной экономической науки, гарантированному непониманию происходящего в экономике и ее перспектив. И вряд ли это то, к чему должна стремиться экономическая наука.

Конечно, советовать что-то гораздо проще, чем это сделать. Трудностей здесь очень много. Все-таки журнал «ЭКО» – это региональный сибирский журнал, а коллектив ИЭОПП – небольшой коллектив со скудным финансированием. Это ограничивает возможности академических исследований и неизбежно уводит часть из них в региональную экономическую тематику. Вряд ли можно сделать все то, о чем написано выше. Но если возможно хотя бы что-то, то почему бы это не сделать? По крайней мере, не попытаться? Будущее предвидеть невозможно, но в одно все-таки я хотел бы верить: будущее «ЭКО» будет не таким, каким оно случится, а таким, каким его сделают мудрый коллектив журнала, его талантливые авторы и преданные читатели.

Литература

- Вальтук К.К.* Необходима мобилизационная стратегия // ЭКО. 2000. № 1. С. 3–20.
- Гайдар Е.Т.* Собрание сочинений. В 15 т. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012–2017.
- История социалистической экономики СССР. В семи томах 1917–1970-е года. М.: Наука, 1976–1980.
- Кваша Я.Б.* Избранные труды. В 3 т. М.: Наука, 2003.
- Клисторин В.И., Тесля П.Н.* Альтернативные взгляды на экономику: «Сочинения» Г.И. Ханина // ЭКО. 2020. № 9. С. 169–192.
- Пономаренко А.Н.* Ретроспективные национальные счета России: 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002. 254 с.
- Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс.* 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. В 2-х кн. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 1588 с.
- Социолог в двух мирах. Воспоминания о В.Э. Шляпентохе: сб. статей / Составители: Ю.П. Воронов, Г.И. Ханин. М.: ЦСМ и М, 2019. 232 с.
- Струмилин С.Г.* Избранные произведения. В 5 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963–1965 гг.
- Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Изд-во «Дело», АНХ, 2010. – 248 с.
- Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Изд-во «Дело», АНХ, 2012. 344 с.
- The World Bank. The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium – Washington, 2011.

Статья поступила 06.12.2020.

Статья принята к публикации 23.12.2020.

Для цитирования: *Фомин Д.А.* Экономический журнал, экономическая наука и экономическая жизнь. (Размышления по случаю 50-летия журнала «ЭКО») // ЭКО. 2021. № 1. С. 170–183. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-170-183.

Summary

Fomin, D.A., Cand. Scie. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Siberian Institute of Management, Branch of RANEPА, Novosibirsk

Economic journal, economic science and economic life (Reflections on the occasion of the 50th anniversary of ‘ECO’)

Abstract. According to elibrary.ru, I have published 21 articles in ECO since 2006. In addition, I was a member of its editorial board for quite a long time. These are not the most outstanding achievements. However, the experiences of being both an author and editorial board member, I suppose, allow me to formulate ideas about ECO’s role in the modern economic science, life, and how to raise its significance and influence.

Keywords: *scientific journal; academic science; history of the USSR; history of economic thought; Sovietology; economic measurements*

References

Gaidar, E.T. (2012–2017). *Collected Works in 15 volumes* // Moscow: Delo publishing house, RANEPА. (In Russ.).

Ehrlich, A. (2010). *Discussions about industrialization in the USSR. 1924–1928*. Moscow: Delo publishing house, ANE, 248p. (In Russ.).

History of the socialist economy of the USSR in 7 volumes, 1917–1970s. (1976–1980). Moscow: Nauka Publ., (In Russ.).

Klistorin, V.I., Teslya, P. N. (2020). Alternative views on economics: Works by G.I. Khanin. *ECO*. No. 9. Pp. 169–192. (In Russ.).

Kvasha, Ya.B. (2003). *Selected Works in 3 volumes*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

Ponomarenko, A.N. (2002). *Retrospective National Accounts of Russia: 1961–1990*. Moscow: Finance and Statistics. Pp. 254. (In Russ.).

Skidelsky, R. (2005). *John Maynard Keynes. 1883–1946. Economist, philosopher, statesman. In 2 volumes*. Moscow: Moscow School of Political Studies. 1588 p. (In Russ.).

Sociologist in two worlds. Memories of V.E. Shlyapentokh: collection of articles / Compiled by: Y.P. Voronov, G.I. Khanin. Moscow.: CSM and M., – p. 232. (In Russ.).

Strumilin, S.G. (2019). *Selected works in 5 volumes*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963–1965. (In Russ.).

The World Bank. (2011). *The changing wealth of nations: measuring sustainable development in the new millennium* – Washington.

Valtukh, K. K. (2000). A mobilization strategy is needed. *ECO*. No. 1. Pp. 3–20. (In Russ.).

Yasny, N. (2012). *Soviet economists of the 1920s. A debt of memory*. Moscow: Delo publishing house, ANE. 344p. (In Russ.).

For citation: Fomin, D.A. (2021). Economic journal, economic science and economic life (Reflections on the occasion of the 50th anniversary of ‘ECO’). *ECO*. No. 1. Pp. 170–183. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-170-183.

Юбилей «ЭКО» – подведение итогов, наметки на будущее

В конце ноября 2020 г. состоялось расширенное заседание редколлегии «ЭКО», в котором приняли участие, помимо членов редсовета и редколлегии, читатели и друзья журнала. Ключевыми вопросами повестки были подведение итогов 50-летней деятельности издания и обсуждение стратегии его будущего развития. Поскольку в № 11/2020 мы уже дали краткий очерк исторического пути, сегодня предлагаем в небольших выдержках из отдельных выступлений ознакомиться с тем, как наши читатели и друзья видят место и роль научного издания в развитии экономики страны.

Академик А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ

– Страна сегодня переживает трудный период. Мы уже семь лет находимся в стагнации, когда ВВП на душу населения вырос всего на 2,3% за период. Накопление основного капитала сократилось относительно 2013 г. на 6,5% (а это главный драйвер индустриальной экономики), розничный товароборот – на 9,6%, реальные располагаемые доходы – на 10,4%. И на все это накладывается кризис, связанный с пандемией. Уже понятно, что одним годом он не ограничится, мы по второй волне пока даже не достигли пика. И хотя вторая волна оказалась ниже, чем в Европе, ее экономические последствия, очевидно, будут для России очень серьезными, потому что у нас, в отличие от той же Европы, кризис возник на базе стагнации, и от этой стагнации перешел в негативные тренды – отток капитала, прогрессирующее старение фондов, обострение демографических проблем – по итогам года прогнозируется рост смертности на 180–200 тыс.

В это непростое время журнал должен быть инициатором новых трендов. В России, какую отрасль ни возьми, везде есть несомненные успехи, и в целом существуют благоприятные условия для подъема: в стране имеются, и даже в избытке, ресурсы, наши золотовалютные резервы больше, чем резервы Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых (притом, что в этих странах проживает около 200 млн чел. – на 50 млн больше, чем у нас). Огромные средства скопились у частного бизнеса, который обеспечивает 60% инвестиций. По оценкам Boston Consulting Group, у нас почти 1 трлн долл. за рубежом, из них 400 млрд – в офшорах.

То есть, несмотря на все санкции, имеются средства для перехода к форсированным инвестициям в основной и в человеческий капитал, а именно они – главные драйверы социально-экономического

развития. Кроме того, кризис, в отличие от стагнации, имеет встроенный механизм отскока от дна (поэтому китайцы изображают это слово двумя иероглифами: беда и шанс). Если мы подхватим этот отскок, начнем интенсивно работать после локдауна, мы, конечно, поднимемся. Главное – не оказаться опять в стагнации, как это предсказывает нам МВФ (его обновленный прогноз для России на 2021 г. – рост 1,6%).

Правительство делает много, и в правильном направлении, но объем средств, выделенный на борьбу с кризисом, совершенно не достаточен для такой огромной страны. К сожалению, мы сидим на сундуке с золотом, никак его не используя. Между прочим, в предшествующий кризис 2008–2009 гг. было использовано 211 млрд долл. резервов, хотя их накопленный объем был меньше, чем сейчас. Надеюсь, Россия приложит больше средств и усилий, будет более энергична, и хотя бы 3% роста мы сможем достичь в 2022–2024 гг.

Журнал и все мы должны работать над главной задачей – перейти к социально-экономическому росту на базе технологического прорыва и с целью повышения уровня жизни народа, как это сформулировал Президент в своих указах.

А. В. Усс, д.ю.н., губернатор Красноярского края

– «ЭКО» – уникальное издание, которое сочетает возможность для ученых смотреть на вещи практично, для практиков – поумнеть и увидеть то, что они делают в повседневной жизни, с научных позиций. И что очень важно – формат журнала является мощным стимулом для проявления интереса к науке в целом и к экономике. Для меня как действующего губернатора особенно значима региональная повестка – освещение проблем развития регионов, страны в целом и в первую очередь – Сибири. Этот макрорегион, безусловно, заслуживает внимания федерального и мирового уровня. Я благодарен редколлегии и авторам за то, что все эти годы журнал писал о проблемах Сибири, о наших крупнейших проектах. В советские годы это был «КАТЭК», потом – Нижнее Приангарье, а в последнее время – проект макрорегиона «Енисейская Сибирь».

В этом смысле показательным стал № 12/2020, посвященный реальным проблемам развития Арктики. Для Красноярского края это сверхактуальная задача. Как известно, развитие не только нашего региона, но и всей страны в ближайшие годы будет тесно связано с Арктикой, с Таймыром. Это не только уголь и золото, это новые

перспективы и новые подходы, которые диктует жизнь в деятельности ресурсных компаний, в частности компании «Норникель». Буквально на днях мы обсуждали комплексный план развития Норильска, и я в очередной раз пытался донести до всех мысль академика В. А. Крюкова о том, что город заслуживает иной судьбы. Нам необходимо обеспечить не только строительство жилья в прежнем варианте (адаптировав архитектурно-строительные решения из средней полосы), но и внедрять новые подходы в архитектуре, в теплоэнергетике, одним словом, – строить Норильск не вчерашнего и сегодняшнего дня, а Норильск будущего.

С. Д. Бодрунов, д.э.н., президент Вольного экономического общества России

– «ЭКО» остается одним из самых влиятельных и престижных экономических журналов нашей страны, выполняющим важнейшие функции накопления экономического знания, обмена научными результатами и свежими идеями. Сегодня в повестке дня как никогда остро стоят вопросы регионального развития, возвращения к экономическому росту, повышения уровня и качества жизни россиян, и роль журнала «ЭКО» в поиске ответов на эти вопросы сложно переоценить, ведь будущее социально-экономического развития страны закладывается прежде всего в научном поиске, как теоретическая концепция.

Академик В. Н. Пармон, вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения РАН

– Наши классики говорили, что идеи становятся движущей силой только тогда, когда проникают в массы. В этом смысле «ЭКО» – не только самый массовый журнал из издаваемых Сибирским отделением, но и один из самых влиятельных. Идеи, которые высказываются на его страницах, всегда конструктивны, они работают на развитие не только Сибири, но и всей России. Для нас также чрезвычайно важно, что многие, очень хорошие идеи, которые идут от наших химиков, физиков, геологов и т.д., доходят до нашей промышленности только тогда, когда пройдут через призму оценки экономистами, и в этом смысле роль Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и «ЭКО» неопределима. Институт тесно работает со всеми направлениями наук в Сибирском отделении РАН и благодаря его поддержке и активному участию, тем материалам, которые публикуются

в журнале, мы можем активнее участвовать в решении проблем, с которыми сталкивается развитие Сибири, Арктики и в целом – научно-технологическое развитие нашей страны.

А. В. Васильев, канд. физ-мат. наук, министр науки и инновационной политики Новосибирской области

– Журнал «ЭКО» с первого номера ориентирован на анализ проводимых экономических преобразований, прогнозирование экономического роста, изучение лучших управленческих практик не только Советского Союза, России, но и других стран. На его материалах выросло целое поколение как теоретиков, так и практиков экономической науки, директоров предприятий, лидеров разных эпох. На постсоветском пространстве, пожалуй, нет ни одного заметного экономиста, который не отметил бы публикацией в этом журнале. Сегодня злободневными темами стали изучение вопросов экономической глобализации, структурных изменений, происходящих в экономике. Большое число откликов и целые диспуты вызывают публикации о региональном развитии, защите природной среды и экологии, проблемах государственно-частного партнерства. Отрадно, что большое внимание журнал уделяет Новосибирской области, вопросам, связанным с развитием Новосибирского научного центра, программы «Академгородок 2.0», которая по многим параметрам является уникальной не только для нашей страны, но и для всего мира.

В. В. Иванов, чл.-кор. РАН, заместитель президента РАН, глава ИАЦ «Наука»

– Журнал «ЭКО», который был создан в 1970 г., во многом предвосхитил научные исследования в области инноваций, которые получили интенсивное развитие уже в 1990-е годы. Принципы, заложенные при его создании, были новаторскими для своего времени и, по сути, задали новое направление – исследования в области инновационной экономики. На страницах журнала с момента основания до настоящего времени рассматриваются системные вопросы экономического развития, организации производства, его взаимодействия с наукой, пространственного развития, экологии. Отличительная черта при этом – сочетание строгости и конкретности научных положений с доступной формой изложения. Сегодня в период глобальных трансформаций и определения дальнейшего направления развития страны работа журнала актуальна как никогда.

Именно она позволяет обеспечивать ускоренное распространение научных знаний и их практическую реализацию. В стране не так много журналов подобного уровня и профиля, которые позволяют дать системную картину развития.

С. В. Казанцев, д.э.н., академик РАЕН, главный редактор «ЭКО» в 1993–2009 гг.

– Я бы хотел сосредоточиться на тех проблемах, которые сегодня стоят перед научными экономическими изданиями, на примере нескольких журналов, членом редсоветом которых я являюсь.

К сожалению, после распада СССР уровень экономической науки в целом сильно упал, реальными исследованиями занимаются разве что социологи, а многие экономисты переключилась на цитирование западных источников и порой не брезгают плагиатом. Вообще круг авторов изменился. Если раньше среди них было много специалистов своего дела, которые работали на земле, то сейчас это в основном соискатели диссертаций и преподаватели вузов. Зачастую им не так важно сказать что-то новое, поделиться своими идеями, сколько – отчитаться публикациями. Поэтому авторитет журнала, его научность, его формат, его аудитория для многих из них отходят на второй план. Важно, чтобы у издания был высокий импакт-фактор, и чтобы оно было в «Скопусе».

Что еще снижает качество публикаций и создает трудности для авторов – низкая надежность статистической и деловой информации.

Со стороны журналов, рецензентов тоже есть новации, которые осложняют работу авторов, но далеко не всегда способствуют улучшению качества публикаций. Журналы требуют ссылки на иностранных авторов, даже если тема достаточно узкая и написана целиком на российском материале. Это порождает проблему «приписных ссылок». Далеко не всегда рецензенты являются профессионалами в той теме, по которой они рецензируют, и не все относятся к этой деятельности ответственно. Из собственного опыта могу сказать, что часто оценка статьи рецензентом не совпадает с той, которую дают читатели.

Наконец, читатели. Их круг тоже сильно изменился. Если раньше экономические журналы читали для того, чтобы узнать что-то новое и воплотить это в жизнь, то сейчас – чтобы использовать в диссертации или в преподавании. Экономическая наука сегодня не востребована в той мере, в которой это было в СССР. Люди

предпочитают читать те статьи, которые им доступны в сети Интернет, и по очень узким вопросам, которые им непосредственно нужны для работы.

Академик Б. Н. Порфирьев, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

– На мой взгляд, «ЭКО» сегодня востребован не только в научных, преподавательских, но и в деловых кругах. Для меня лично особое значение имеет региональная проблематика: Сибирь, Арктика – я сам в ней принимаю активное участие. Очень интересен тематический подход. Рад, что в этом году у ИИП РАН и ИЭОПП СО РАН наметился некий полигон совместных действий, как в плане реализации совместных проектов, так и на уровне совместных и перекрестных публикаций. Уверен, это будет продолжаться.

А. Р. Бахтизин, чл.-кор. РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

– «ЭКО» очень заметен на российском рынке. Его изюминка – это очень подробный охват крупнейшего макроэкономического региона страны – Сибири. Наш институт тоже пытается развивать научную периодику, и «ЭКО» является для нас маяком по целому ряду направлений, наравне с ведущими европейскими изданиями. Например, нам очень нравится принцип формирования тематических подборок, который позволяет рассмотреть проблему с разных точек зрения, в том числе – реализуя очень актуальный сегодня принцип междисциплинарности. Из других идей, подсмотренных у коллег, интересен опыт европейского Jasss – Journal of Artificial Societies and Social Simulation, который издается Европейской ассоциацией социального моделирования. Этот журнал в чистом виде электронный, что открывает массу дополнительных возможностей. Появляются статьи, где для наглядности используются цветные рисунки, интерактивные таблицы. Новый тренд – описание динамических процессов с помощью видеороликов. Конструктивно решается вопрос с подтверждением достоверности результатов – Jasss требует от авторов приложить либо очень подробное описание модели, либо программный код для воспроизведения экспериментов, которые описываются в статье. И во многих статьях приводится ссылка на Get Hub – крупнейший хостинг IT-проектов – где выложены эти программы, чтобы можно было воспроизвести все расчеты и эксперименты.

Академик А. Н. Пилясов, гендиректор АНО «Институт регионального консалтинга МГУ»

– Я хотел бы поделиться своими мыслями по поводу портфеля тем для журнала на следующие 50 лет. На мой взгляд, очень важная и интересная проблематика открывается в области пространственной экономики.

Современное российское пространство отличает колоссальная неоднородность как результат ландшафтной, природно-ресурсной, этнической и технико-экономической неоднородности. В СССР удавалось ее удерживать ценой неимоверных усилий и больших издержек, но теперь этот джинн вырвался на свободу. Проблема не только в поляризованности пространственного развития, гораздо сложнее и опаснее – «вырезанность» целых территорий из национальной экономики. Это относительно новый и очень тревожный симптом, когда наряду с благополучными анклавами высоких технологий и производства сырья и энергии остается неблагополучная, низкоуровневая экономика. Причем, политика ТОР-ОЭЗ лишь закрепляет эту тенденцию.

Помимо анклавности, на некоторых территориях очень сильны эффекты корпоративных монополий. В Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Чукотском автономных округах есть целые районы, практически выпадающие из общеэкономического пространства, на которых проявляются корпоративные монопольные эффекты разных видов.

Для решения этих проблем, обретения новой специализации и инновационного развития требуются механизмы внутрирайонного перекрестного субсидирования и внутрипроизводственного перераспределения, в том числе – через спин-оффы корпоративных структур. Но более всего для этого нужны регионально-экономические инструменты государственной политики: экономическое районирование, зональная политика. Одних инструментов финансового централизма или государственного протекционизма для этого недостаточно.

Разработка и реализация новых подходов к экономическому районированию могут решить целый ряд проблем – от обеспечения эндогенного роста в понимании Дж. Лукаса, П. Ромера и др., и сглаживания центрo-периферийных контрастов (что сегодня актуально для всех стран и экономик) – до налаживания эффективной организации межфирменных и межхозяйственных взаимодействий внутри национальной экономики, снятия многих

межкорпоративных конфликтов и несогласованности действий, в результате которых государство сегодня теряет миллиарды рублей (достаточно вспомнить конфликты «Роснефти» и «Лукойла» вокруг варандейского терминала, «Газпрома» и «Новатэка» по поводу железной дороги Бованенково–Сабетта и др.).

Все эти проблемы не новы, о них писали в 1990-е годы академики Ю. В. Яременко, потом Д. С. Львов, сейчас – В. А. Крюков. Уже более 30 лет крупные российские экономисты говорят о необходимости наладить взаимодействие ресурсных корпораций и машиностроительных предприятий в рамках «российского контракта». Для меня было неожиданностью узнать от своего китайского магистра, что китайская региональная политика и подтягивание внутренних провинций базируются в том числе на особом «китайском контракте», когда государство заставляет крупные корпорации контрактовать с предприятиями из внутренних провинций, порой депрессивных и отстающих. То есть эта идея региональной политики присутствует во многих странах, которые сталкиваются с резкой неоднородностью пространственного развития.

Следующая тема, которая на слуху во всем мире – это монополия крупных платформенных корпораций и слабость государства во взаимодействии с ними. Сегодня многие говорят об огромных социальных издержках и неравенстве, которые возникают в результате деятельности таких монополий. И конечно, государство, чтобы противостоять им, эффективно с ними взаимодействовать, должно само измениться. Стать более предприимчивым, инновационным. Это тоже не феномен России, а общемировая тенденция.

Пора, наконец, вытащить из забвения тематику районного эффекта. Сегодня много говорится про агломерационный эффект, вплоть до того, что некоторые наши молодые исследователи понимают Россию как 12 крупных городских агломераций. Но мы совсем забыли о районном эффекте, которыми занимались ученые-регионалисты М. К. Бандман и его ученики, о котором писал Н. Н. Колосовский. Агломерационный эффект действительно важен и значим, но главным образом – на плотно заселенных территориях, которыми большая часть российских пространств не является. А между тем районный эффект никуда не исчез, на территориях нового освоения только он и существует, просто его теперь приватизировали корпорации. Мы считали тот районный эффект, который получает «Роснефть», реализуя проект «Восток-Ойл» – это очень большие суммы. Нужно этим эффектом заниматься, считать

его, понимать его законы, видеть, как корпорации блестяще его используют – на общей инфраструктуре, общем перетоке знания, рынке труда и т.д.

Следующая тема, которую мог бы поднять «ЭКО», касается реальности комплексного (или, скорее, некомплексного) освоения двух крупных сибирских территорий – Обской губы и полуострова Таймыр. В советское время мы бы обязательно вспомнили о традициях комплексности, сегодня этой темы в научном дискурсе нет, а она могла бы стать очень плодотворной и для журнала, и для экономики страны, ведь там будут реализованы за 20 лет 2/3 новых арктических проектов России.

Академик Д.М. Маркович, директор Института теплофизики им. С.С. Кутателадзе СО РАН

– Для меня очень важно, что «ЭКО» был и остается местом для творческой дискуссии, научной полемики, поднимает на своих страницах острые, злободневные вопросы, в том числе, например, по проблемам современной энергетики, угольной промышленности, теплового рынка. Большим вниманием пользуются аналитические статьи от постоянных авторов, известных организаторов отраслей промышленности. Для Сибирского отделения РАН и наших читателей в Сибири важно то внимание, которое уделяет журнал проблемам Сибирского региона. На будущее мы можем инициировать обсуждение на страницах журнала экономического сопровождения программы «Академогородок 2.0» и планов комплексного развития СО РАН. Хочу пожелать нам всем более широко обсудить возрастание роли Академии наук на международной арене. Сибирское отделение может стать своего рода хабом на направлении развития научного сотрудничества Восток-Запад.

Ю.П. Воронов, к.э.н., член редколлегии «ЭКО», ИЭОПП СО РАН

– Думаю, мы могли бы поднять журнал на новый уровень, организовав нечто вроде виртуального клуба/блога, на котором в режиме нон-стоп обсуждались бы текущие проблемы российской экономики. Сейчас информационная среда совсем иная, и журналы не успевают за событиями, которые происходят в экономике. Может быть, объединиться с коллегами и создать виртуальный экономический клуб, который бы объединял ведущие экономические издания страны.

В следующих номерах вы прочтете:

- Экотуризм и природоохранная деятельность до и после пандемии COVID-19
- Оценка экономических потерь европейских футбольных клубов, вызванных коронавирусом
- Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов
- Взаимодействие власти и бизнеса в долгосрочных проектах развития технопарковой инфраструктуры
- Господдержка развития редкоземельной промышленности и модернизация экономики
- Стратегия развития обрабатывающей промышленности: иллюзия прорыва
- Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар
- Синергия поддержки государства и новых подходов к реализации стратегии диверсификации компаниями ОПК
- Что такое Сверхкомбинат?
- Несостоявшаяся реформа науки
- Совершенствование организационной модели электросетевого комплекса: зарубежный опыт и российская практика

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

2021. № 1. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2021. Выход в свет 29.01.2021

Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 240. Заказ 1. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2